164.

Прав. собеседник Начало.
изд. Казанск. духов. академии
1886 г. февраль — Казань.

ОТЕЦЪ ІАКИНѲЪ БИЧУРИНЪ [1].

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

I.

Учебные годы и служба въ Россіи.

О. Іакинѳъ Бичуринъ родился 1777 г. 29 августа въ селѣ Бичуринѣ казанской губерніи, чебоксарскаго уѣзда. Въ казанскую семинарію онъ поступилъ въ 1785 году. Это былъ очень даровитый и любознательный ученикъ съ отличною памятью, но при этомъ и съ чрезвычайно живою натурою. Семинарія дала ему богословско-философское образованіе, какое сообщалось въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ стараго типа въ переходное для нихъ время передъ реформой 1808 г. Изъ семинаріи Бичуринъ вышелъ въ 1799 г. съ хорошимъ знаніемъ классическихъ языковъ, такъ что могъ свободно объясняться полатыни, что̀ ему впо-

---

[1] Эта статья представляетъ отрывокъ изъ обработываемой исторіи пекинской духовной миссіи. Послѣдняя (исторія миссіи) начата въ виду наступившаго въ 1886 году 200-лѣтія со времени начала фактическаго существованія пекинской духовной миссіи, утвержденной de jure въ 1714 году. Составленный очеркъ представляетъ опытъ разработки церковно историческаго матеріала. Трудившійся надъ нимъ будетъ глубоко благодаренъ за всякія основательныя поправки и дополненія пробѣловъ въ его работѣ.

ицѣ, они не выяснили,—какое отношеніе имѣетъ ихъ ученіе къ другимъ пунктамъ христіанскаго вѣроученія, не касались вопроса—возможно ли для Христа какъ не Сына Божія единосущнаго Отцу совершить дѣло искупленія? Наконецъ у нихъ чрезвычайно темно и неопредѣленно ихъ собственное ученіе о св. Духѣ. Поэтому-то слѣдовало ожидать, что антитринитарныя начала не остановятся въ своемъ развитіи, что рано или поздно явится личность, которая, воспользовавшись работами предшественниковъ, представитъ изъ нихъ что либо цѣльное и болѣе или менѣе законченное. Такою личностію былъ Фаустъ Социнъ. Но такъ какъ онъ слѣдовалъ по пути, указанному главнымъ образомъ Леліемъ Социномъ и Бернардомъ Окино, то мы должны удѣлить нѣсколько страницъ для ознакомленія съ этими замѣчательными въ исторіи антитринитаризма лицами.

Е. Будринъ.

(Продолженіе будетъ).

слѣдствіи пригодилось ([1]). Изъ новыхъ европейскихъ языковъ онъ, по собственному сознанію, не зналъ англійскаго ([2]), но познакомился вѣроятно съ нѣмецкимъ языкомъ, преподававшимся тогда въ казанской семинаріи ([3]), по французски же могъ говорить и писать ([4]). Изъ школы же вынесено имъ умѣнье рисовать, любимое занятіе преосвященнаго казанскаго Амвросія Подобѣдова ([5]), что также было ему весьма полезно въ Пекинѣ.

Какъ выдающійся по способностямъ и знаніямъ ученикъ, онъ оставленъ былъ по окончаніи курса наукъ наставникомъ при своей семинаріи и проходилъ въ ней должность учителя разныхъ классовъ до поэзіи ([6]). Во время пребыванія о. Іакинѳа въ Казани проѣхала черезъ этотъ городъ въ 1793 г. миссія Софронія Грибовскаго, назначеннаго въ Пекинъ. Большинство членовъ этой миссіи было найдено въ Каза-

---

([1]) Е. Тимковскій. Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг. Спб. 1824 г., ч. 2, стр. 60. 221. 241.

([2]) О. Іакинѳъ, Статистич. описаніе китайской имперіи, Спб. 1842 г. ч. I, стр. V.

([3]) П. В. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. стр. 542. А. Благовѣщенскій. Исторія старой казанской духовной академіи, стр. 9.

([4]) Voyage en Chine.... par M. Ellis, Paris 1818, t. 1 p. 225. Ср. Тимковскаго, ч. 2, стр. 229. О. Іакинѳа «Renseignements statistiques sur la Chine», читанныя въ засѣданіи Академіи Наукъ 6 октября 1837 г.

([5]) П. В. Знаменскій, Духовныя школы, стр. 496.

([6]) Исторія Россійск. Іерархіи, изд. 1810 г., ч. 2, стр. 491. Ср. архим. *Даніила*, «Описаніе пекинскаго Срѣтенскаго монастыря» (рукопись), 50-я четвертка. Эту рукопись 40-хъ годовъ (въ 62 четвертки) авторъ пожертвовалъ 24 ноября 1856 г. Посольскому Спасопреображенскому монастырю въ Сибири, когда былъ настоятелемъ Троицкаго Селенгинскаго монастыря. Составитель настоящаго очерка считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность высокопреосв. Веніамину, архіепископу иркутскому, за данную имъ возможность пользоваться этимъ весьма интереснымъ документомъ.

ни ([1]). безъ сомнѣнія, по назначенію преосв. Амвросія. При отцѣ же Іакинѳѣ состоялось и преобразованіе казанской семинаріи въ академію (въ 1798 г.) ([2]). Въ 1800 году о. Іакинѳъ принялъ монашество. Въ 1802 г. онъ назначенъ былъ ректоромъ иркутской, а вскорѣ за тѣмъ тобольской семинаріи. Въ 1807 г. онъ получилъ новое назначеніе въ Пекинъ ([3]). Этимъ заканчивается первый періодъ въ жизни о. Іакинѳа.

II.

Переходная эпоха въ пекинской миссіи.

Время о. Іакинѳа нельзя не считать переходной эпохой для пекинской духовной миссіи. Съ этого времени она постепенно выходитъ изъ своего заброшеннаго и плачевнаго состоянія, въ какомъ находилась въ первые 100 лѣтъ своего существованія, и начинаетъ обновляться для правды, преподобія и истины. Членамъ ея постепенно даются средства и возможность ходить достойно званія; вопль ихъ былъ, наконецъ, услышанъ милостію и истиной начальства. Положимъ, истина не сразу возсіяла въ жаждущей пустынѣ Пекина; по крайней мѣрѣ съ этого времени явилась большая возможность отличать ее отъ лжи. Архимандритомъ Софроніемъ Грибовскимъ, по образованію на половину кіевляниномъ, на половину москвичемъ, заканчивается періодъ преобладанія въ пекинской миссіи начальниковъ малороссовъ и съ него же

([1]) Ихъ поступило 7 человѣкъ: іером. Іессей, изъ казначеевъ Седміезерной пустыни; іерод. Вавила, изъ той-же пустыни, іером. Варлаамъ изъ Зилантова монастыря, также казначей; учитель Карпъ Круглополовъ; студентъ Иванъ Малышевъ и дьячки Василій Богородскій и Косьма Каргинскій изъ казанской семинаріи. Послѣдніе могли быть товарищами или знакомыми о. Іакинѳа.

([2]) П. В. Знаменскій, Духовн. школы, стр. 541 и 797.

([3]) Архим. Даніилъ, Описаніе Срѣтенскаго монастыря 50 четверт.

начинается періодъ великороссовъ. Въ миссіи Софронія и всѣ члены были уже изъ Великороссіи. Вообще малороссамъ не счастливилось въ Пекинѣ и ихъ время (за исключеніемъ Амвросія Юматова—москвича) представляетъ монотонный и плачевный періодъ въ жизни и дѣятельности россійской духовной миссіи. Они бо̀льшею частію недобровольно, изъ послушанія, шли въ невѣдомую страну, потому что въ отечествѣ имъ не удавалось пристроиться. Такая подневольная жизнь была для многихъ пыткой. И добровольцамъ изъ нихъ приводилось горько разочаровываться по прибытіи въ Пекинъ. Хотя они дѣйствовали въ первое время существованія россійской миссіи въ Китаѣ, когда задачи ея были просты и не сложны, тѣмъ не менѣе они должны были вынести на себѣ нелегкій подвигъ служенія и жизни среди замкнутыхъ китайцевъ, презиравшихъ европейцевъ, и между дичавшими потомками албазинцевъ. Страдая отъ нездороваго климата (1), живя среди самой неблагопріятной азіатской обстановки, въ тяжкой борьбѣ съ самими собою, они сами часто дичали и впадали въ слабости, по бо̀льшей части складывая кости свои въ Китаѣ. Монотонное время свое они проводили въ частомъ богослуженіи (ежедневномъ — при Амвросіи) (2), на славянскомъ языкѣ, питая свою душу привозимыми изъ Россіи произведеніями свято-отеческой литературы, житіями святыхъ, южно-русскими школьными учебниками на латинскомъ языкѣ и апокрифическими сочиненіями въ родѣ исторіи Іоасафа Царевича (3). Съ китайскимъ языкомъ они, безъ со-

(1) Архим. Софроній. Извѣстіе о китайскомъ государствѣ. Москва. 1861 г. стр 26—27. 53—56.

(2) Бантышъ - Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ между россійскимъ и китайскимъ государствами, съ 1619 по 1792-й г. Казань. 1882 г. стр. 277.

(3) Опись книгамъ, сдѣланная въ 1794 г. архим. Іоакимомъ Шишковскимъ, стр. 52—53. 58 и 59. Документъ, хранящійся въ архивѣ пекинской духовной миссіи.

мнѣнія, знакомились исключительно практически. Кромѣ произведенія архим. Софронія, мало отвѣчающаго своему широкому заглавію (1) и составленнаго съ устныхъ разсказовъ и на основаніи личнаго опыта автора, они не оставили послѣ себя слѣдовъ своей дѣятельности и слѣдующимъ поколѣніямъ передали очень немного документовъ. Въ дѣлѣ миссіонерскомъ они стояли во всецѣлой зависимости отъ сильныхъ уже тогда въ Китаѣ католиковъ, слѣдуя ихъ обычаямъ не вѣнчать браковъ съ язычниками, крестить обливательно (2), пользуясь переводами ихъ отрывковъ изъ книгъ св. Писанія и другими трактатами религіозно-нравственнаго содержанія на китайскомъ языкѣ (3). Поэтому южно-россійскія духовно-учебныя заведенія, съ кіевской академіей во главѣ, въ своей исторіи должны скромно умалчивать о нихъ, за исключеніемъ святителя Иннокентія, непропущеннаго въ 1722 г. въ Китай (4) и архим. Гервасія Линцевскаго (1745 — 1755), бывшаго потомъ епископомъ переяславльскимъ (1757—1769). При всемъ томъ малороссы сослужили службу своимъ пасомымъ, преемникамъ, церкви и отечеству и скромная заслуга ихъ должна

(1) «Извѣстіе о китайскомъ, нынѣ манчжуро-китайскомъ государствѣ», напечатанное въ Чтен. Импер. Общ. истор. и древн. россійск. при Московскомъ универ. за 1861 г. По Филарету Черниг. (Обзоръ русск. духовной литературы СПб. 1861 г. кн. 2, стр. 134) Софроній описалъ свое путешествіе изъ Пекина и прежнія миссіи въ Китаѣ (Ркп.). Послѣднее сочиненіе, вмѣстѣ съ первымъ, неизвѣстное въ пекинской миссіи не смѣшивается ли съ произведеніемъ іером. Ѳеодосія Сморжевскаго († 1758), бывшаго членомъ въ миссіи архим. Гервасія? Выписки изъ его сочиненія напечатаны въ Сибир. Вѣстникѣ. СПб. 1818 г. (Филарета Обзоръ, стр. 40). Или, можетъ быть, послѣднее сочиненіе есть то же самое извѣстіе о китайскомъ государствѣ, упомянутое выше? Или же, наконецъ, это списокъ архимандритовъ пекинскаго монастыря и грамота, помѣщенныя во 2-мъ томѣ Россійской іерархіи (стр. 439 и дал.) въ 1810 г.?

(2) Письм. іером. Гурія преосв. Іакову, Тавр. епарх. вѣд. 1882 г. № 22, стр. 1081.

(3) Тамже, 1883 г. № 3, стр. 118.

(4) Макарій Булгаковъ. Истор. кіевск. академіи, СПб. 1843 г., стр. 100. Архим. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монаст. четверт. 36 наобор.

быть помянута благодарнымъ словомъ историка. Съ архим. Софронія, и особенно съ прибытіемъ новыхъ послѣ него членовъ, начинается болѣе свѣтлая эпоха въ жизни и дѣятельности пекинской духовной миссіи, когда во главѣ ея начальниковъ и въ числѣ членовъ выступаютъ великороссы съ лучшими способностями и болѣе солидной научной подготовкой. Уже въ миссіяхъ Гервасія, Николая Цвѣта (1771—1782) и Софронія студенты—великороссы Леонтьевъ († 1786), Агаѳоновъ и Липовцевъ заявили себя переводными трудами съ китайскаго и манчжурскаго языковъ. Въ новой эпохѣ знатоками этихъ и другихъ восточныхъ языковъ являются и духовныя лица, начиная съ о. Іакинѳа, а среди студентовъ, членовъ ея, выступаютъ такія личности, какъ В. Горскій, В. П. Васильевъ, И. И. Захаровъ и друг. Эти глубокіе синологи начинаютъ научную разработку китайской и сопредѣльныхъ ей восточныхъ литературъ и вносятъ въ европейскую науку капитальные труды. Во вторую же эпоху пекинская духовная миссія освобождается постепенно отъ унизительной зависимости въ католическихъ переводахъ св. Писанія и пробуетъ сама переводитъ на китайскій языкъ Новый Завѣтъ, богослужебныя и религіозно-нравственныя книги греко-россійской церкви. Наконецъ, въ новое время (съ 1863 г.), пекинская миссія переходитъ изъ вѣдомства Министерства иностранныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе св. Синода и чрезъ то получаетъ большую чѣмъ прежде возможность сосредоточивать свою дѣятельность въ одной нравственно-религіозной сферѣ. Была и оборотная сторона въ жизни великороссовъ въ Пекинѣ: и среди нихъ также попадались неудачные члены, больные, съ слабостями, и иногда очень крупными. Но говоря вообще, ихъ дѣятельность была бойчѣе и полезнѣе, если не всегда для пекинской миссіи, то постоянно для нашей церкви и особенно отечества, которому они сослужили большую службу въ дѣлѣ дипломатическихъ и торговыхъ снoше-

нiй съ Китаемъ (1). Поэтому духовно-учебныя заведенiя Великороссiи, въ главѣ съ московской славяно-греко-латинской академiей (2), могутъ гордиться именами архим. Амвросiя Юматова, наставника митрополита Платона, о. Iакинөа, Петра, Палладiя, Аввакума, Исаiи и др. и гласно именовать ихъ, какъ даровитыхъ и полезныхъ дѣятелей на почвѣ синологiи и на поприщѣ проповѣданiя православiя въ Китаѣ.

III.

Обновленiе пекинской миссiи новыми средствами.

Начало нынѣшняго столѣтiя ознаменовывается въ жизни русской церкви реформами среди духовенства и школъ, открытiемъ библейскаго общества и появленiемъ разныхъ религiозныхъ вѣянiй (3). Неудивительно поэтому, что и пекинская миссiя обратила на себя милостивое вниманiе начальства. Въ 1805 г. св. Синодомъ, въ согласiи съ гражданскимъ правительствомъ, приняты мѣры къ обновленiю пекинской духовной миссiи. Въ этихъ заботахъ на митрополита Амвросiя Подобѣдова возложено было порученiе собрать точныя свѣдѣнiя о состоянiи пекинской миссiи и о причинахъ ограниченныхъ успѣховъ ея. Митрополитъ скоро выполнилъ возложенное на него порученiе и въ 1805 г. представилъ св. Синоду докладную записку (4), въ которой предложилъ новыя мѣры для улучшенiя плачевнаго положенiя миссiи: очищенiя ея отъ лежавшей на ней грязи поношенiя и уничиженiя, дѣлавшей

(1) Мартенсъ, Россiя и Китай, перев. В. Телесницкаго, СПб. 1881 г. стр. 45. 48.

(2) Славяно-греко-латин. академiя, Твор. св. отц. т. XII, стр. 427.

(3) П. В. Знаменскiй. Чтенiя изъ исторiи русск. церкви за время царствованiя императора Александра I. Прав. Собес. 1885 г. янв. гл. I.

(4) И. Чистовичъ. Преосв. Амвросiй, Странникъ, 1860 г. май, стр. 184.

ее притчей во языцѣхъ, и выведеніи ея изъ этого оскорбительнаго для чести русской церкви и государства состоянія въ сообразное съ достоинствомъ и цѣлію ея. Въ этихъ видахъ преосв. Амвросій въ своей запискѣ выставлялъ прежде всего необходимымъ улучшить личный составъ миссіи. По его взгляду, образованнаго настоятеля миссіи слѣдовало зачислить на степень первокласнаго архимандрита, „но такъ, чтобы во время пребыванія въ Пекинѣ именоваться ему старшимъ священникомъ“. Эта благоразумная мѣра имѣла въ виду прежнюю практику нашей миссіи, основывавшуюся на V-й статьѣ ([1]) генеральнаго трактата, заключеннаго въ 1727 (и размѣненнаго въ 1728 г.) русскимъ посланникамъ Саввою Владиславичемъ съ китайскимъ правительствомъ. Обосновавъ эту привиллегію начальника пекинской духовной миссіи, докладная записка обѣщала ему льготы и по выполненіи возложенной на него должности. По пріѣздѣ его въ Россію, на случай небытія вакансіи первокласнаго монастыря, ему обѣщана выдача прежняго его жалованья по заграничному положенію „для безнужнаго содержанія“. Это жалованье, изъ суммы, ассигнованной на духовный департаментъ, имѣло выдаваться ему до помѣщеніи его въ настоятели ставропигіальнаго монастыря. Равнымъ образомъ и отправляемыхъ при немъ двухъ іеромонаховъ и одного іеродіакона, „за равномѣрное выполненіе ими своихъ должностей“, по мнѣнію автора записки, слѣдовало вознаградить при возвращеніи ихъ въ Россію настоятельскими же мѣстами въ третьекласныхъ монастыряхъ, съ одинаковыми льготами въ выдачѣ заграничнаго жалованья, какія были обѣщаны архимандриту, на случай неимѣнія въ то время вакансіи. Въ докладной запискѣ не были забыты и два церковника, которымъ по возвращеніи ихъ въ Россію обѣщано производство прежняго ихъ жалованья въ Пекинѣ, до опредѣленія къ мѣ-

---

([1]) Бантышъ-Каменскій, Дипломат. собраніе дѣлъ, стр. 341 и 368.

стамъ. Авторомъ записки было отведено видное мѣсто и хозяйственной части миссіи, которая требовала кореннаго улучшенія. Поэтому содержаніе миссіи, Высочайше утвержденное въ 1768 г. и съ небольшою прибавкою въ 1803 г. (1), считалось возможнымъ увеличить значительно противъ прежняго, именно его предполагалось ассигновать 6,500 руб. сер., вмѣсто прежнихъ 3,850 руб. При этомъ каждый пудъ пересылаемаго въ Пекинъ для миссіи чистаго серебра въ слиткахъ (94-й пробы) считался въ 1000 руб. Серебро отпускалось на 5 лѣтъ впередъ. На увеличенную сумму должны были производиться всѣ расходы по миссіи въ слѣдующемъ распредѣленіи ихъ:

Архимандриту	въ годъ	2,000	р. с.	(вм. прежн.	600 р.)
Іеромонахамъ	— по	400	—	— —	300 —
Іеродіакону	— —	300	—	— —	250 —
Церковникамъ	— —	300	—	— —	200 —
Ученикамъ	— —	400	—	— —	250 (2)

Въ виду такого увеличенія содержанія записка считала возможнымъ прибавить и срокъ для службы членамъ миссіи въ Пекинѣ: вмѣсто прежнихъ семи, положенныхъ въ 1768 г., десять лѣтъ. На практикѣ впрочемъ ни одна изъ прежнихъ нашихъ миссій не оставалась въ Китаѣ менѣе 10 лѣтъ, а миссія Амвросія Юматова продержана была даже 17 лѣтъ и вся легла костьми въ Пекинѣ за неприсылкой изъ Россіи новыхъ членовъ на смѣну ея. Кромѣ того, вмѣсто прежней выдачи каждому члену не въ зачетъ годоваго жалованья, новымъ положеніемъ сочтена болѣе удобной единовременная субсидія: архимандриту въ 750 р. с., монахамъ и студентамъ въ 200 р. с., церков-

(1) Архим. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст. 48 четверт.

(2) Чистовичъ. Преосв. Амвросій, Странн. 1860 г. май, стр. 184. Ср. Даніила, Описаніе Срѣтенскаго монастыря 48 четвертк.

никамъ во 150 р. с. ([1]). Наконецъ, по мысли Амвросія, новую миссію слѣдовало снабдить изъ Россіи лучшею ризницею, церковною утварью и книгами.

Эти основательныя предположенія удостоились Высочайшаго утвержденія 12 мая 1805 г. Изъ кабинета Его Величества былъ пожалованъ обыкновенно выдаваемый потомъ каждой новой миссіи (до 1861 г.) наборъ трехъ полныхъ облаченій ([2]) (бархатныхъ зеленыхъ, голубыхъ и траурныхъ) для священнослужителей и столько же одѣяній на св. престолъ и жертвенникъ ([3]). Изъ церковныхъ сосудовъ выданы были: потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица, тарелочки, ковшичекъ и копіе, затѣмъ св. евангеліе, кресты — напрестольный и наперсный архимандриту, вмѣстѣ съ митрой, кромѣ того—ладанъ и свѣчи въ количествѣ пудовъ до 10 ([4]). Изъ св. Синода выданъ былъ кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ и другія научныя и учебныя пособія, крестики для крещаемыхъ, малыя иконы и разныя мелкія вещи. Министерство иностранныхъ дѣлъ ассигновало сумму на подарки и выдало самыя подарочныя предметы въ видѣ хрустальныхъ и фарфоровыхъ вещей, серебрянныхъ издѣлій и другихъ произведеній европейской индустріи. Эти вещи находились въ рукахъ пристава миссіи, а при слѣдующихъ миссіяхъ ими распоряжался архимандритъ (начиная съ Петра). Наконецъ, митрополитъ Амвросій сочинилъ для нашихъ миссіонеровъ обстоятельную инструкцію, какъ имъ вести себя въ такомъ великомъ иностранномъ государствѣ и какъ содѣйствовать умноженію въ немъ церкви Христовой ([5]). Наставленія эти были

([1]) Чистовичъ. Преосв. Амвросій. Стран. 1860. май. стр. 184. 185.

([2]) См. Опись старой не употребляемой ризницы въ документахъ пекинской духовной миссіи, стр. 165.

([3]) Опись ризницы 1805 г. стр. 32. тамже.

([4]) Списокъ вещамъ изъ Кабинета Его Величества отъ 1839 г., стр. 57 и 58.

([5]) Чистовичъ. Преосв. Амвросій. Стран. май. 1860. стр. 185.

плодомъ его пастырской практики, выработанной дѣятельнымъ познаніемъ христіанства и многолѣтними трудами въ обращеніи иновѣрцевъ къ вѣрѣ православной. Къ сожалѣнію, превосходные совѣты богомудраго архипастыря, не всегда выполнявшіеся и въ Россіи, оказались гласомъ вопіющаго въ китайской пустынѣ, по разнымъ обстоятельствамъ.

IV.

Собраніе и отправленіе девятой миссіи въ Пекинъ.

Если благопопечительному начальству не трудно было увеличить содержаніе пекинской миссіи и дать ей теоретическія наставленія, то не такъ-то легкой въ выполненіи явилась практическая задача—пріисканія болѣе подготовленныхъ людей для служенія въ царствѣ хинскомъ. Отдаленный и незнаемый Китай былъ страшенъ въ глазахъ большинства русскихъ, и лица, посылаемыя туда неволею, обливались нерѣдко горькими слезами при прощаніи съ родиной и отечествомъ. Неудивительно поэтому, что поиски лица, которому предполагалось вручить начальствованіе надъ миссіею, остались въ первое время безуспѣшными: въ С.-Петербургѣ не обрѣлось такого кандидата, или если и были, такъ отказывались. Пришлось стучать въ удобопріемлемыя сердца провинціаловъ, среди которыхъ и нашелся наконецъ учитель школы большаго Тихвина монастыря, іеромонахъ Аполлосъ, котораго вѣроятно уговорили принять новую должность, или онъ самъ заинтересовался кажущимися выгодами пекинскаго положенія. Но этотъ выборъ нельзя было назвать удачнымъ. По отзывамъ современниковъ, о. Аполлосъ былъ наивнымъ простакомъ, котораго обманывали всѣ окружающіе (¹). Не такой человѣкъ тре-

(¹) П. В. Знаменскій. Духовныя школы, стр. 705. Иркут. епарх. вѣд. 1879 г. № 42, стр. 494—496.

бовался въ Пекинъ: тамъ нуженъ былъ мужъ боевой, искушенный по всяческимъ, который могъ бы и искушаемымъ помощи; тамъ желателенъ былъ истинный воинъ Христовъ, который могъ бы твердо держать нелегкое знамя православія и силою своего ума и воли импонировать на окружавшій его людъ. Не болѣе удачнымъ былъ выборъ и второстепенныхъ членовъ, которыхъ легко навербовали въ С.-Петербургѣ. На помощь новому начальнику миссіи, произведенному во архимандрита, были назначены членами два іеромонаха, вѣроятно, изъ Невской лавры, Серафимъ и Аркадій Булгаковъ, іеродіаконъ Нектарій, церковники Василій Яфитскій, Константинъ Паммовскій и трое студентовъ для изученіи китайскаго и манчжурскаго языковъ: Михаилъ Сипаковъ, Левъ Зимаиловъ и Маркеллъ Лавровскій. Четвертый ученикъ, Евграфъ Громовъ нашелся потомъ въ Иркутскѣ. Эта миссія отправилась изъ С.-Петербурга вмѣстѣ съ посольствомъ графа Головкина, назначеннаго чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ въ 1805 г. (¹). Должно быть, дорбгой до Иркутска архим. Аполлосъ перемѣнилъ свое намѣреніе, убѣдившись въ своей непригодности, или не понравился графу. Какъ бы то ни было, прибывъ въ Иркутскъ, онъ былъ оставленъ здѣсь и опредѣленъ въ 1807 г. (²) ректоромъ семинаріи и вмѣстѣ настоятелемъ иркутскаго вознесенскаго монастыря (³). Вмѣсто него былъ назначенъ начальникомъ пекинской духовной миссіи архим. Іакинѳъ, который по своимъ способностямъ и характеру, казалось, болѣе отвѣчалъ видамъ правительства.

Онъ очень охотно согласился ѣхать въ Китай: его влекла сюда любознательность. Мысль, что онъ

(¹) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенскаго монастыря, 50 четверт.

(²) Н. Семивскій. Новѣйшія повѣствованія, гл. IX, стр. 32.

(³) Въ 40-хъ годахъ онъ жилъ въ Москвѣ въ званіи настоятеля новоспасскаго монастыря. Скончался въ Ростовѣ. Филаретъ Черниговъ., Обзоръ русск. духовн. литературы, СПб. 1861 г. кн. 2, стр. 192.

будетъ проѣзжать чрезъ Монголію, которую немногіе видали своими глазами, восхищала его ([1]). По случившимся тогда обстоятельствамъ миссія должна была пробыть нѣсколько времени въ Иркутскѣ, вслѣдствіе затрудненій со стороны ургинскаго князя въ пріемѣ нашего посланника въ Китай. Графа Головкина, доѣхавшаго до Урги ([2]), такъ и не пропустили въ Пекинъ, а духовная миссія выѣхала, наконецъ, изъ Иркутска 18 Іюля 1807 г. ([3]). При ней, въ качествѣ распорядителя, состоялъ приставъ въ рангѣ капитана, титулярный совѣтникъ Семенъ Первушинъ ([4]), съ писаремъ въ рангѣ офицера, Михаиломъ Поповымъ, и толмачемъ Яковомъ Братюковымъ. Въ сентябрѣ того же года миссія выѣхала изъ Кяхты. На пути ей привелось не мало пострадать отъ непогоды и гибели караваннаго скота ([5]). Это впрочемъ не помѣшало о. Іакинѳу дорогой вести подробный дневникъ ([6]). Не мало развлекали его и дѣти природы—монголы, съ которыми приставъ миссіи расплачивался разными подарками, тѣшившими ихъ дѣтское любопытство. 10 Января 1808 г. миссія наконецъ прибыла въ Пекинъ ([7]). Здѣсь ее встрѣтили нетерпѣливо ожидавшіе, оставшіеся въ живыхъ члены старой миссіи ([8]), съ

([1]) О. Іакинѳъ. Записки о Монголіи, СПб. 1828 г., т. 1, ч. 1. стр. III.

([2]) Тимковскій. Путешествіе, ч. 2, стр. 225.

([3]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монаст. четвертк. 50-я.

([4]) Тимковскій. Путешествіе, ч. I, стр. 240.

([5]) Тамже, стр. 140.

([6]) О. Іакинѳъ. Записки о Монголіи, т. 1, ч. 1, стр. V.

([7]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монастыря, четвертк. 50-я.

([8]) Это нетерпѣливое ожиданіе выразилось въ записяхъ на корешкѣ учебника богословія, архим. Платона 1779 года. Студентъ миссіи, вѣроятно Каменскій или церковникъ Богородскій, записалъ даже раньше высчитанный имъ срокъ пріѣзда миссіи: «1806 г. іюля 5 дня перешелъ я въ монастырь, въ коемъ и жилъ до прибытія новой свиты, т. е. 1807 г. мѣсяца ноября дня. Благополучно сіе подписалъ на случай

начальникомъ во главѣ, и она была принята отлично ласково китайскимъ правительствомъ ([1]). Время пребыванія обѣихъ миссій въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ по прежней практикѣ посвящено было на взаимный обмѣнъ мыслей и опытовъ, на передачу и пріемъ имущества, церковной утвари и документовъ миссіи, на сношенія съ китайскими властями и визиты имъ. Объ этомъ не осталось въ Пекинѣ никакихъ письменныхъ памятниковъ, которые должны находиться въ архивахъ С. Петербурга.

V.

Возвращеніе въ Россію осьмой миссіи.

Миссія архим. Софронія Грибовскаго пробыла въ Пекинѣ 13½ лѣтъ (вмѣсто положенныхъ семи)— съ 27 Ноября 1794 г. до 11 Мая 1808 г. ([2]), и вернулась въ Россію въ числѣ пяти человѣкъ, вмѣсто десяти. Четверо членовъ ея скончались въ Пекинѣ, это іеромонахи—Іессей († 1802 г.), Варлаамъ († 1801 г.), іеродіаконъ Вавила и студентъ Иванъ Малышевъ († 1807 г.) ([3]). Учитель Карпъ Круглополовъ вернулся съ старой миссіей архим. Іоакима въ 1795 г. На мѣсто его былъ оставленъ тамъ караванный переводчикъ монгольскаго языка Василій Новоселовъ. Церковникъ Косьма Каргинскій также недолго пробылъ въ Пекинѣ и въ 1799 г. вернулся въ Казань, гдѣ былъ произведенъ во священника одного села ([4]). От-

---

іюля 8 дня». «Іюля въ 22 день получена бумага о количествѣ людей и о приставѣ, который назначенъ препровождать свиту въ Пекинъ».

([1]) Истор. россійск. іерарх. ч. 2, стр. 485.

([2]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монастыря четвертк. 50-я.

([3]) Такъ значится на надгробныхъ памятникахъ этихъ лицъ, похороненныхъ на кладбищѣ пекинской духовной миссіи, за исключеніемъ іерод. Вавилы. Можетъ быть, онъ выѣхалъ въ Россію раньше.

([4]) О. Даніилъ. Описаніе, четвертк. 50-я.

бывъ 11 мая, миссія архим. Софронія прибыла въ Кяхту 6 августа 1808 г., а въ Спб. добралась лишь въ 1809 г. ([1]). Являясь св. Синоду и министерству иностранныхъ дѣлъ, о. Софроній, въ оправданіе своей скромной дѣятельности и малыхъ результатовъ, выставлялъ препятствіемъ къ распространенію православія въ Китаѣ именно то, что пріѣзжавшіе туда изъ Россіи монашествующіе посылались всегда почти изъ неученыхъ, и притомъ не молодые люди, которые, по причинѣ слабой памяти, были уже не въ состояніи, живя въ Пекинѣ, научиться китайскому языку, и по причинѣ своего непросвѣщенія подвергались у считающихъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ китайцевъ презрѣнію и посмѣянію. Послѣдніе считали за великій стыдъ имѣть своими учителями, по ихъ мнѣнію, дикихъ и неученыхъ людей, не знавшихъ ни ихъ церемоніальныхъ обычаевъ, ни разговоровъ ([2]). Такого же не высокаго мнѣнія былъ и о. Іакинѳъ на счетъ научной подготовки своихъ предшественниковъ. Въ своемъ „Статистическомъ описаніи китайской имперіи" (1, 158) онъ сдѣлалъ замѣтку о томъ, какъ долго наши миссіонеры повторяли въ Россіи басню о подводной кладовой въ Мудзэни—манчжурской столицѣ. Дѣйствительно, въ миссіи Софронія старшими членами были назначены 50-лѣтніе старцы, іеромонахи Варлаамъ и Іессей. Не многимъ моложе ихъ былъ и іеродіаконъ Вавила, который оставилъ въ 1795 г. такой автографъ: „ксея церковная опяся Іеродякон попясалъса" ([3]). Что касается младшихъ членовъ, то Софроній ставилъ умѣренность китайцевъ въ питьѣ вина примѣромъ для россійскихъ дьячковъ и учениковъ, шатавшихся часто пьяными по улицамъ Пеки-

([1]) О. Даніилъ. Описаніе, четв. 50-я.

([2]) Чистовичъ. Преосв. Амвросій, стр. 184.

([3]) См. Опись, сдѣланная тайцинскаго государства въ столицѣ Пекинѣ находящимся греческаго исповѣданія великороссійскимъ церквамъ и проч. стр. 59 на обор.

на (1) и губившихъ, разумѣется, этимъ свою репутацію и здоровье.

Въ доказательство своей скромной дѣятельности архим. Софроній представилъ начальству упомянутое выше произведеніе своего пера, показывающее въ авторѣ наблюдательность надъ окружавшей его средой и обычаями китайцевъ. Но оно не имѣетъ научной постановки и всецѣло основывается на личныхъ опытахъ и наблюденіяхъ автора, съ прибавленіемъ болтовни досужихъ знакомцевъ его изъ китайцевъ, подъ часъ и привиравшихъ въ своихъ разсказахъ. Тамъ же, гдѣ авторъ пробовалъ дѣлать только переводъ съ одной латинской книги, трактовавшей о Китаѣ, онъ впадалъ въ комичные промахи: нашелъ рѣку Кроцею (croceus—желтый) (2). О. Софроній водилъ знакомство и съ европейскими вѣропроповѣдниками, какъ онъ называетъ католическихъ миссіонеровъ (3), и отъ нихъ узнавалъ о разныхъ происшествіяхъ во дворцѣ богдыхана. Кромѣ того, имъ была отыскана въ Пекинѣ и также представлена св. Синоду первая грамота сибирскаго митрополита Игнатія отъ 1695 г. плѣненному изъ Албазина священнику Максиму Леонтьеву. Вѣроятно, онъ же сообщилъ данныя о прежней исторіи пекинской духовной миссіи, которыя вмѣстѣ съ означенной грамотой и были помѣщены Евгеніемъ Болховитиновымъ въ I-мъ томѣ „Исторіи россійской іерархіи“ (4), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1810 г.

---

(1) Софроній. Извѣстіе о китайскомъ государствѣ, стр. 79.

(2) Тамже, стр. 93.

(3) Тамже, стр. 15.

(4) Ист. росс. іерарх. II, 491—500. Русск. Вѣстн. 1885 г. май, стр. 173. 175. 171. Ср. Мелетія (еп.). Древнія церковныя граматы восточно-сибирскаго края. Казань, 1875 г. стр. 66—71. Можетъ быть, преосв. Филаретъ Черниг. въ своемъ Обзорѣ русск. духовн. литературы (II, 134) подъ описаніемъ прежнихъ миссій, составленномъ вѣроятно Софроніемъ, разумѣлъ этотъ трудъ его, но въ такомъ случаѣ онъ напечатанъ, а не остается въ рукописи, какъ бранное произведеніе Ѳеодосія Сморжевскаго. Первая половина статьи о Срѣтенскомъ монастырѣ, помѣ-

Данныя эти очень кратки и сухи, тѣмъ не менѣе онѣ драгоцѣнны въ настоящее время по недостатку документовъ. За свою службу въ Китаѣ архим. Софроній былъ награжденъ пенсіею и опредѣленъ въ московскій Новоспасскій монастырь до излеченія отъ болѣзни, гдѣ и скончался 17 мая 1814 г. Свѣтскіе студенты, Степанъ Липовцевъ и Павелъ Каменскій поступили въ переводчики министерства иностр. дѣлъ, такъ какъ хорошо изучили китайскій и манчжурскій языки. Церковникъ Василій Богородскій былъ опредѣленъ причетникомъ къ воскресенской церкви въ С. Петербургѣ ([1]). Служебная карьера третьяго студента миссіи, Василія Новоселова, намъ неизвѣстна. Его знавалъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ прочими членами миссіи, нѣкто Н. С. Щукинъ, которому мы обязаны изданіемъ произведенія о. Софронія ([2]).

I. Н. А.

(Продолженіе будетъ).

щенная во 2-мъ томѣ Россійск. іерархіи (стр. 491) едва-ли принадлежитъ Софронію. Она могла быть составлена до его прибытія и передана еп. Евгенію Болховитинову Бантышъ-Каменскимъ, который 50 лѣтъ занимался исторіею россійской іерар. Русск. Вѣстн. 1885 г. май, стр. 175.

([1]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монастыря, четверт. 50-я.

([2]) О. Софроній. Извѣстіе о китайскомъ государствѣ, стр. 97.

4 апр. — 1886 г.

ОТЕЦЪ ІАКИНѲЪ БИЧУРИНЪ [1].

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

VI.

Описаніе Пекина.

Съ прибытіемъ въ Китай начинается второй періодъ въ жизни о. Іакинѳа. Достигнувъ съ миссіею Пекина 10 янв. 1808 г., онъ прожилъ въ немъ свыше 13 лѣтъ и превосходно изучилъ его. Въ своихъ произведеніяхъ онъ нѣсколько разъ описывалъ столицу срединной имперіи, лежащую на безлѣсной равнинѣ, изрытой промоинами (2), въ которой изъ-за 9 воротъ китайскій богдыханъ повелѣваетъ государствомъ почти съ 400 милліонами жителей (3). Пекинъ (Бэйцзинъ) — главная столица монгольской династіи съ 1409 г. (4) и манчжурской настоящей съ 1644 г.—извѣстенъ европейскому міру подъ нарицательнымъ именемъ Сѣверной столицы, въ отличіе отъ прежней юж-

(1) См. Прав. Соб. 1886 г. февраль.

(2) „Пекинъ лежитъ посреди обширной равнины, во многихъ мѣстахъ песчаной и топкой. Неровная поверхность окрестностей лѣтомъ покрыта хлѣбомъ; но зимою обезображиваютъ ее рытвины, ямы и могилы". О. Іакинѳъ. Описаніе Пекина.

(3) Китай, изд. 1848 г., ч. 1, стр. 21.

(4) Ковалевскій, Путешествіе, II, 5.

ной—Нанкина. Собственное чиновное имя его—Шуньтянь-фу, городъ подвластный небу. Онъ лежитъ подъ 132°—55 долготы (отъ Ферро) и подъ 39°—55 сѣверной широты ([1]). Распланированный чрезвычайно правильно, Пекинъ, какъ при о. Іакинѳѣ, такъ и нынѣ, страдаетъ крайнимъ недостаткомъ выполненія плана. Онъ раздѣляется на два города: внутренній (Нэй-чень) и внѣшній (Вай-ченъ). Обнесенный стѣной, современницей русскому великому князю Василію Темному (съ 1439 г.) ([2]), въ видѣ неправильнаго четырехъ-угольника, городъ къ сѣверу называется внутреннимъ, потому только, что при минской династіи, въ половинѣ XVI стол. (въ 1544 г.), предположено было обвести его предмѣстья второю стѣною, которой предварительно было дано названіе внѣшняго города. Но по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ успѣли обвести стѣною только южное предмѣстье, которое нынѣ и составляетъ внѣшній городъ ([3]). Стѣны внутренняго города имѣютъ 40 ли въ окружности, въ вышину 33½ фута, ширины въ основаніи 62, вверху 50 футовъ. Сверхъ того парапетъ съ амбразурами имѣетъ 5⅘ фута вышины. Въ городъ ведутъ 9 воротъ, трое съ юга и по двое съ остальныхъ сторонъ ([4]). Во внутреннемъ городѣ есть императорскій (Хуанъ-ченъ), который русскіе прозвали краснымъ городомъ ([5]), потому что стѣны его выкрашены красной глиной; а въ центрѣ послѣдняго лежитъ кремль, иначе дворцовый городъ (Цзы-цзинь-ченъ) или крѣпость. Въ средней части своей послѣдній имѣетъ рядъ дворцовъ съ разными названіями и назначеніемъ, въ восточной части у него расположены различныя присутственныя

([1]) О. Іакинѳъ. Описаніе Пекина, стр. V.

([2]) Тамже, стр. VI.

([3]) Китай, изд. 1848 г. ч. 1, стр. 22. Описаніе Пекина, стр. VII.

([4]) Описаніе Пекина, стр. VI.

([5]) Тамже, стр. 20.

мѣста, а въ сѣверной—храмы и помѣщенія для государя съ царевичами ([1]). Въ 1648 г. манчжурское правительство скупило у промотавшихся манчжуровъ внутренній городъ для помѣщенія въ распредѣленныхъ частяхъ его столичнаго гарнизона по знаменамъ (нынѣ номинально), а императорскій городъ назначенъ былъ для пребыванія служащихъ при дворѣ ([2]). Но уже съ конца XVIII стол. весь внутренній городъ, а частію и императорскій, превращены въ гостинный дворъ ([3]). Внѣшній городъ (Вай-ло-ченъ), меньшій по занимаемому пространству, съ одною только улицею, мощеною камнемъ, загроможденъ кумирнями, лавками съ книгами и разными другими товарами, начиная съ галантерейныхъ, гостинницами и трактирами, лучшими во всемъ Пекинѣ, театрами, которыхъ въ 40-хъ годахъ были до 13 ([4]), народными банями, разными складами, наконецъ огородами и пашнями ([5]).

Итакъ Пекинъ представляетъ многолюднѣйшую столицу на востокѣ Азіи съ милліономъ жителей ([6]) и есть обширный рынокъ, съ 16 большими улицами, съ 384 переулками, 370 мостами, съ 700 монастырями—кумирнями (столько было при о. Іакинѳѣ) и множествомъ княжескихъ дворцовъ, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій. Въ немъ есть княжескій приказъ, шесть министерствъ, сенатъ, де-

---

([1]) Тамже, стр. 2.

([2]) Китай, изд. 1848 г. ч. 1, стр. 22. Ковалевскій II, 7.

([3]) Китай, стр. 22. Нынѣ китайцы опять заняли большую часть города подъ разными предлогами. В. П. Васильевъ. Описаніе Пекина въ литографированныхъ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ къ 1 вып. китайской христоматіи, изд. 1868 г., стр. 101.

([4]) Ковалевск. II, 77.

([5]) Описаніе Пекина, стр. 93—103. 106—113. Тимковск. II, 343—357.

([6]) И. Захаровъ. Историч. обозрѣніе народонаселенія Китая, въ Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, Спб. 1852 г. т. 1. стр. 355.

партаментъ иностранныхъ дѣлъ, академія, университетъ, астрономическій приказъ и т. п. Небольшое число обывательскихъ домовъ разбросано въ отдаленныхъ частяхъ города близъ городскихъ стѣнъ ([1]). Въ сѣверовосточномъ углу города, на такъ-называемомъ берестовомъ урочищѣ (хоа-пи-чанъ) была поселена въ 1685 г. колонія военноплѣнныхъ албазинцевъ ([2]). Имъ была подарена императоромъ находившаяся тамъ буддійская кумирня (Лоча-мяо), которая и была обращена въ часовню священникомъ Максимомъ Леонтьевымъ, приведеннымъ вмѣстѣ съ албазинцами. Въ 1696 г. она была освящена посланнымъ изъ Тобольска съ антиминсомъ отъ митрополита Игнатія священникомъ Григоріемъ и діакономъ Лаврентіемъ ([3]). Первоначально она называлась никольскою, отъ можайскаго образа Святителя Николая, вынесеннаго изъ Албазина и чтимаго албазинцами до нынѣ ([4]). Въ 1730 г. она была разрушена землетрясеніемъ до основанія ([5]), но вскорѣ вновь построена и освящена начальникомъ миссіи, архим. Антоніемъ Платковскимъ, во имя Успенія Богоматери 5 августа 1732 г. ([6]). При о. Іакин-

---

([1]) Китай изд. 1848 г. ч. 1, стр. 21. Описаніе Пекина, стр. III. Васильевъ. Дополненія къ 1-му вып. китайск. христоматіи, стр. 102. 103. 107.

([2]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст. четвертк. 6 и 19 на обор.

([3]) Тамже, четверт. 6.—Мелетій (еп). Древнія церковн. грамоты восточно-сибир. края, Казань 1875 г. стр. 66 и 71. Ист. росс. іерарх. II, 491.— Филаретъ черниг. Истор. русск. церкви, изд. 4. Черниговъ 1862, періодъ 4-й, стр. 58.

([4]) Вѣдомость о церкви Успенія за 1837 г., составленная іером. Аввакумомъ честнымъ — документъ въ миссіи. Иркут. епар. вѣд. 1874 г. № 39, стр. 514—515.

([5]) Бантышъ-Каменскій, Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. 195. *Gützlaff's*, Gesch. des Chines. Reiches, herausgg. v. K. F. Neumann, Stuttgart 1847. 690.

([6]) Вѣдомость о церкви 1837 г. Иркут. епар. вѣд. 1866 г. № 42, стр. 474.

ѳѣ она имѣла форму буддійской кумирни, называлась бэй-танъ'омъ—сѣвернымъ храмомъ, и была величиной въ 4 звена (около 40 футовъ длины и 15 ширины). Четвертую часть ея занимала колокольня съ 3 колоколами и 2 мѣдными тазами (1). Вокругъ кумирни шла галлерея съ крыльцомъ на югъ, по китайскому обычаю (2). Два церковныхъ домика, по три звена каждый, стояли на востокъ и западъ отъ церкви. Все это пространство занимало саженъ 20 въ длину и 10—15 въ ширину (3).

Россійскій посольскій дворъ (Вэй-тунъ-гуань) съ Срѣтенскою церковію находится донынѣ на старомъ мѣстѣ, въ противоположной, самой оживленной части внутренняго города, и расположенъ на крайней поперечной улицѣ Дунъ-цзя-ми-сянъ. Онъ находится вблизи императорскаго дворца, присутственныхъ мѣстъ и торговаго города (4). Посольскій дворъ и Срѣтенскій монастырь заслонялись съ восточной стороны обывательскими строеніями, тянувшимися вдоль набережной императорскаго канала (Чжун-юй-хе) (5), который раздѣляетъ городъ на двѣ равныя половины. Съ запада и отчасти сѣвера, мѣсто, уступленное русскимъ въ 20-хъ годахъ прошедшаго столѣтія (6), граничило съ площадью, гдѣ издавна бываетъ передъ новымъ годомъ на мѣсяцъ сборный пунктъ для монголовъ, пріѣзжающихъ въ Пекинъ частію по торговымъ дѣламъ, частію для представленія китайскому

---

(1) О. Іакинѳъ. Описаніе Пекина, стр. 62. Опись 1794 г. архим. Іоакима, стр. 48.

(2) Опись архим. Іоакима отъ 1794 г. стр. 48. 50.

(3) О. Даніилъ. Описаніе Срѣт. мон. четв. 23.

(4) Описаніе Пекина, стр. 50. О. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст. четв. 11 и 12.

(5) Тамже, четвер. 12. Тимковскій. II, 334.

(6) Бантышъ-Камен. Диплом. собран. дѣлъ, стр. 131. О. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст. четв. 10.

императору дани, частію для полученія жалованья своимъ князьямъ. Съ другой части сѣверной стороны русское мѣсто окружено обывательскими домами и большимъ садомъ манчжурскаго князя 3-й степени (Бэй-лэ) ([1]). Обширный посольскій дворъ, могшій свободно вмѣстить въ себѣ болѣе 50 человѣкъ ([2]), оставался въ прежнемъ своемъ видѣ и поддерживался китайскимъ правительствомъ даже послѣ о. Іакинѳа (до 50-хъ годовъ). Во внутренность этого двора вели съ юга парадныя китайскія ворота, за которыми находилась возвышенная площадка, гдѣ жилъ смотритель русскаго подворья ([3]). Къ западу стояли малыя ворота, устроенныя въ концѣ восточнаго флигеля, предназначеннаго для посольской команды и примыкавшаго къ кумирнѣ. Послѣдняя также принадлежала къ русскому подворью ([4]). Затѣмъ шелъ посольскій дворъ, разгороженный посрединѣ стѣной на двѣ половины—сѣверную и южную, съ проходными воротами. На первой половинѣ, по восточную и западную стороны, стояли длинные флигели, назначенные для помѣщенія команды въ случаѣ прибытія изъ Россіи новой миссіи или посланника съ военной охраной. На другой по-

---

([1]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣт. монаст. четвер. 12.

([2]) Тимковск. II, 334.

([3]) При о. Іакинѳѣ въ миссіи служилъ бошко (унтеръ-офицеръ, братъ котораго былъ главнокомандующимъ войскъ, ходившимъ въ Китай и Индію). Китай, 1840 г., стр. 86.

([4]) У китайцевъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ Пекина, и въ русскомъ подворьѣ, какъ оффиціальномъ и казенномъ заведеніи, имѣлось обыкновеніе ставить кумирни, большею частію въ честь Гуань-юй'я или Гуань-ди (царя Гуань), одного изъ знаменитыхъ полководцевъ III в. по Р. Х., ратовавшихъ за домъ Хань, которому чиновники и ученые, какъ божеству, обязаны покланяться и приносить жертвы. При о. Іакинѳѣ эта кумирня еще существовала. Описаніе Пекина, стр. 95. О. Даніилъ. четвер. 13. Тимковскій. Планъ подворья, I, 388. Ср. Архим. Палладій. Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска чрезъ Манчжурію въ 1870 г. Спб. 1872 г. стр. 43.

ловинѣ средину двора занималъ посольскій домъ, обращенный фасадомъ на югъ, по китайскому закону зодчества. По обѣимъ сторонамъ его были построены два корпуса для чиновъ посольства—одинъ вдоль восточной стороны, другой вдоль западной, и обращены окнами одинъ противъ другого. Въ посольскомъ домѣ и въ этихъ флигеляхъ помѣщались пристава миссіи съ своими командами. Позади посольскаго дома, вдоль сѣверной ограды, былъ расположенъ длинный флигель для помѣщенія студентовъ миссіи. При немъ былъ садъ съ разными деревьями и виноградниками ([1]).

Пространство Срѣтенскаго монастыря, примыкающаго къ посольскому двору съ западной стороны, въ началѣ было очень тѣсное. Но оно было увеличено съ южной стороны прикупкою нѣсколькихъ обывательскихъ домовъ ([2]). Въ пространствѣ своемъ Срѣтенскій монастырь представлялъ правильный четырехъ-угольникъ и длина его превосходила ширину. Средину монастырскаго мѣста занималъ каменный Срѣтенскій храмъ, имѣющій видъ базилики и освященный 20 декабря 1736 г. ([3]). Онъ построенъ по образцу сѣвернаго французскаго храма, бывшаго внутри дворцовой ограды. Кровля храма была покрыта трубчатой черепицей сѣраго цвѣта. Восемь полукруглыхъ оконъ и девятое круглое имѣли рамы съ слюдой. Входъ въ церковь было одинъ —съ западной стороны. Полъ былъ вымощенъ четырехъ-угольными плитами. Стѣны были оклеены корейскою бумагою, окрашены подъ мраморъ

([1]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст. четв. 12 и 13. Тимков. I, 387.

([2]) Въ Истор. росс. іерархіи (II, 439 и дал.) указано пространство этого монастыря во время о. Іакинѳа: въ длину отъ запада къ востоку $13^1/_2$ сажен., въ ширину отъ сѣвера къ югу 11 саженъ. Посольскій дворъ былъ почти втрое больше пространствомъ.

([3]) См. деревянный крестъ въ Срѣтен. церкви съ датой освященія и Опись 1849 г. въ документахъ миссіи, стр. 65 на обор.

въ сѣрый и лазоревый цвѣта и покрыты лакомъ. Потолокъ — деревянный изъ клѣтчатыхъ рамъ былъ обитъ „ревендукомъ“ и расписанъ лазоревой краскою: посреди было сдѣлано сіяніе. Деревянные столбы въ стѣнахъ (числомъ 12) были выкрашены темнозеленой краской. Амвонъ возвышался на три ступени. Клироса были выдвинуты впередъ. Иконостасъ былъ прорѣзной, въ старинномъ стилѣ, съ позолоченной рѣзьбой. Иконы были частію изъ Тобольска, частію писаны въ Пекинѣ. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ съ издавна виситъ донынѣ распятіе Христа Спасителя во весь человѣческій ростъ. Всю вообще внутренность храма наполняла нѣкоторая примрачность отъ поднятыхъ почти къ самому потолку оконъ, отъ вьющихся снаружи плющей и высокихъ деревьевъ, окружавшихъ храмъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ церкви стояли солнечные часы и колокольня съ 4 колоколами (1). Настоятельскіе покои были расположены близь юго-восточнаго угла алтаря. Спереди ихъ былъ садъ съ различными плодовыми деревьями, цвѣтами и виноградниками (2). Сзади настоятельскихъ покоевъ была баня,

---

(1) Опись 1794 г. стр. 1 и 2. Здѣсь указанъ размѣръ храма: въ длину 7 саженъ, 8 вершк., въ ширину 3 саж., 2 арш., 13 вершк., въ вышину 5 саж., 1 арш.

(2) Ихъ устроилъ сначала архим. Амвросій Юматовъ, какъ значится на камнѣ колокольни. На концѣ второй части Вояжирова лексикона (Спб. 1764 г.) разсказана цѣлая исторія разсадки деревьевъ въ посольскомъ дворѣ и у Срѣтенской церкви. Почеркъ, кажется, принадлежитъ архим. Софронію (1794—1807 г.):

«1797 года для общаго употребленія посажено учениками въ саду два грушевыхъ дерева, а 1806 г. причетникомъ Богородскимъ посажены два дерева грецкихъ орѣховъ. Шептуга же и одно грушевое дерево посажены до нашего прибытія. Нами посажено байшу (кедръ) позади залы, а на переди залы посажены двѣ сосны мавей сукъ (сосны); двацы суна (ели) (junifer maior) и шесть байшу 1805 г. изъ церковной суммы за 5000 большихъ чоховъ (9 руб. сер.). Въ архимандричьемъ саду дерева и винограды посажены при архим. Іоакимѣ. Большія же дерева при храмѣ и въ прочихъ мѣстахъ посажены достойнымъ славныя памяти, архим. Амвросіемъ Юматовымъ». Ср. Ковальск. 1, 150,

погребъ, кухня съ разными кладовыми, конюшня и каретникъ. Къ сѣверу отъ церкви было помѣщеніе для двухъ іеромонаховъ, іеродіакона и церковниковъ (гдѣ нынѣ живетъ посланникъ) со службами назади ([1]). Къ сѣверо-западу между колокольней и корпусомъ членовъ миссіи стоялъ домикъ, гдѣ помѣщалась библіотека миссіи ([2]).

Извѣстно, что католическіе миссіонеры со второй половины XVII стол. снова (послѣ XIII стол.) стали строить въ Пекинѣ храмы. Первымъ былъ воздвигнутъ португальцами у южной стѣны Цзинъ-чена южный храмъ (нань танъ) въ 1650 г. ([3]). Въ него ходили наши купцы, когда пріѣзжали въ Пекинъ ([4]). Вторымъ построенъ былъ французами сѣверный храмъ (бэй-танъ), начатый въ 1690 году и доконченный въ 1703 г. Онъ построенъ внутри дворцовой ограды ([5]). При немъ была стеклянная фабрика, давно уже уничтоженная ([6]). Послѣ этого итальянцы въ 20-хъ годахъ XVIII стол. построили западный храмъ (си-танъ). Наконецъ, португальцами былъ воздвигнутъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія на улицѣ Гань-мянь-ху-тунъ восточный храмъ (дунъ-танъ) въ честь св. Іосифа ([7]). Въ немъ жили іезуиты разныхъ европейскихъ государствъ,

---

([1]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. монаст., четв. 19. Тимков. I, 286. 287.

([2]) Тамже. Нынѣ домъ для пріѣзжихъ гостей.

([3]) S. De Mas, La Chine et les puissances chrétiennes, Paris, 1861. t. 2, p 301.

([4]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 321, гдѣ приводится свидѣтельство Спафорія.

([5]) О. Іакиѳъ. Описаніе Пекина, стр. 41. De Mas, 2, 298. Тимков. II, 329. Lettres édifiantes et curieuses, par Aimé Martin, Paris. 1843. p. 142. 26.

([6]) Описаніе Пекина, стр. 41.

([7]) De Mas. 2, 298. 299. Тимков. II, 341. Описаніе Пекина, стр. 59. 42.

исключая французовъ ([1]). Землетрясеніе 1730-го года повредило и храмамъ католиковъ, особенно южному ([2]), но они скоро исправляли ихъ. Первое мѣсто между католическими храмами по пространству и великолѣпію занималъ въ XIX стол. южный храмъ, украшенный превосходною живописью ([3]). Послѣ проскрипціи 1805 года и гоненій въ 1812—1820 годахъ въ Пекинѣ оставалось только четыре миссіонера: въ южномъ жили францисканцы—настоятель монастыря Рибейра, миссіонеръ Ферейра, оба члены пекинской астрономической академіи, и нанкинскій епископъ Піусъ, дряхлый старецъ; въ сѣверномъ жилъ португальскій францисканецъ Вильгельмъ для надзора за зданіями ([4]). По случаю пожара восточнаго португальскаго монастыря въ 1813 г. китайское правительство отобрало его себѣ и срыло до основанія ([5]). Точно также и западный итальянскій храмъ въ бытность о. Іакинѳа въ Пекинѣ былъ купленъ у миссіонеровъ китайскимъ правительствомъ и сломанъ ([6]). Оба послѣднихъ монастыря они получили обратно не раньше пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія ([7]).

Пространство въ шесть верстъ отдѣляетъ сѣверное русское подворье отъ южнаго. Въ внутреннемъ городѣ главныя улицы содержатъ верстъ по шести длины ([8]). Онѣ не мощены: мостовую или шоссе занимаетъ зем-

---

([1]) Тимков. II. 337.

([2]) Тимковск. II. 221.

([3]) Описаніе Пекина, стр. 76.

([4]) Описаніе Пекина, 42. 76. Тимковскій. II, 342. 221 и 59.

([5]) Описаніе Пекина, стр. 59. Тимков. II, 337.

([6]) Описаніе Пекина, стр. 42. Тимков. II, 341.

([7]) Современная церковь сѣвернаго монастыря отстроена вновь въ 1864 г., восточнаго въ 1884 г. Церковн. Вѣстн. 1884 г. № 2, стр. 16. Прав. Собес. 1884 г. сент. стр. 108.

([8]) О. Іакинѳъ, Китай, изд. 1848 г., ч. 1, стр. 22.

ляная насыпь посрединѣ (¹), достигающая въ иныхъ мѣстахъ до аршина вышины. Въ сухое время, котораго въ Пекинѣ бываетъ болѣе полугода, эта насыпь поливается вонючею жидкостью. Весь Пекинъ застроенъ рядомъ мазанокъ, загороженныхъ стѣнами и часто напоминающихъ помпейскія роскопки. Масса деревьевъ внутри дворовъ спасаетъ нѣсколько отъ міазмовъ. Самая большая изъ среднихъ улицъ прозвана была издавна русскими Сыпайловой (²) (сы-пай-лоу — четыре угла). По обѣимъ сторонамъ этихъ широкихъ улицъ нагромождены балаганы, прикрытые рогожами или разнымъ тряпьемъ, за ними тянутся раскрашенныя лавки, которыя находятся почти въ каждомъ домѣ. Здѣсь между ними видны гостинницы, монастыри, аптеки, мануфактуры, магазины и разныя ремесленныя заведенія. По мѣстамъ встрѣчаются неуютно расположенные колодцы и вонючія ямы (³). Видное мѣсто занимаютъ частные ссудные банки, которыхъ при о. Іакинѳѣ было до 200 (⁴). У каждой лавки — своя вѣха, украшенная для привлеченія покупателей красными, голубыми, зелеными и бѣлыми флагами. На каждой такой вѣхѣ вѣшается еще деревянная или полотняная вывѣска, гдѣ, на ряду со спискомъ главныхъ предметовъ торговли, означено имя торговца, его родословная, наконецъ его достоинства и даже комплименты ему покупателей. При пестротѣ и смѣшеніи такихъ вѣхъ, значковъ и вывѣсокъ каждая улица, если смотрѣть на нее со стѣны, походитъ на пристань, покрытую множествомъ судовъ. Не взирая на проведенныя повсюду канавы, пыль, грязь и вонь посто-

---

(¹) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай, 1, 144. Тимков. II, 304.

(²) *L. Lange.* Tagebuch zweier Reisen, welche in den Jahren 1727, 1728 und 1736 von Kjachta und Zuruchaitu durch die Mongoley nach Peking gethan worden., herausgg. v. Prof. Pallas, Leipzig. 1781, s. 135.

(³) Китай, изд. 1848 г., ч. 1, стр. 21. Описаніе Пекина, стр. XII.

(⁴) Китай, изд. 1840, стр. 339. Ковалевск. II, 207. 208.

янно смѣняются въ Пекинѣ ([1]), смотря по сезону, и производятъ всевозможныя эпидемическія и заразныя болѣзни, которыми богатъ Пекинъ во всякое время года ([2]). Кромѣ вѣтровъ, хотя и болѣзненно дѣйствующихъ на нервную систему города, но очищающихъ воздухъ, главными санитарами города являются безчисленныя собаки и свиньи ([3]), отвратительныя по виду, но удивительно смирныя, пожирающія всякую падаль и за то постоянно погибающія отъ воспаленія печени.

Неблагопріятныя санитарныя условія жизни не уменьшаютъ однако движенія въ Пекинѣ. Кромѣ постоянныхъ лавокъ, улицы его наполнены ежедневно живыми или переносными въ видѣ движущихся цирульниковъ, мѣдниковъ, чеботарей, кузнецовъ, продавцевъ съѣстныхъ припасовъ, понорамщиковъ, доморощенныхъ ораторовъ, фигляровъ и другихъ спеціалистовъ. Посреди этого снующаго и роботающаго на улицѣ или во дворахъ люда, на каждомъ шагу встрѣчаются мелочныя лавочки съ чаемъ, плодами, вареньемъ, рисомъ, главнымъ продуктомъ потребленія китайцевъ, и другими закусками, уничтожаемыми тутъ же на улицѣ многочисленными прохожими обоего пола. Голодающее населеніе Пекина, доходившее при о. Іакинѳѣ до 50,000 пролетаріевъ ([4]), не отказывается отъ мертвыхъ собакъ, кошекъ и даже крысъ, чему о. Іакинѳъ часто бывалъ свидѣтелемъ ([5]). Есть въ Пекинѣ (хотя не много) и аристократическіе рестораны ([6]), гдѣ даются театральныя представленія ([7])

([1]) Описаніе Пекина, стр. XII.

([2]) Изъ болѣзней наиболѣе часты — тифы, оспа, нервное разстройство, холера и чахотка. Есть и проказа съ сифилисомъ. Нерѣдко европейцы получаютъ ревматизмы. См. отчеты д-ра Дейджена и др. протестантскихъ врачей.

([3]) Ковалевскій. I, 146.

([4]) Тимковск. II, 362.

([5]) Китай, изд. 1840 г., стр. 369.

([6]) Ковалевск. II, 86. 87.

([7]) Описаніе Пекина, стр. 17.

трагическаго, драматическаго, или комическаго характера, въ которыхъ часто достается пародируемымъ европейцамъ, особенно англичанамъ. Здѣсь часто возсѣдаетъ чинно пекинскій большой свѣтъ, строго выполняющій при входѣ и выходѣ сложныя китайскія церемоніи и закусывающій во время самыхъ представленій. Здѣсь же бываютъ и дамы на галлереяхъ. Заказные обѣды продолжаются въ этихъ мѣстахъ по нѣскольку часовъ. Многіе—по нашему—тротуары бываютъ заняты лѣтомъ рядами длинныхъ скамеекъ, подъ навѣсами на шестахъ, гдѣ важно возсѣдаетъ масса пекинской публики, крайне любопытной, жадной до новостей и всякихъ другихъ уличныхъ скандаловъ, цѣлыми толпами окружающей разныхъ фокусниковъ или доморощенныхъ ораторовъ (¹). Стóитъ только одному изъ такихъ лицъ на площадкѣ земли очертить мѣломъ окружность примѣрно въ сажень по радіусу, да самому стать въ центрѣ круга, какъ аудиторія внѣ намѣченной черты быстро наполняется прохожимъ людомъ, падкимъ до свободы изслѣдованій. Въ такой толпѣ можно увидать людей всѣхъ состояній, отъ китайскаго джентльмена до оборванца и китайскихъ чиновниковъ въ штатской формѣ и полицейскихъ. Ораторъ вознаграждается бросаемыми ему мѣдными монетами. Предметомъ рѣчи, произносимой то дидактически, то юмористически, обыкновенно бываютъ выпуклые сюжеты изъ отечественной исторіи или вопросы изъ области управленія, быта, скандала и т. п. Чѣмъ современнѣе рѣчь, чѣмъ одушевленнѣе она, чѣмъ ближе выражаетъ настроеніе народа, тѣмъ болѣе возбуждается вниманіе, энтузіазмъ публики, термометромъ чему служитъ густѣющая вокругъ оратора толпа и учащающееся подкидываніе монетъ. Но если ораторъ изъ своего заколдованнаго круга рѣчи перейдетъ за предѣлы приличія, или въ патетическихъ мѣстахъ задѣнетъ какую либо высокопоставленную личность, или же выскажетъ нѣчто возмущающее, то публика со

(¹) Къ послѣднимъ относятся и протестантскіе проповѣдники.

всѣми приличіями разгоняется лучшей въ мірѣ полиціей. а оратора тянутъ къ Ѳемидѣ (¹).

Не смотря на широту главныхъ пекинскихъ улицъ, не уступающихъ (конечно не по красотѣ) Невскому проспекту (²), посреди ихъ въ извѣстные дни, отмѣченные въ календарѣ, остается лишь небольшой проходъ, едва достаточный для снующихъ взадъ и впередъ прохожихъ и проѣзжихъ верхомъ, въ телѣгахъ или носилкахъ. Въ этомъ свободномъ промежуткѣ въ такіе торжественные дни тысячами тѣснятся люди всякихъ званій и состояній: манчжурскіе солдаты и офицеры, мандарины всѣхъ степеней, наши албазинцы, наконецъ полицейскіе чиновники, наблюдающіе не гласно за жителями столицы. Тутъ же видны высшіе чиновники, сопровождаемые множествомъ служителей, несущихъ зонтики, знамена, красные фонари и другіе отличительные знаки ихъ достоинствъ. Здѣсь же встрѣчаются, пробираясь чрезъ толпы, погребальныя шествія и веселыя свадебныя процессіи съ спеціальной музыкой, различными печальными и радостными атрибутами и длинной вереницей гостей пѣшкомъ и въ телѣгахъ. Между ними, особенно зимой, тянутся нескончаемыя цѣпи верблюдовъ, приходящихъ изъ Монголіи, или навьючиваемыхъ въ окрестностяхъ каменнымъ углемъ и другими тяжестями. Наконецъ, ежедневно проѣзжаетъ здѣсь масса телѣгъ, повозокъ и другихъ ручныхъ тачекъ, наполненныхъ овощами и жизненными припасами, привозимыми изъ окрестностей. Все это народонаселеніе Пекина, то движущееся, то отдыхающее, шумящее, спорющее, плачущее, хохочущее, всѣ эти крики торгашей и мастеровыхъ, заявляющихъ о своей спеціальности или пѣніемъ или особеннымъ, исключительно имъ присвоеннымъ, дере-

---

(¹) Скачковъ. Очерки Китая, Русск. Вѣстн. 1875 г., т. 115, стр. 53. 56.

(²) Ковалевскій. 1, 144. Тимковскій. II, 304. Описаніе Пекина, стр. XII.

вяннымъ или металлическимъ инструментомъ, даетъ столицѣ Китая видъ ярмарки житейской суеты, оглушающей и совершенно подавляющей сначала вниманіе непривычнаго зрителя ([1]).

VII.

Этнографическіе элементы Пекина.

Не особенно свѣтлыми красками рисуютъ современные о. Іакинѳу путешественники нравственную натуру жителей Китая, особенно пекинцевъ. Важнѣйшимъ недостаткомъ ихъ выставлялась холодность не только къ иностранцамъ, но и къ соотечественникамъ, высокомѣріе, корыстолюбіе, завистливость, мстительность, лѣность и мотовство въ средѣ солдатскаго населенія. Лукавство, говорили наблюдатели, служитъ китайцамъ руководителемъ въ поведеніи со всѣми посторонними людьми ([2]). О. Іакинѳъ вообще благодушнѣе относился къ китайцамъ и съумѣлъ подмѣтить въ нихъ и симпатичныя черты — уваженіе къ закону, почтеніе къ родителямъ, вѣжливость съ старшими, домовитость, грамотность, нравственность въ деревняхъ, трезвость, умѣренность, трудолюбіе, смѣтливость ([3]). Впрочемъ и онъ не скрывалъ развращенности городскаго и столичнаго населенія, страсти последняго къ азартнымъ играмъ, мошенничеству ([4]) и т. п. Въ своей нравственной натурѣ манчжуры вполнѣ сходятся съ китайцами, такъ что ихъ можно отличать только по внѣшнему облику. Длиннолицые и

([1]) Дюмонъ-Дюрвиль. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, Москва, 1836 г., ч. 4, стр. 159—161. Ковалевскій. 1, 143.

([2]) Тимковскій. II, 360. Софроній. Извѣстіе, стр. 70—71. О. Іакинѳъ. Китай, изд. 1848 г. ч. 4, стр. 171.

([3]) Тамже. стр. 171 и дал. 157 и дал. Тимковскій. II, 359. Софроній. стр. 70. 79.

([4]) Китай, изд. 1848 г. ч. IV, стр. 165—169. 171. 172.

большеносые Манчжуры гораздо дороднѣе, крѣпче и сильнѣе желтовато-смуглыхъ китайцевъ, имѣющихъ средній ростъ, плоское лицо съ высокими скулами, небольшой и тупой носъ, выдавшіеся наружу и сжатые глаза, съ черными жесткими волосами на головѣ ([1]). Пришлые элементы Пекина — монголы, тибетцы, туркестанцы и корейцы вообще проще и благодушнѣе китайцевъ и должны быть поставлены выше въ нравственномъ отношеніи.

Въ такую-то среду попали наши удальцы—албазинцы. Русскій духъ издавна виталъ въ поднебесной имперіи. Россія и русскіе хорошо извѣстны въ китайскихъ памятникахъ монгольскаго періода ([2]). Монголы цѣлыми тысячами приводили въ Китай плѣнныхъ россіянъ, такъ что въ началѣ XIV столѣтія послѣднихъ было очень много въ гвардіи богдыхана. Но первыя русскія дружины, лишенныя нравственной и религіозной связи съ родиной, съ теченіемъ времени затерялись на дальнемъ востокѣ, такъ что ихъ очень трудно отыскать въ настоящее время ([3]). Такая же судьба ожидала и горсть албазинцевъ, поставлен-

---

([1]) Тимковскій. II, 307. 308. Архим. Палладій. Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска чрезъ Манчжурію въ 1870 г. Спб. 1872 г. стр. 58.

([2]) Дух. Бесѣда. 1863 г. № 27, стр. 368. Восточный Сборникъ. 1875 г. т. I, стр. 47 и дал.

([3]) Не живутъ ли потомки этихъ русскихъ въ Сычуаньской провинціи, гдѣ, по разсказамъ албазинцевъ, до нынѣ пребываетъ очень много ихъ собратій? Послѣ XIV стол. исторія отмѣчаетъ русскихъ въ Пекинѣ въ половинѣ XVII в. Какой-то Улангэли (не Ангалай-ли, и не бурятъ ли?), бывшій въ началѣ магометаниномъ, потомъ крестившійся въ Россіи, долженъ былъ оставить ее за преступленіе и пришелъ въ Пекинъ съ нѣсколькими товарищами. Онъ былъ принятъ на военную службу съ опредѣленнымъ жалованіемъ. Албазинцы считаютъ его соотечественникомъ и въ своихъ спискахъ и документахъ ставятъ во главѣ. Этотъ же Улангэли внесенъ и въ китайскіе документы (Боцитунъчжи). См. Шэнъ-ши-цзы-ле, церковн. истор. 10 тетр. гл. 1, стр. 24 и прошеніе албазинцевъ въ 1860 г. китайск. императору объ увеличеніи вакансій въ русской ротѣ.

ныхъ въ совершенно одинаковыя условія жизни съ прежними своими соотечественниками. По приводѣ ихъ въ Пекинъ въ 1685 г. китайскій императоръ далъ имъ разныя привиллегіи: однимъ деньги на обзаведеніе и въ теченіе трехъ лѣтъ одежду, обувь, рисъ; другимъ—готовые дома, служителей, и всѣмъ полную свободу и равенство въ правахъ предъ китайскимъ закономъ (1). Нѣкоторые изъ нихъ были приглашены для манчжуровъ въ учители русскаго языка (2). Изъ разбойничьяго приказа (синъ-бу) албазинцы получили женъ (3). Послѣдняя мѣра, послѣ льготъ, едва-ли не была одною изъ главныхъ причинъ быстрой нравственной порчи нашихъ казаковъ. Языческія развращенныя жены внесли полную дисгармонію въ ихъ семейную жизнь: суевѣріе, идолопоклонство и китайскіе обычаи овладѣли скоро натурой потомства албазинцевъ. Обезпеченные и сытые, они скоро стали проявлять свою широкую натуру въ своеволіи и безчинствахъ. Три года терпѣло китайское правительство ихъ выходки, потомъ стало подвергать ихъ общественнымъ повинностямъ и наказаніямъ (4) — отдало въ солдаты, составивъ изъ нихъ особую русскую роту, ссылало на югъ и сѣверо-западъ (5). Къ XIX столѣтію албазинцы совершенно окитаились и кромѣ обличья, да какой-то отваги, русскаго въ нихъ ничего не осталось. Языческія жены,

---

(1) П. Пановъ. «Православное христіанство въ Китаѣ» (курсовое сочиненіе) 1870 г., стр. 21, 22 (ркп. въ архивѣ казанской духовной академіи)

(2) А. Корсакъ. Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Казань. 1857 г., стр. 16. Тимковскій. II, 71.

(3) Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ. Старина 1884 г. сентябрь, стр. 660. О. Іакинѳъ. Описаніе Пекина, стр. 75. Очеркъ христіанской проповѣди въ Китаѣ. Труды Кіев. Дух. Акад. 1860 г., т. III, стр. 300.

(4) Пановъ, op. laud. стр. 22.

(5) О. Іакинѳъ, Китай, изд. 1840 г., стр. 357. Китай, изд. 1848 г. ч. 2, стр. 62. Твор. св. Отцовъ, 1859 г. ч. XVIII, стр. 341—345.

пища, одежда, помѣщеніе, служба, связи, знакомства раскрыли имъ иной міръ, влили въ нихъ иной, чуждый духъ и постепенно вытѣснили родное наслѣдіе, принесенное съ собою. Милліонное язычество облегло горсть русскихъ своимъ суевѣріемъ, разнородными обычаями, соблазнительными примѣрами, жизнью и духомъ китаизма, который совершенно расходится съ жизнію и духомъ православнаго христіанства ([1]). Изъ такихъ-то взаимодѣйствій сложился, наконецъ, современный о. Іакинѳу типъ албазинца, незнающаго до нынѣ никакого ремесла и по службѣ въ императорской гвардіи считающаго всякое занятіе недостойнымъ себя. Отъ этого онъ обѣднѣлъ до крайности, не смотря на огромное жалованье, готовое содержаніе и удобныя квартиры. Неразсчетливый, занятой своимъ благородствомъ, необразованный, суевѣрный, вѣроломный, лукавый, незнающій чѣмъ избавиться отъ тяготящаго его времени и несносной скуки, постоянно слоняющійся по улицамъ, гостинницамъ и театрамъ, курящій подъ часъ опіумъ, пускающійся въ азартную игру и другія преступленія, больной душей и тѣломъ, онъ очутился въ неоплатныхъ долгахъ у столичныхъ ростовщиковъ и сталъ притчей народа ([2]). Если бы не наслѣдственная служба, да не духовная миссія, отъ албазинцевъ давно не осталось бы слѣда. Послѣдняя съ самаго начала существованія своего взяла на себя труднѣйшую задачу спасенія помраченнаго образа Божія въ потомствѣ албазинцевъ. Она поддерживала въ нихъ православіе богослуженіемъ, требами, проповѣдью. Она начала помогать имъ и матеріально, когда они обѣднѣли до того, что считали себя иногда вынужденными продавать своихъ дочерей и стали искать у ней занятій и пособій. Такой же трудъ несла миссія и при о. Іакинѳѣ, когда

([1]) Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ. Старина, 1884 г. сентябрь, стр. 660.

([2]) Тамже, стр. 658. 659. Тимковскій. I, 8.

имѣла средства. Лишившись ихъ, она, конечно, стала безсильной дѣлать что либо въ этомъ направленіи, потому что ей самой привелось тогда вести борьбу за существованіе и заботиться о спасеніи душъ и тѣлъ своихъ собственныхъ членовъ, подвергавшихся частымъ искушеніямъ, соблазнамъ и погибели. Впрочемъ такое бѣдственное состояніе миссіи при о. Іакинѳѣ было хорошимъ урокомъ для испорченной натуры албазинцевъ, привыкшихъ къ даровымъ подачкамъ или фиктивнымъ должностямъ въ русской миссіи. Прекративъ имъ пособія, пекинская миссія увидѣла воочію, какъ малонадежно православіе въ сердцахъ албазинцевъ, какъ скоро оно можетъ заглохнуть не отъ гоненія, а просто отъ недостатка средствъ у миссіи въ выдачѣ пособій.

VIII.

Дѣятельность въ Пекинѣ девятой миссіи.

Принявъ миссію отъ архим. Софронія, о. Іакинѳъ въ началѣ, безъ сомнѣнія, занялся устройствомъ ея. Такъ намъ извѣстно изъ компетентнаго источника, что, согласно съ наставленіями митрополита Амвросія, онъ составилъ краткій катихизисъ и, переложивъ его на китайскій языкъ, напечаталъ для общаго употребленія ([1]). Въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ пекинской миссіи въ началѣ неопустительно отправлялось богослуженіе, къ которому могли имѣть свободный доступъ всѣ православные изъ албазинцевъ. Но сѣмя слова Божія падало на каменныя серд-

---

([1]) Чистовичъ Преосв. Амвросій. Странникъ, 1860. май, стр. 185. Въ библіотекѣ миссіи есть рукопись краткаго катихизиса, съ именемъ іером. Ѳеофилакта (1830—1840). Какъ знатокъ китайскаго языка, онъ, можетъ быть, воспользовался переводомъ о. Іакинѳа и переработалъ его. Печатныхъ экземпляровъ катихизиса съ именемъ о. Іакинѳа не имѣется въ миссіи.

ца или при пути и заглушалось часто языческими терніями. Безъ сомнѣнія, объ этомъ о. Іакинѳъ писалъ въ своихъ отчетахъ св. Синоду и министерству иностранныхъ дѣлъ, а также въ частныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Къ сожалѣнію, его переписка донынѣ еще неиздана. Въ современномъ ему второмъ томѣ россійской церковной іерархіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1810 г., указано безотрадное положеніе малаго стада православныхъ албазинцевъ въ 35 человѣкъ мужескаго пола, изъ которыхъ едва немногіе носили тогда имя христіанъ, дѣйствительно же всѣ уклонились въ китайское идолопоклонство (1). Къ 1820 г. крещеныхъ албазинцевъ было всего 22 человѣка, по записи Тимковскаго. безъ сомнѣнія, со словъ о. Петра или о. Іакинѳа (2). Современныхъ ему документовъ—метрикъ и исповѣдныхъ росписей не имѣется въ пекинской миссіи. Вопросъ о томъ, велись-ли они тогда, можетъ быть рѣшенъ только въ Петербургѣ. По реэстру албазинцевъ, составленному въ 1831 г. членомъ миссіи іером. Аввакумомъ честнымъ видно, что ихъ въ это время было 16 дворовъ и до 100 человѣкъ обоего пола. Изъ нихъ архим. Петръ крестилъ 53 человѣка, а 44 остались некрещеными (3). Ту же цифру ихъ свободно можно положить и на время о. Іакинѳа. Китайское правительство препятствовало размноженію албазинцевъ и нерѣдко ссылало ихъ за преступленія на югъ, въ сычуанскую провинцію, а по завоеваніи въ 1758 г. восточнаго Туркестана (4)—

(1) Россійская церковная іерархія. II, 485. О. Даніилъ. стр. 56 и 57.

(2) Тимковскій. II, 181. При архим. Амвросіи Юматовѣ въ 1755 г. ихъ было также едва 20 человѣкъ мужеска и женска пола. Бантышъ-Каменскій, Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. 278.

(3) См. этотъ документъ среди метрическихъ тетрадей въ архивѣ пекинской миссіи.

(4) О. Іакинѳъ, Китай, изд. 1840 г. стр. 357. Китай, изд. 1848 г. ч. 2, стр. 42. Творенія св. Отц. 1859 г. ч. XVIII, стр. 341—345.

въ послѣдній. По преданіямъ албазинцевъ ([1]), потомки ихъ живутъ въ большомъ количествѣ въ Сычуанѣ, тогда какъ въ Туркестанѣ они встрѣчаются единицами. Кромѣ того, по реестру 1831 г. значится 20 человѣкъ крещеныхъ изъ китайцевъ — жителей Пекина (15 человѣкъ), деревни Дунъ-динъ-ань въ 50 верстахъ отъ него (трое) и селенія Танъ-шань, что на теплыхъ водахъ, верстахъ въ 35 отъ столицы (двое). Архим. Петръ (1820—1830) крестилъ изъ нихъ 16 душъ, значитъ, при о. Іакинѳѣ ихъ было всего четверо, и кажется почти только одно семейство крестьянина Даніила изъ деревни Дунъ-динъ-ань, говорившаго по русски и бывшаго пріятелемъ о. Іакинѳа. Во время о. Іакинѳа и послѣ пріѣзда въ Пекинъ новой миссіи въ церковь являлось къ службамъ почти одно семейство старшины (мукунъдые) русской роты Алексѣя ([2]), говорившаго по русски и бывшаго также пріятелемъ о. Іакинѳа. Лишь въ праздникъ Крещенія Господня въ 1821 г. явилось въ церковь нѣсколько албазинцевъ ([3]), послѣ того какъ новый начальникъ миссіи сталъ выдавать имъ пособія.

Вскорѣ послѣ своего оффиціальнаго утвержденія въ 1714 г. россійская миссія стала пріобрѣтать въ XVIII столѣтіи участки земли и къ концу его ([4]) имѣла ихъ пять на сѣверо-востокѣ и на югѣ отъ Пекина ([5]).

([1]) Слышаннымъ мною отъ 76 лѣтняго албазинца Петра Хоа—внука современника о. Іакинѳа Алексѣя мукунъды, и Александра Ай, пѣвца, также потомка албанцевъ.

([2]) Тимковскій. II, 26. 74. 181. 183. 261.

([3]) Тимковск. II, 158.

([4]) Какъ значится по описи архим. Іоакима отъ 1794 г., стр. 55. У него перечисляются земли въ Гао-ли-инъ, Най-цзы-фанъ, Гэ-цзюй, Пит-си-фу и Чжанъ-су (стр. 56). По описи іером. Аввакума отъ 1841 г. въ документахъ миссіи (стр. 416—418) послѣдняго участка нѣтъ, а значится земля и цзя-чжуанская. Можетъ быть, въ замѣнъ прежней, проданной, купленъ новый участокъ? Этотъ вопросъ еще не выясненъ нами.

([5]) На счетъ способовъ пріобрѣтенія и арендованія земли въ Китаѣ,

Земля Гэ-цзюйская лежала на востокъ отъ столицы въ 20 верстахъ близъ деревни Гэцзюй и состояла изъ одного цина и 20 му ([1]). Земля Най-цзы-фанская— на сѣверо востокъ отъ столицы, въ 15 верстахъ, близъ деревни Най-цзы-фанъ имѣла 1 цинъ и 80 му. Земля Пинъ-си-фус'ская ([2]), на сѣверъ отъ столицы въ 20 верстахъ, между слободой Пинъ-си-фу и деревней Шань-по состояла изъ 83 му. Земля Гао-ли-ин'ская, въ 30 верстахъ отъ столицы и въ 6 отъ слободы Гао-ли-инъ, на сѣверовостокъ, при деревнѣ Си-цзенъ-чжи-инъ, состояла изъ 1 цина и 20 му. Земля Ицзя-чжуайская на югъ отъ столицы, въ 50 верстахъ, при деревняхъ: Нань-дянь, Ма-фанъ и Манъ-дянь имѣла 6 цинъ и $1^1/_2$ му, раздѣленныхъ на 26 участковъ. На каждую означенную землю имѣлись купчія крѣпости. Самая древняя изъ нихъ, отъ 20 января 1739 г., на землю въ Найцзы-фанѣ ([3]). Въ 1808 г. о. Іакинѳу чрезъ іером. Серафима удалось заключить новый контрактъ на этотъ участокъ. Этотъ интересный документъ на русскомъ языкѣ, писанный на китайской бумагѣ іером. Серафимомъ, хранится въ архивѣ миссіи (стр. 431) ([4]). Въ общей сложности озна-

---

см. у о. Іакинѳа, Китай, изд. 1848 г., ч. 1, стр. 43 и Китай, изд. 1840, 361—362.

([1]) О китайск. мѣрѣ см. у о. Іакинѳа, Статистич. описаніе китайск. имперіи, 1, 128. Ковалевск. II, 166—168. Китай, изд. 1848 г., ч. 1, стр. 19.

([2]) Ковалевск. II, 168—170.

([3]) Опись архим. Іоакима, стр. 55 на обор.

([4]) Вотъ его содержаніе: 1808 го года апрѣля 23-го дня Дзяцинъ 13-го китайскаго года 4-луны 10 числа находящаяся при деревни Най-дзы-фанъ россійская церковная пашня, мѣрою 180 му отдана для паханія оной же деревни Най-дзы-фанъ четыремъ мужикамъ, коихъ имена: первому—Джанъ фу, 2-му—Джанъ юнь лунъ, 3-му—Джанъ дэ чэнъ, 4-му Шень у, за которую пашню оные мужики по договору съ ними и по данному отъ нихъ письму обязались каждаго года 10 луны 1-го числа отдавать присланному россійскому человѣку двадцать двѣ тысячи большихъ чоховъ (Статистич. описан. 1, 133) полными веревками (Описаніе Пекина, стр. 66), а изъ китайцевъ никому не вѣрить. При чемъ дозволено онымъ мужикамъ кругомъ пашни дерева посадить, колодецъ

ченные участки земли могли давать 150,000 малыхъ чоховъ. Послѣ аренда на нихъ поднималась неоднократно, какъ видно по записямъ о. Аввакума и архим. Гурія.

Изъ описи архим. Іоакима (стр. 55) видно, что россійская миссія съ начала XVIII стол. владѣла 9 домами въ сѣверной и южной части Пекина. Эти дома частію были пріобрѣтены миссіею, частію пожертвованы русскими караванными купцами, торговавшими въ Пекинѣ (1). Древнѣйшій документъ этого рода—купчая на дворъ Гаврилы Савина 28 февр. 1716 г., затѣмъ купчія іером. Лаврентія 21-го ноября 1728 г. и 27 апрѣля 1734 г. (2). Эти девять домовъ значатся и въ описи о. Аввакума отъ 1831—1840 гг. (3). Такимъ образомъ ихъ было столько же и при о. Іакинѳѣ. Впослѣдствіи, въ 1861 и 1865 гг. нѣкоторые изъ этихъ домовъ вошли въ ограду сѣвернаго и южнаго подворья и были сломаны. Кромѣ того, въ описи о. Аввакума (стр. 422) значатся нѣ-

на оной пашни выкопать и на той же пашни избу одну, или болѣе построить, но съ тѣмъ при томъ условіемъ, что если тѣ мужики не захотятъ оныя пашни пахать; или отъ нихъ будетъ тая пашня взята; то имъ мужикамъ дается право всѣ дерева, когда будутъ насажены кругомъ пашни срубить, оставя только шесть деревъ, кои понадобятся для пашни, такъже и колодецъ, который будетъ выкопанъ, оставить; а избу сломать или въ цѣлости оставить, остается то въ ихъ произволеніи, ибо дерева посадить, колодецъ выкопать, избу построить состоитъ въ ихъ мужиковъ волѣ. Когда же та пашня помянутымъ мужикамъ будетъ ненадобна; то въ такомъ случаѣ должны вмѣстѣ съ чехами и сіе письмо принесть и объявить, что они той россійской церковной пашни болѣе пахать не намѣренны, при чемъ и отъ нихъ данное письмо возвращено будетъ. А пока сего письма въ россійскій посольскій дворъ не принесутъ, или отъ нихъ не будетъ оное потребованно; то безъ всякихъ отговорокъ, будетъ ли паханна та пашня, или не будетъ, хорошо ли на ней будетъ посѣянное родится, или худо, должны оные мужики въ свое время отдавать чохи исправно, безъ всякаго задержанія—въ чемъ и сіе письмо при печати священника Серафима онымъ китайцамъ дано.

Іеромонахъ Серафимъ.

(1) Ковалевскій, II, 149.
(2) Опись архим. Іоакима, стр. 55.
(3) Въ документахъ миссіи, стр. 419—426.

сколько лавокъ, принадлежащихъ миссіи. Сколько ихъ было при о. Іакинѳѣ, неизвѣстно. По описи о. Аввакума видно, что миссія въ 1831 г. получила доходу съ домовъ, при Успенскомъ храмѣ, 8,150 малыхъ чоховъ въ мѣсяцъ, а въ южной части Пекина съ 1 дома и 9 лавокъ около 48 тысячъ. Вообще при о. Аввакумѣ миссія получила доходу съ земель, домовъ и лавокъ до 2,500 р. с. въ годъ ([1]). При о. Іакинѳѣ эта статья была значительно меньше — вдвое, если не втрое ([2]).

Насколько можно прослѣдить по книгѣ Бантышъ-Каменскаго, въ пекинской миссіи въ XVIII стол. не было школы для обученія дѣтей албазинцевъ. При о. Іакинѳѣ она, очевидно, не могла существовать за малымъ числомъ христіанъ и матеріальныхъ средствъ миссіи. Впервые она открыта была въ 20-хъ годахъ архим. Петромъ, который собралъ до 10 учениковъ и платилъ имъ ежемѣсячно по 1 ½ ланы (3 руб.) ([3]). Со времени уменьшенія довѣрія китайскаго правительства къ католическимъ миссіонерамъ (съ 1805 г.), о. Іакинѳъ и другіе члены миссіи, знавшіе китайскій и манчжурскій языки, часто приглашались въ китайскій трибуналъ для перевода бумагъ, присылавшихся іезуитамъ изъ Европы ([4]). Вообще русскіе пользовались въ Пекинѣ особыми привиллегіями. Во всѣхъ случаяхъ, когда россійская миссія имѣла

([1]) Въ документахъ миссіи на стр. 426 замѣчаніе о. Исаіи.

([2]) Что касается расходованія доходовъ съ этихъ статей, то оно вѣроятно производилось по прежней практикѣ. На концѣ 2-й части Новаго Ваяжирова лексикона 1764 г. значится, что при Софроніи «съ 1801 г. положено на принятіе христіанъ 300 руб. въ каждый годъ (т. е. на угощеніе ихъ въ 3 великихъ праздника), да на подарки ученикамъ студентамъ для учителей (ихъ изъ китайцевъ) 150 р. Причетнику удвоено (вѣроятно вознагражденіе), ученикамъ прибавлено по 50 р.»

([3]) По разсказамъ ученика этой школы, 76-лѣтняго албазинца Петра Хоа.

([4]) Ист. россійск. іерарх. II, 485. Они же приглашались и въ пекинское училище для преподаванія манчжурамъ русскаго языка, когда свои учителя изъ китайцевъ оказались негодными. Тимковскій, II, 71.

нужду требовать отъ китайскаго правительства правосудія и защиты, она немедленно получала ихъ съ нѣкоторымъ даже предпочтеніемъ предъ своими ([1]). Какъ и албазинцамъ, членамъ миссіи многое спускалось китайскимъ начальствомъ, которое по большей части благодушно смотрѣло на проявленія широты и удали русской натуры. Для жителей эта удаль нерѣдко бывала соблазномъ ([2]). Безъ аномалій не обошлось дѣло и въ миссіи о. Іакинѳа. Онъ самъ имѣлъ слабости, которыхъ не скрывалъ и за которыя осуждался албазинцами. Помощники же у о. Іакинѳа были положительно слабы и имѣли крупные недостатки. Вѣроятно, изъ-за аномалій въ ихъ жизни китайскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сунъ приглашалъ всѣхъ членовъ миссіи въ 1808 или 1809 г. къ себѣ въ палату „для нѣкоторыхъ объясненій", по выраженію одного изъ членовъ той миссіи ([3]). Палата внѣшнихъ сношеній пожаловалась иркутскому губернатору на студентовъ миссіи, которые погружались „въ лѣность, пьянство и другія распутства", по выраженію современнаго документа. Губернаторомъ въ Иркутскѣ былъ тогда знаменитый Трескинъ, который счелъ нужнымъ дать ходъ этой жалобѣ китайскаго правительства и сообщилъ о ней въ С.-Петербургъ. Съ того времени дурное мнѣніе о пекинскихъ миссіонерахъ прочно утвердилось ([4]) и остается неизмѣннымъ до нынѣ. Въ Пекинъ Трескинъ послалъ строгій выговоръ студентамъ, грозя ихъ выслать изъ Китая за дурное поведеніе и неповиновеніе начальнику миссіи. Виновные, особенно Громовъ и Лавровскій, были прощены по ходатайству о. Іакинѳа, подъ условіемъ исправленія ихъ ([5]). Самымъ надежнымъ средствомъ для этого слу-

([1]) Исторія россійской іерархіи. II, 485.

([2]) Бантышъ Каменскій. Дипломатич. собраніе дѣлъ, стр. 217. 242.

([3]) Тимковскій. II. 33.

([4]) Пановъ. Православное христіанство въ Китаѣ, стр. 36 на обор.

([5]) См. этотъ документъ въ копіи отъ 10 сент. 1810 г. № 4173.

жили тяжкія болѣзни и смерть, посѣщавшія виновныхъ въ неумѣренности. Въ миссіи о. Іакинѳа такими жертвами явились студенты Громовъ и Лавровскій, церковникъ Пальмовскій и, вѣроятно, іеродіаконъ Нектарій ([1]). Въ 1817 г. заргучей замѣтилъ директору кяхтинской таможни, что въ Пекинъ доселѣ посылались люди безъ поведенія, и что вообще выборъ начальства оказывается неудачнымъ ([2]). Въ слѣдующія миссіи дѣло пошло нѣсколько иначе, хотя не безъ старой закваски.

Испытавъ начало болѣзнемъ, миссія о. Іакинѳа должна была затѣмъ испить полную чашу горести. Въ первые пять лѣтъ пребыванія ея, когда она имѣла средства, дѣла и хозяйство въ ней шли сносно. Но къ 1812 г. она не получила изъ С.-Петербурга серебра на слѣдующее пятилѣтіе. Когда у Россіи началась война съ Наполеономъ I, правительству было уже не до пекинской миссіи, которая осталась при одномъ жалованьи отъ китайскаго правительства ([3]). Послѣднее, начиная съ 1715 г., выдавало ежегодно русской миссіи 855 руб. 50 к. сер. въ переводѣ на русскія деньги. Эта сумма распредѣлялась такъ:

1) Начальникъ миссіи получалъ въ годъ 121 р. 50 к. с.
2) Іеромонахи и іеродіаконъ. . . по 121 р. 50 к. с.
3) Два псаломщика. . . . . . по 37 р. 75 к. с.
4) Четыре студента. . . . . . по 73 р. 50 к. с.

Кромѣ того, черезъ каждые три года, отъ китайскаго же правительства выдавалось на платье 562 р. 50 к. с.

([1]) О студентахъ Громовѣ и Лавровскомъ есть указаніе на поляхъ описи архим. Іоакима (стр. 27 и 28). Товарищъ ихъ Сипаковъ поставилъ имъ потомъ вмѣстѣ одинъ надгробный памятникъ съ двустишіемъ:

И мы, смотря на скромный камень сей,
Должны учиться умирать.

([2]) Пановъ. ор. laud. стр. 52 на обор.

([3]) См. Инструкцію, данную архим. Поликарпу отъ 6 апр. 1840 г. № 728, § VIII, въ документахъ пекинской дипломатической миссіи. Тимковскій. I, 8. 9.

1) Начальнику миссіи . . . . . 90 р. с.
2) Троимъ монахамъ . . . . по 67 —
3) Псаломщикамъ и студентамъ по 45 —

Наконецъ, всѣ члены миссіи пользовались еще натуральной субсидіей китайскаго правительства въ видѣ риса, который отпускался въ количествѣ 240 пудовъ въ годъ, по 24 пуда на каждое лицо. Этихъ средствъ, несмотря на кажущуюся значительность ихъ, было далеко недостаточно для приличнаго существованія въ Пекинѣ, гдѣ жизнь была и тогда уже очень дорога (1). Очутившись въ такомъ безотрадномъ положеніи, члены миссіи стали требовать отъ начальника миссіи жалованья. Чтобы сколько нибудь удовлетворить ихъ петиціямъ, онъ сталъ распродавать лишнее и закладывать монастырскія земли, дома и другія вещи. Когда и эти рессурсы изсякли, въ закладъ пошли и вещи церковныя (2). Но и этого не на долго достало, потому что пекинскіе ростовщики брали огромные проценты, до 10 въ мѣсяцъ, а выдавали небольшія суммы (3). Тогда члены миссіи стали изыскивать собственныя средства для пропитанія: одни изъ нихъ, изучивши разговорный языкъ, занялись адвокатурой по частнымъ дѣламъ, одерживая верхъ не столько краснорѣчіемъ, сколько страхомъ, производимымъ на судей; другіе пустились въ торговлю, а третьи, говорятъ, и въ азартныя игры. Большую нужду привелось терпѣть однимъ непредпріимчивымъ членамъ, которые не имѣли практическихъ талантовъ (4). О забытой пекинской миссіи въ Россіи вспомнили лишь послѣ Вѣнскаго конгресса (въ 1815 г.) (5). Вѣроятно, въ это время было

(1) Тимковскій. II, 397—404, гдѣ показаны тогдашнія цѣны жизненнымъ припасамъ и разнымъ товарамъ.

(2) Пановъ. Op. laud. стр. 36 на обор.

(3) О. Іакинѳъ. Китай, изд. 1840 г., стр. 333—336. Софроній. стр. 75. 76. Тимковскій. II, 18.

(4) Пановъ. Op. laud., стр. 36 на обор.

(5) Тамже. стр. 36. 37.

отправлено въ Пекинъ и жалованье для миссіи. Документовъ на это не имѣется въ архивѣ миссіи.

IX.

Ученая дѣятельность о. Іакинѳа въ Пекинѣ.

Основавшись въ Пекинѣ, о. Іакинѳъ поставилъ задачей своею, какъ можно основательнѣе ознакомиться съ невѣдомой страной и ея литературой и въ 13 лѣтъ такъ изучилъ ее, такъ сроднился съ ней, такъ полюбилъ, что, по словамъ знавшихъ его, самъ сдѣлался похожимъ на китайца по внѣшнему виду. Физіономія его рѣшительно носила выраженіе, какое имѣютъ китайцы ([1]). Главнымъ секретомъ успѣха въ изученіи китайскаго языка о. Іакинѳъ обязанъ былъ, помимо своихъ блестящихъ способностей, постояннымъ сношеніямъ своимъ съ китайцами, монголами ([2]), манчжурами ([3]), тибетцами ([4]), туркестанцами ([5]) и корейцами ([6]). Одѣтый въ китайское платье, требующее очень сложного туалета ([7]), онъ постоянно вращался

([1]) «Жизнь — прожить, не поле перейти». Записки неизвѣстной. Русскій Вѣстн. 1881 г. окт., стр. 732. Андреевъ. Народы—старцы. Спб. 1874 г., стр. 86.

([2]) Монголы, пріѣзжавшіе въ Пекинъ, останавливались по сосѣдству съ русскимъ подворьемъ на монгольской площади. Описаніе Пекина, стр. 50. О знакомцахъ его изъ монголовъ см. Записки о Монголіи. Спб. 1828, ч. 1, стр. 84.

([3]) Манчжуръ-учитель. Тимковскій. II, 11.

([4]) Въ Пекинѣ есть тибетскій монастырь (Описаніе Пекина, стр. 28. Тимковскій, II, 188, 236). Кромѣ того тибетцы пріѣзжаютъ къ новому году съ данью императору (Ковалевскій. II, 196. 198). О. Іакинѳъ. Описаніе Тибета. Спб. 1828, стр. X. XIII.

([5]) Въ Пекинѣ есть казармы мастеровыхъ туркестанцевъ у воротъ Си-чанъ ань-мынь (Описаніе Пекина, стр. 76) и подворье для пріѣзжихъ съ данью. Описаніе Пекина, стр. 81. Ср. Тимковскій. II, 238.

([6]) Корейское подворье лежало у городской стѣны противъ русскаго. Описаніе Пекина, стр. 50. Тимковскій. II, 258. Ковалевскій. II, 195.

([7]) Ковалевскій, II, 1.

среди этого разноплеменнаго люда, наполняющаго Пекинъ или окрестности его. Всѣ знакомые его или пріѣзжіе инородцы имѣли свободный входъ въ русское подворье и сношенія съ другими членами миссіи ([1]), какъ это было дозволено учителямъ китайскаго и манчжурскаго языковъ, присылавшимся отъ китайскаго правительства. Кромѣ Пекина, о. Іакинѳъ бывалъ и въ окрестностяхъ его,—на русскомъ кладбищѣ, уступленномъ миссіи студентомъ Воейковымъ († 1734 г.) ([2]), гдѣ съиздавна былъ построенъ домикъ для лѣтняго отдыха, — на минеральныхъ водахъ, у подошвы сѣверовосточныхъ горъ, въ 35 верстахъ отъ Пекина, куда ѣздили наши миссіонеры ([3]), — въ лежащихъ на западъ отъ Пекина кумирняхъ ([4]), — въ г. Тунчжоу (за 20 верстъ отъ Пекина), куда онъ вмѣстѣ съ о. Серафимомъ ѣздилъ въ 1816 г. для свиданія (неудавшагося впрочемъ) съ англійскимъ посломъ Амчерстомъ ([5]). Кромѣ того о. Іакинѳъ во все время пребыванія своего въ Пекинѣ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ упомянутыми выше католическими миссіонерами, изъ которыхъ Ферейра называлъ его искреннимъ ихъ пріятелемъ ([6]). Чрезъ нихъ онъ познакомился съ произведеніями его предшественниковъ по синологіи Семедо (1658), Майла († 1748), Грозье, Дюгальда и др. ([7]), находившимися въ богатой португальской библіотекѣ Пекина. Труды этихъ ученыхъ, носившіе характеръ извлеченій или перифраза съ китайскаго языка историческихъ или географиче-

(1) Исторія россійс. іерархіи. II, 485. Тимковскій. II, 181.

(2) Ковалевскій. I, 149. Бантышъ-Каменскій, стр. 210. О. Даніилъ. четв. 23 и 27.

(3) Тимковскій. II, 274.

(4) Ковалевскій. II, 172.

(5) Тимковскій. II, 229. 230.

(6) Тамже, стр. 62.

(7) Cordier, Bibliotheca Sinica, Paris. 1881, t. 1, p. 13—15. 236. 239. 240. 29.

скихъ данныхъ (1), должны были облегчить о. Іакинѳу трудъ самостоятельнаго ознакомленія съ произведеніями китайской литературы.

О. Іакинѳу удалось изучить въ Пекинѣ одинъ только китайскій языкъ, но за то никто изъ русскихъ не зналъ его доселѣ такъ хорошо, какъ нашъ синологъ. По китайски онъ объяснялся, какъ самый образованный китаецъ (2). Онъ прочиталъ пространную исторію Китая въ 270 томахъ, статистику въ 18, энциклопедію въ 20 и словарь въ 6 огромныхъ томахъ (3), кромѣ того массу другихъ документовъ и сочиненій. Монгольскаго и тибетскаго языка онъ не зналъ, по собственному сознанію (4). Равнымъ образомъ ему неизвѣстны были манчжурскій и корейскій языки, иначе онъ не оставилъ бы безъ перевода тѣхъ или другихъ произведеній на этихъ языкахъ. Такой недостатокъ, при знаніи одного только китайскаго языка, онъ восполнялъ переводами съ него сочиненій, относящихся къ исторіи Тибета, Туркестана, Манчжуріи и т. п., такъ что это не помѣшало ему пріобрѣсти разностороннія свѣденія въ китайской и сопредѣльныхъ съ Китаемъ литературахъ. Въ Пекинѣ о. Іакинѳу удалось сдѣлать только переводы съ главныхъ китайскихъ сочиненій и вчернѣ обработать нѣкоторые изъ своихъ трудовъ издавать ихъ въ свѣтъ онъ началъ не раньше, какъ по возвращеніи въ Россію. Но уже въ

(1) Тимковскій. II, 8.

(2) Тамже. III, 118.

(3) Китай, изд 1840 г., стр. 106.

(4) См. Замѣтку о. Іакинѳа о статьѣ академика Шмидта въ Отеч. Записк. 1839 г. т. VII, стр. 32. Замѣч проф. Васильева на счетъ незнанія о. Іакинѳомъ монгольскаго языка въ статьѣ: «Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средиеазіатскимъ», оттискъ изъ Жур. М. Н. Пр., стр. 118. Наконецъ, на счетъ незнанія нашимъ соотечественникомъ тибетскаго языка, см. поправки проф. Клапрота въ Nouveau Journal asiatique, 1829, t. IV, p. 81. 241 et sqq. См. также исправленіе неточностей его перевода названій на поляхъ сочиненія о Тибетѣ 1828 г., сдѣланныя рукою о. Аввакума или Палладія.

Пекинѣ ясно обозначился характеръ большинства произведеній о. Іакинѳа — это извлеченіе изъ китайскихъ подлинниковъ. Въ такомъ направленіи онъ сошелся съ направленіемъ предшествовавшихъ ему трудовъ католическихъ миссіонеровъ. Впрочемъ это сходство не лишило сочиненія о. Іакинѳа характера самостоятельности и оригинальности. Имѣя въ виду предъ собою труды своихъ предшественниковъ по синологіи, онъ умѣлъ относиться къ нимъ критически, замѣчалъ и исправлялъ ихъ ошибки и такимъ образомъ прокладывалъ новый путь для своихъ послѣдователей.

Всѣ труды о. Іакинѳа въ Пекинѣ распадаются на три разряда. Къ первому принадлежатъ начатые имъ словари китайскаго языка, ко второму переводы и извлеченія съ китайскихъ источниковъ по исторіи и географіи, къ третьему оригинальныя произведенія. Что касается перваго разряда, то достовѣрно извѣстно изъ свидѣтельства пристава г. Тимковскаго (1) и члена миссіи о. Даніила (2), что о. Іакинѳъ составилъ нѣсколько словарей, между прочимъ:

1) Словарь китайскаго языка по русскому алфавиту, произведеніе, стоившее ему, по собственному увѣренію, большихъ усилій и издержекъ (3). Во время этой работы, но, безъ сомнѣнія, уже не при началѣ ея, о. Іакинѳъ могъ имѣть подъ рукой китайско-французско-латинскій лексиконъ Дегиня, изданный въ Парижѣ въ 1813 г. и расположенный по латинскому алфавиту (4).

2) Небольшой китайскій словарь, расположенный по матеріямъ (ключамъ?), съ неполнымъ переводомъ на русскій языкъ (5).

---

(1) Тимковскій. II, 23.

(2) Въ документахъ миссіи, на стр. 183 на обор.

(3) Тимковск. II, 49.

(4) De Guignes, Dictionaire chinois, français et latin. Paris 1813. fol. imper.

(5) Этотъ словарь пріобрѣлъ потомъ въ 1821 г. о. Даніилъ и въ

Неизвѣстно, были-ли еще труды о. Іакинѳа въ этой области. Изъ многихъ словарей (до 20) китайскаго и манчжурскаго языковъ, съ латинскимъ и русскимъ или португальскимъ текстомъ, находившихся въ двухъ библіотекахъ пекинской духовной и дипломатической миссій, въ настоящее время трудно съ точностью опредѣлить, что кому принадлежитъ, по неимѣнію надписей на большинствѣ словарей ([1]). Позднѣйшіе члены миссіи обыкновенно продолжали начатый трудъ своихъ предшественниковъ, на что указываютъ переводы, сдѣланные другой рукой, но также анонимные, какъ и первые. Какъ бы-то ни было, можно почти утвердительно думать, что о. Іакинѳъ явился въ этой области начинателемъ. Въ малороссійскомъ періодѣ миссіи не замѣтно никакого слѣда дѣятельности въ этомъ направленіи. Въ первое столѣтіе существованія миссіи наши миссіонеры пользовались словарями іезуитовъ, у которыхъ донынѣ въ Пекинѣ хранится нѣсколько рукописныхъ лексиконовъ ([2]), часть которыхъ перешла въ разное время и въ нашу миссію.

Второй разрядъ подготовительныхъ рукописныхъ матеріаловъ о. Іакинѳа представляли многотомные переводы его съ китайскаго языка. Такъ онъ перевелъ:

1) Большую часть географическаго описанія китайскаго государства въ 18 томахъ (съ дополненіемъ въ 500 цзюалей), которое было издано правительствомъ срединной имперіи (въ 1764 г.) подъ названіемъ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“ ([3]). Изъ этого перевода г. Тимковскій

1830 г. передалъ въ библіотеку миссіи. См. Отношеніе его совѣту миссіи отъ 6 окт. 1830 г., стр. 183.

([1]) Надписи имѣются на словаряхъ о. Петра, Н. И. Вознесенскаго и о. Исаіи. Изъ этого числа мы исключаемъ словарь о. Палладія, составляющій завершеніе всѣхъ предыдущихъ, переписанный по русски архим. Флавіаномъ въ 1880 г. и нынѣ уже доконченный 1-мъ драгоманомъ дипломатической миссіи, П. С. Поповымъ. Онъ составляетъ 4 большихъ тома въ листъ.

([2]) Cordier, Bibliotheca Sinica, t. 1 p. 744 sq.

([3]) Тимковскій II, 16. О. Іакинѳъ, Статистич. описаніе китайск.

заимствовалъ большой отдѣлъ о монгольскихъ удѣлахъ и нѣсколько страницъ о Тибетѣ, напечатавъ ихъ въ 1824 г. во 2-мъ и 3-мъ томѣ своего путешествія въ Китай (1).

2) Исторію Китая и полную географію всѣхъ земель, подвластныхъ этой имперіи.

Послѣдніе переводы, сдѣланные собственноручно о. Іакинѳомъ, образуютъ 8 или 10 томовъ in fol. и находятся въ библіотекѣ казанской духовной академіи.

3) Сокращеніе монгольскихъ уложеній (2) и нѣсколько китайскихъ сочиненій о Тибетѣ. Послѣднія онъ перевелъ при помощи Ченъ-ламы Хубилганя (3), имѣвшаго большія свѣдѣнія въ богословіи, философіи и географіи Китая, знавшаго отчасти и языки сѣверо-индійскихъ областей (4).

Къ оригинальнымъ трудамъ о. Іакинѳа принадлежитъ Описаніе Пекина съ китайскаго подлинника 1788 г. и планъ города, снятый имъ въ 1817 г. О. Іакинѳъ употребилъ на составленіе этого плана цѣлый годъ, при чемъ исходилъ и измѣрилъ всѣ улицы и переулки Пекина, опредѣливъ окружность его въ 58 китайскихъ ли или 31 версту 222 сажени (5).

Наконецъ, имъ же составлены 49 иллюминованныхъ рисунковъ китайскихъ, манчжурскихъ, монгольскихъ, корейскихъ, туркестантскихъ и тибетскихъ

имперіи 2, XIII. Васильевъ, Очеркъ исторіи китайск. литературы стр. 132—133.

(1) Тимковск. III, 231—433; II, 192—210. Свѣдѣнія о Монголіи о. Іакинѳъ пріобрѣлъ преимущественно въ послѣдніе 8 лѣтъ своего пребыванія въ Пекинѣ. Записки о Монголіи, 1, стр. V, VI.

(2) Тимков. II, 16.

(3) Хубилганъ означаетъ перерожденца (по кит. хуа-шэнь). О Іакинѳъ. Описаніе Тибета, стр. 216. Іерод. Иларіонъ. Очеркъ сношеній Китая съ Тибетомъ, въ Трудахъ членовъ россійск. духовной миссіи въ Пекинѣ, т. 2, стр. 467.

(4) Тимковск. II, 236 и 192.

(5) Описаніе Пекина, стр. I—V.

костюмовъ мущинъ и женщинъ. Это собраніе было пожертвовано по Высочайшему повелѣнію Государя Императора въ 1824 г. въ Императорскую публичную библіотеку въ С.-Петербургѣ ([1]).

I. Н. А.

(Продолженіе будетъ).

([1]) Тимковск. II, 386—390.

ОТЕЦЪ ІАКИНѲЪ БИЧУРИНЪ [1].

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

X.

Организованіе и отправленіе въ Пекинъ десятой миссіи.

Получивъ черезъ Иркутскъ свѣдѣнія о плачевномъ положеніи въ Пекинѣ миссіи и православныхъ албазинцевъ, духовное и свѣтское начальство въ 1818 г. озаботилось составленіемъ новой миссіи и инструкціи для нея. Начальствованіе надъ десятой миссіей было предложено 54-хъ лѣтнему переводчику китайскаго и маньчжурскаго языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Павлу Ивановичу Каменскому [2]. Онъ

(1) См. Прав. Собес. 1886 г. мартъ.

(2) Онъ былъ современникомъ о. Іакинѳа. Родившись въ 1765 г., точно также происходилъ изъ духовнаго званія и былъ сыномъ священника села Каменки (а не Лыскова, какъ невѣрно у Тимковскаго 1, 5) макарьевскаго уѣзда нижегородской губерніи. Послѣ окончанія курса въ нижегородской семинаріи, онъ поступилъ въ учители народнаго училища въ городъ Балахну; отсюда перешелъ въ московскій университетъ; затѣмъ въ 1792 г. переѣхалъ въ С.-Петербургъ и опредѣлился на службу въ Совѣстный судъ. Выйдя изъ него, поступилъ надзирателемъ въ Воспитательный домъ, гдѣ пробылъ также недолго. Въ 1793 г. онъ заявилъ св. Синоду желаніе быть зачисленнымъ въ студенты пекинской духовной миссіи и отправился туда. По возвращеніи въ Спб., съ 1809 г. по 1819 г. былъ переводчикомъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и дослужился до чина коллежскаго ассессора. Онъ не былъ женатымъ и по мягкому характеру былъ склоненъ къ созерцательной жизни. (О. Даніила, 52 и 53 четвертк. Тимковск. 1 5). Разсказъ кн. В. Баюшева (въ Совр. Извѣст. 1884 г. № 251 и оттуда въ Церк. Вѣстн. 1884 г. № 38, стр. 13) отличается *легендарнымъ* характеромъ и

былъ уже въ Пекинѣ въ званіи студента при архим. Софроніи Грибовскомъ (1794—1808 г.) и зналъ хорошо мѣстныя условія жизни и дѣятельности нашихъ миссіонеровъ и ихъ пасомыхъ. Постриженный въ монашество подъ именемъ Петра, онъ 30-го мая 1819 г.

содержитъ много прикрасъ на счетъ дѣятельности архим. Петра. Характеристикой внутренняго настроенія Павла Каменскаго предъ поступленіемъ въ монашество служитъ слѣдующее стихотвореніе, записанное имъ въ концѣ 1792 г. (послѣ отмѣченнаго 17 сент. дня кончины его брата Сергѣя) на концѣ краткаго латинскаго лексикона Хр. Целларія (СПБ. 1746 г.). Это стихотвореніе показываетъ неудовлетворенность его своимъ чиновнымъ положеніемъ:

Только явятся солнца красы,
Всѣмъ одѣваться придутъ часы.
Боже мой, Боже, всякой день тоже!

* *
*

Къ должности водитъ всякаго честь;
Полдень приходитъ, надобно ѣсть.
Боже мой. . . . .

* *
*

Тамъ разговоры насъ веселятъ,
Вѣсти и ссоры время дѣлятъ.

* *
*

Лесть и обманы сѣетъ злодѣй,
Рвутъ, какъ тираны, люди людей.

* *
*

Тотъ веселится, тотъ слезы льетъ,
Тотъ богатится, тотъ нагъ бредетъ.

* *
*

Время, о время, что ты? Мечта!
Вѣкъ—наше бремя, все—суета!

* *
*

Сколько ни видимъ въ мірѣ суетъ
Не ненавидимъ,—любимъ мы свѣтъ.
Боже мой, Боже, всякой день тоже, любимъ мы тоже.

Свое колебаніе и сомнѣнія Павелъ Ивановичъ порѣшилъ, остановившись на текстѣ изъ св. Іоан. VI, 44, и записавъ его по латини «dicit Christus: nemo ad me potest venire, nisi pater qui misit me, illum traxerit. Духовнымъ отцемъ П. И. Каменскаго былъ «убогій архимандритъ

былъ произведенъ въ казанскомъ соборѣ во архимандрита и вскорѣ награжденъ орденомъ Анны 2-й степ., наперснымъ крестомъ, мантіей первокласнаго монастыря и митрой, шитой золотомъ по красному бархату и украшенной драгоцѣнными камнями. Какъ компетентному лицу, начальство поручило ему составить и новую инструкцію въ видахъ скорѣйшаго и лучшаго приведенія въ порядокъ дѣлъ миссіи. Понимая всю важность и отвѣтственность подобной работы, онъ принялъ во вниманіе прежнія инструкціи, дававшіяся въ руководство его предшественникамъ, но внесъ и много новыхъ положеній, сообразно съ измѣнившимися задачами миссіи и видами на нее правительства. Работа его оказалась чужда практически непровѣренныхъ по мѣстнымъ условіямъ наставленій митр. Амвросія и выдержала нѣсколько изданій въ послѣдующее время, входя въ существенныхъ частяхъ своихъ въ послѣдующія инструкціи 1839 и 1847 гг.

Вновь составленная инструкція удостоилась Высочайшаго утвержденія 4 августа 1818 г. Существенныя положенія ея состоятъ во 1-хъ въ томъ, что жалованье и содержаніе для миссіи было опредѣлено въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ противъ прежнихъ окладовъ, а именно 16,250 руб. сер. (противъ предыдущаго оклада въ 6,500 р.). При этомъ впервые указаны новыя статьи расходовъ, не бывшія прежде. Росписаніе расходамъ было составлено въ такомъ видѣ ([1]).

1) Архимандриту . . . 2000 р. с., какъ и прежде.
2) Іеромонаху, помощнику начальника 650 (вм. 400 р).
3) Іеромонаху, исправляющему должность казначея . . . . . . 650 — 400 —

Товія, Невскія лавры намѣстникъ», какъ онъ подписался на книгѣ Лѣствица св. Іоанна (изд. 1812 г.), подаренной имъ своему духовному сыну въ декабрѣ 1819 г. О. Петръ взялъ съ собою много книгъ разнообразнаго содержанія, которыя онъ оставилъ въ пекинской миссіи съ своею подписью. Примѣру его слѣдовали и прочіе члены миссіи, по прежней впрочемъ практикѣ.

([1]) Тимковск. 1, 7. 8.

4) Іеродіакону . . . . 500 — 300 р.
5) Двоимъ церковникамъ . . . по 500 — 300 —
6) Троимъ студентамъ . . . . по 500 — 400 —
7) Лекарю или студенту медицины 700 —
8) На общій для всѣхъ столъ, отопленіе и освѣщеніе всего подворья и прислугу для всей миссіи. . . . . 5000 —
9) Архимандриту на наемъ служителей и содержаніе двухъ экипажей—одного для него и другаго для миссіи . . . 1000 р.
10) На содержаніе частныхъ учителей манчжурскаго, китайскаго и монгольскаго языковъ и письменныя принадлежности . . . . 500 р.
11) На церковныя потребы . . . . 250 р.
12) На содержаніе и обученіе албазинскихъ мальчиковъ . . . . 1000 р.
13) На постройки и ремонтъ въ монастыряхъ и церквахъ . . . . 500 р.
14) На покупку китайскихъ и манчжурскихъ книгъ . . . . 500 р.
15) На подарки учителямъ и другимъ необходимымъ для миссіи лицамъ . . 500 р.

Во вторыхъ, годовое жалованье по этой инструкціи должно было обращаться въ пенсію тѣмъ изъ членовъ миссіи, о которыхъ, по возвращеніи въ Россію, будетъ засвидѣтельствовано начальникомъ миссіи, что они по мѣрѣ своихъ силъ выполняли возложенныя на нихъ правительствомъ обязанности. На такую пенсію не имѣли права причетники и іеродіаконъ, если онъ не былъ изъ ученыхъ. Кромѣ того, начальнику миссіи, по возвращеніи его въ Россію, обѣщана награда въ видѣ производства во епископа, если бы онъ оказался достойнымъ этого сана. Іеромонахи съ самаго поступленія въ миссію награждались золотыми наперсными крестами изъ кабинета Его Величества, а по выѣздѣ изъ Пекина имѣли быть произведенными во архимандриты монастырей, въ какихъ св. синоду бла-

гоугодно будетъ предоставить имъ настоятельство. Свѣтскіе же студенты, со времени поступленія своего въ миссію, должны были награждаться чинами, а по возвращеніи въ отечество, за труды и выполненіе своихъ обязанностей, быть произведенными въ высшіе чины и пожалованы орденами съ причисленіемъ на службу министерства иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ переводчиковъ.

Въ третьихъ, новою инструкціею были въ точности опредѣлены предметы занятій для каждаго изъ членовъ миссіи, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, смотря по образованію, полученному ими въ Россіи. Всѣмъ же вообще членамъ вмѣнено въ обязанность обучаться—духовнымъ преимущественно китайскому языку, а студентамъ и маньчжурскому. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нѣкоторымъ изъ послѣднихъ предписано учиться монгольскому, тибетскому и санскритскому языкамъ.

Въ четвертыхъ, учрежденъ Совѣтъ миссіи, председателемъ котораго всегда назначался начальникъ миссіи, членами оба іеромонаха, лекарь, а въ 30-хъ годахъ и другой изъ старшихъ студентовъ. Должность секретаря возлагалась также на одного изъ студентовъ. Къ дѣйствіямъ Совѣта отнесено вообще управленіе дѣлами, касавшимися внутренняго и внѣшняго благосостоянія миссіи. Сюда принадлежали: а) надзоръ за поведеніемъ и занятіями членовъ миссіи, б) предписаніе мѣръ для поощренія ихъ и средствъ воздержанія отъ предосудительныхъ поступковъ, в) внушеніе осторожнаго и благоразумнаго обращенія съ китайцами, г) бдительный надзоръ за сохраненіемъ въ цѣлости церковнаго и монастырскаго имущества и казны, отпускаемой на содержаніе миссіи, наконецъ, д) попеченіе о поддержаніи православной вѣры между албазинцами и пріобрѣтеніе новыхъ чадъ къ церкви Христовой изъ природныхъ китайцевъ (1).

По новому штату миссіи, начальнику ея было разрѣшено, при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ, навер-

(1) О. Даніилъ. четвертк. 55 и 56.

бовать членовъ изъ с.-петербургскихъ учебныхъ заведеній. Поэтому, изъ петербургской духовной академіи поступилъ и произведенъ во іеромонаха, съ званіемъ помощника или намѣстника начальника миссіи, Веніаминъ Морачевичъ (26 лѣтъ). (1). Другой членъ, Даніилъ Сивилловъ (22-хъ лѣтъ), изъ учениковъ философіи Александроневской семинаріи, былъ постриженъ въ монашество и посвященъ во іеромонахи въ томъ же 1819 г. (2). Ему поручена была должность казначея миссіи. Изъ Невской лавры взятъ былъ послушникъ Веретенниковъ (31 года), который по произведеніи во іеродіакона названъ Израилемъ. Отсюда же одинъ изъ послушниковъ, Алексѣй Исаковъ Сосницкій (27 лѣтъ), поступилъ причетникомъ, а другой, Николай Ивановъ Вознесенскій (20 лѣтъ), родомъ изъ г. Софіи, петербургской губерніи, избранъ изъ учениковъ с. петербургскаго петропавловскаго духовнаго училища. Онъ поступилъ въ миссію старшимъ причетникомъ на правахъ студента. Изъ медикохирургической академіи, кончившій курсъ лекаремъ, въ чинѣ 9-го класса, Осипъ Михайловичъ Войцеховскій (27 лѣтъ) назначенъ былъ врачемъ миссіи. Изъ той же академіи, въ чинѣ 12 класса, поступилъ студентомъ Василій Кириловичъ Абрамовичъ (24 лѣтъ) (3).

---

(1) Онъ былъ родомъ изъ волынской губерніи, повѣта Заславскаго, села Майданъ, священническій сынъ. По окончаніи курса наукъ въ волынской семинаріи, отправился въ 1817 г. въ петербургскую духовную академію, изъ которой и поступилъ въ монашество 14 сент. 1819 г., а 28 сент. того же года произведенъ во іеромонахи. По разсказамъ современниковъ, онъ былъ человѣкъ способный и ловкій. О. Даніилъ, Описаніе Срѣтен. монаст. 54 57 и 59 четверт. Тимков. 1, 5.

(2) Онъ былъ родомъ изъ пензенской епархіи, села Кыньши, городищенскаго уѣзда (Тимковск. 1, 5). Въ 1818 г. изъ пензенской семинаріи посланъ начальствомъ въ петербургскую медикохирургическую академію, но по несклонности своей къ медицинскимъ наукамъ перешелъ снова въ духовное вѣдомство и для окончанія наукъ поступилъ въ философскій классъ невской семинаріи (о. Даніилъ, 54 четвертка). Человѣкъ онъ былъ также способный, по оригиналъ и крайне тяжелаго характера, по разсказамъ о. Палладія и А. А. Бѣлоголоваго.

(3) Тимковск. 1, 6 и 7.

Изъ петербургской же духовной академіи былъ утвержденъ въ званіи студента и въ чинѣ 12 класса Конрадъ Григоріевичъ Крымскій (25 лѣтъ). Наконецъ, изъ петербургскаго педагогическаго института, въ чинѣ 12 же класса, Захаръ Ѳеодоровичъ Леонтьевскій (22 лѣтъ) занялъ четвертую вакансію студента миссіи ([1]).

По собраніи всѣхъ членовъ миссіи, изъ которыхъ иные ѣздили для свиданія съ родными, часть вновь назначенныхъ лицъ выѣхала изъ С. Петербурга 6 декабря 1819 г. Начальникъ миссіи съ остальными отправился оттуда 28 декабря. По соединеніи всѣхъ на 61-й станціи, въ Казани ([2]), они вмѣстѣ продолжали путь до 244-й станціи — Иркутска, куда и прибыли 28 февраля 1820 г., совершивъ свой почти 6000-й путь (5990 верст.) ([3]) въ два съ лишнимъ мѣсяца. Отсюда выѣхали въ Кяхту въ іюнѣ мѣсяцѣ и 1 іюля увидѣли синѣющіеся хребты монгольскихъ горъ. Здѣсь они пробыли ровно два мѣсяца въ приготовленіяхъ въ дальнѣйшій путь чрезъ Монголію ([4]). Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ еще въ маѣ далъ знать письмомъ сибирскій генералъ-губернаторъ, М. М. Сперанскій, пограничнымъ правителямъ китайскихъ дѣлъ въ Куренѣ или Ургѣ (въ 260 верстахъ на югъ отъ Кяхты) ([5]). Приставомъ миссіи былъ назначенъ одинъ изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассесоръ Ч. Ѳ. Тимковскій († 9 февр. 1875 г.), описавшій потомъ свое двукратное путешествіе черезъ Монголію. Въ должности обозначено былъ назначенъ Е. И. Разгильдѣевъ. Переводчикомъ монгольскаго и манчжур-

---

([1]) Архим. Даніила, четвертк. 54. Тимковск. 1, 7.

([2]) Семивскаго, Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о восточной Сибири, СПб. 1817 г., стр. 47. 48. О. Даніилъ ѣздилъ въ Пензу для свиданія съ родными, какъ значится на книгѣ Sintaxis latina Matthaei 1780, подаренной ему въ Пензѣ 27 декаб. 1819 г. Изъ Пензы онъ долженъ былъ проѣхать въ Казань.

([3]) Тамже, стр. 48–51.

([4]) О. Даніила, четверт. 54.

([5]) Тимковск. 1, 4.

скаго языковъ А. П. Фроловъ, старшиною А. И. Разгильдѣевъ съ командой въ 29 сибирскихъ казаковъ [1]. На переѣздъ миссіи сдѣланы были въ Иркутскѣ 10 крытыхъ повозокъ съ упряжью на 3 лошади въ каждую. Для доставленія тяжестей, отъ Кяхты до Калгана (въ 200 верстахъ отъ Пекина) и обратно, было заготовлено 85 верблюдовъ. Часть ихъ была куплена, а прочіе пожертвованы бурятами. Подъ вьюками вышло за границу 31 августа 1820 г. 64 верблюда: остальные же были взяты въ запасъ. Бурятами же добровольно, безъ всякой платы, было выставлено 150 лошадей и 28 быковъ на пищу. Сверхъ того, для перевозки ломкихъ вещей, принадлежавшихъ членамъ миссіи, было отпущено 6 одноколокъ [2].

За немногими исключеніями [3], миссія ѣхала по станціямъ у колодцевъ (свыше 50) [4], на которыхъ останавливались и прежнія миссіи, особенно въ 1794 и 1807 гг. [5]. На пути, во всѣ воскресные и праздничные дни совершалось богослуженіе со всенощными на канунѣ [6]. По дорогѣ члены миссіи интересовались встрѣчавшимися видами, попадавшимися растеніями и жителями [7]. Монголы привѣтствовали русскихъ словомъ: „здравствуй“ и часто осаждали расспросами о Россіи и о нихъ самихъ [8]. На встрѣчу путешественникамъ ѣхали въ Кяхту евреи срединной имперіи, жители провинціи Шаньси, которыхъ можно всюду встрѣтить. Съ своимъ девизомъ: Фанъ, Шанъ, Ханъ, Данъ (банкирство, разъѣзды съ товарами, учре-

---

(1) О. Даніилъ, четвертк. 54 и 55. Тимковск 1, 9—11.

(2) Тимковск. 1, 11.

(3) Тимковск. 1, 70. 240. 269.

(4) Тимковск. III, 149—159. Е. Ковальскаго 1, 153—199.

(5) Тимковск. 1, 197. 213. 233.

(6) Тимковск. 1, 84.

(7) Тимковск. 1, 45.

(8) Тимковск. 1, 171. 260. 323.

жденіе магазиновъ и закладныхъ лавокъ) они дѣйствуютъ всегда кампаніями и большею частію на правилахъ строгой честности. Въ Кяхтѣ они объясняются на коверканномъ русскомъ языкѣ [1]. Черезъ нихъ Россія въ началѣ получала чай, съ которымъ познакомилась съ 1638 г. [2], и другіе товары [3]. Съ ними наши путешественники посылали извѣстія о себѣ въ Кяхту [4]. На пути сопровождавшій миссію штатный писарь (битхеши) изъ китайцевъ обнаружилъ всѣ непривлекательныя черты китайской натуры—корыстолюбіе, завистливость, ложь [5]. Не мало поплатился приставъ миссіи разнымъ китайскимъ и монгольскимъ властямъ, а также провожавшимъ миссію китайцамъ, на подарки въ видѣ водки, сукна, казимиру, табакерокъ, медальоновъ, подносовъ, ложекъ, ножницъ, ножей и вилокъ, шитыхъ казанскихъ сапоговъ, помады, духовъ и т. п. [6]. Членамъ миссіи привелось также не мало потерпѣть отъ сырости, холода и другихъ невзгодъ пути, между которыми былъ особенно тяжелъ падежъ скота [7]. По прибытіи чрезъ $2^1/_2$ мѣсяца въ Калганъ по снѣгу, при хорошемъ морозѣ (иногда въ 17° и 18° Реом.) [8], съ сѣвернымъ вѣтромъ, члены миссіи чувствовали примѣтное ослабленіе здоровья и нужду въ тепломъ помѣщеніи [9]. Часть обоза была оставлена приставомъ миссіи у цахарскаго ламы Байнъцагана до обратнаго пути [10]. Недовѣряя чистотѣ по-

---

(1) Архим. Палладій. Дорожныя замѣтки, СПб. 1872, стр. 68.
(2) Ковалевск. II, 126.
(3) О. Іакинѳъ. Китай, изд. 1848 г. ч. 1, стр. 41. Егоже, Статистич. описаніе китайской имперіи, 1, 125 б.
(4) Тимковск. 1, 183. 184.
(5) Тимковск. 1, 313.
(6) Тимковск. 1 стр. 82. 135. 136.
(7) Тимковск. 1, 324, 140. 84
(8) Тимковск. 1, 318. 330. 334. 366.
(9) Тимковск. 1, 327. 328.
(10) Тимковск. 1, 329. Ковалевск. 1, 97. О. Іакинѳа, Статист. описаніе II, 301.

вара, нѣкоторыя лица имѣли во время пути столъ, приготовленный казаками ([1]).

1-го Декабря въ пекинскомъ предмѣстьѣ новую миссію встрѣтили студенты прежней, Сипаковъ и Зимайловъ. По распоряженію о. Іакинѳа, они привели съ собою 4 лучшихъ китайскихъ телѣги, которыя Тимковскій для красоты рѣчи величаетъ колясками ([2]). Въ этихъ телѣгахъ (а приставъ на приведенной также верховой лошади) новая миссія должна была въѣхать въ Пекинъ. Въ двухъ почти верстахъ отъ Пекина, на русскимъ кладбищѣ, встрѣтилъ новую миссію бошко (унтеръ офицеръ) Ургентай. Поклонившись праху соотечественниковъ, члены новой миссіи вступили наконецъ въ Пекинъ чрезъ одни изъ сѣверныхъ воротъ его (Ань-динь-мынь) и въ церемоніальномъ порядкѣ проѣхали по главной Сыпайловой улицѣ. Масса любопытныхъ китайцевъ слѣдовала за русскими. У воротъ русскаго подворья новую миссію встрѣтили іеромонахи прежней миссіи, Серафимъ и Аркадій, съ церковникомъ Яфицкимъ, а въ настоятельскихъ покояхъ принялъ гостей самъ начальникъ миссіи, о. Іакинѳъ, который затѣмъ отлично угостилъ и успокоилъ всѣхъ новоприбывшихъ ([3]). Путешественники размѣстились въ разныхъ китайскихъ одноэтажныхъ домикахъ русскаго подворья ([4]), со слюдой въ окнахъ, съ простой полуевропейской полукитайской обстановкой ([5]) и съ топкой извнѣ, нагрѣвавшей снизу каменный полъ ([6]).

На другой день, 2-го декабря, въ 10-мъ часу утра новою миссіею было принесено благодарственное

([1]) Тимковск. 1, 357—358.

([2]) Тимковск. 1, 382.

([3]) Тимковск. 1, 383—386. Китай, изд. 1840 г., стр. 261.

([4]) Описаніе Пекина, стр. 124—127. Китай изд. 1840 г., стр. 128.

([5]) См. опись мебели въ Срѣтенск. монастырѣ отъ 1831 г., стр 318—322.

([6]) Тимковск. II, 12. 13. Ковалевск. II, 147.

моленіе Господу Богу въ Срѣтенской церкви ([1]). Затѣмъ у пріѣзжихъ съ старожилами начался обмѣнъ мыслей ([2]), устройство сложныхъ китайскихъ костюмовъ или обмѣнъ ихъ на европейское платье новоприбывшихъ ([3]). Послѣ этого начались церемоніальные пріемы китайскихъ чиновниковъ ([4]), обмѣнъ подарковъ съ ними, сообщеніе въ китайскую палату внѣшнихъ сношеній оффиціальныхъ бумагъ и полученіе оттуда отвѣтовъ ([5]), торжественные выѣзды изъ посольскаго двора ([6]) для осмотра города, наконецъ, визиты къ католическимъ миссіонерамъ и пріемъ ихъ ([7]). Одновременно съ этимъ, въ свободные промежутки, началось ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ въ миссіи ([8]). Обѣ церкви были тщательно освидѣтельствованы ([9]). Въ 1808 г. Срѣтенская церковь была ремонтирована о. Іакинѳомъ ([10]), но послѣ, за неимѣніемъ средствъ у миссіи, не поправлялась. Въ 1821 г., при осмотрѣ, стѣны этого храма оказались крѣпкими, несмотря на трещину, произведенную землетрясеніемъ 1730-го года, которое не разрушило церкви ([11]). Обветшавшая кровля церкви ([12]) требовала замѣны, но до 1824 —

([1]) Тимковск. II, 11.

([2]) Тимковск. II, 15. 16. 22. 23.

([3]) Ковалевск. II, 2.

([4]) Тимковскій. II, 19. 47. Ковалевск. II, 3.

([5]) Тимковск. II, 28. 220. 277. 280—282.

([6]) Ковалевскій. II, 2.

([7]) Тимковскій, II, 140. 174. 57. 221. 271. О. Іакинѳъ. Описаніе Пекина, стр. 76.

([8]) Тимковскій, II, 15. 16. 22. 23.

([9]) Тимковскій, II, 69.

([10]) Тимковскій, II, 282.

([11]) Опись Срѣтенск. церкви, архим. Іоакима, стр. 1. У Тимковскаго (II, 21) землетрясеніе это невѣрно отнесено на 1837 и 1838 гг. См. вѣрную дату у Бантышъ-Каменскаго, Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. 195.

([12]) Тимковскій, II, 21.

1826 гг. оставлена въ прежнемъ видѣ. На этотъ разъ была сдѣлана только новая глава на церковь, вмѣсто старой, крайне обветшавшей, устроенной о. Іакинѳомъ въ 1808 г. (1). Жаркая позолота новой главы изъ мѣди обратила вниманіе пекинскихъ жителей. Но отдѣлка ея оказалась очень грубой; кромѣ того, мастеръ вмѣсто закалки мѣди на огнѣ просто покрылъ ее китайскою тушью. О. Іакинѳъ, руководствовавшій этимъ сооруженіемъ, обнаружилъ подлогъ мѣдника въ отдѣлкѣ главы, а потому, имѣя у себя контрактъ, положилъ удержать 150 ланъ (300 руб.), слѣдовавшихъ мастеру, какъ законную мѣру пени за его отступленіе отъ договора (2). Успенская церковь была и внутри и снаружи ветха уже при архим. Іоакимѣ (3). Съ того времени она едва-ли поправлялась основательно (4) и потому при о. Іакинѳѣ была близка къ разрушенію. Служба въ ней въ послѣдніе годы пребыванія его не совершалась за неимѣніемъ богомольцевъ (5). Въ 1824—26 гг. она была выстроена заново на прежнемъ мѣстѣ по уменьшенному плану, взятому съ Срѣтенской церкви (6). Съ этого времени въ ней службы были снова открыты (7) и она выведена изъ запустѣнія.

Съ 7 декабря члены новой миссіи занялись на южномъ подворьѣ пріемомъ отъ прежней миссіи цер-

---

(1) Тимковск. II, 282.

(2) Тимковскій, II, 282—283.

(3) Опись отъ 1794 г. стр. 48. 58.

(4) Въ 1805 г., какъ значится на полѣ этой описи, она была перекрыта новымъ тесомъ и трубчатой черепицей, а внутри потолокъ былъ выклеенъ бѣлыми обоями (стр. 48).

(5) «Шэнъ-ши-цзы-ле»—«церковная исторія» въ ркп. на китайск. языкѣ, составленная архим. Гуріемъ, 10 бэнцза (тетрадь), стр. 28.

(6) Пропорція ея измѣрена въ 1884 г. числомъ миссіи, іером. Алексѣемъ. Трапеза длиною 24 аршина, шириною 12 арш. 8 вершк., вышиною 14 аршинъ; притворъ длин. 9 арш. 6 вершк. вышин. 11 арш. 8 верш. Колокольня стоитъ отдѣльно въ видѣ бесѣдки.

(7) Тимковскій. II, 261. 262.

ковной утвари и разницы Срѣтенской церкви ([1]). По описи о. Іоакима видно, что при немъ было до 43 ризъ, частію изъ Россіи, частію сдѣланыхъ въ Пекинѣ изъ китайскихъ матерій ([2]). При архим. Софроніи и о. Іакинѳѣ обветшавшія ризы передавались Успенской церкви, или передѣлывались на меньшія облаченія; самыя ветхія (пояса, поручи, орари) сжигались ([3]). Ветхіе стихари надѣвались на умершихъ студентовъ или церковниковъ (Громова, Лавровскаго и др.) ([4]). Позднѣе старую утварь и разницу стали увозить въ Россію (напр. въ 1847 г.) ([5]) и жертвовать ихъ бѣднымъ церквамъ и монастырямъ восточной Сибири — Посольскому и Троицкому (въ 1859 г.) ([6]). Серебряныя вещи отсылались въ Петербургъ въ Азіатскій Департаментъ (напр. въ 1847 г.) ([7]). При настоящей повѣркѣ ризницы (въ 1821 г.) нашлись двѣ перемѣны красивыхъ и богатыхъ ризъ ([8]), пожертвованныхъ 15 лѣтъ тому назадъ изъ кабинета Его Величества девятой миссіи, но много оказалось ветхихъ. При о. Іакинѳѣ было до 30 ризъ, до 15 подризниковъ, до 20 стихарей, 6 палицъ, 2 архимандричьихъ шапки; изъ церковной утвари—два потира съ принадлежностями, два ковчега, 4 напрестольныхъ креста, 5 евангелій и т. д. ([9]). Иконы были прежнія, древнія: онѣ частію были присланы изъ Тобольска (писаны въ Кіевѣ) въ

([1]) Тимковскій, II, 29.

([2]) Тамъ же, стр. 13 на обор.

([3]) Опись 40-хъ годовъ, старой ризницы 1805 г. стр. 39—40.

([4]) 1794 г., стр. 27 наобор. и 28.

([5]) Опись 1849 г., стр. 45—48, 77—82.

([6]) Отношеніе И. Перовскаго архим. Палладію отъ 25 янв. 1859 г. въ документахъ миссіи № 36. Иркут. епарх. вѣдом. 1874 г № 39, стр. 514.

([7]) Опись 40-хъ годовъ, стр. 45—48.

([8]) Опись 1849 г. стр. 66 наобор. Тимковск. II, 29.

([9]) Опись 1794 г. стр. 13.—17. 22. 23. Опись 40-хъ годовъ, стр. 44—49.

началѣ XVIII стол., частію писаны священникомъ Гребенщиковымъ, пріѣзжавшимъ въ Пекинъ съ караваномъ Фирсова въ 1735 г., и іеродіакономъ Викторомъ (или Николаемъ) Красовскимъ, бывшимъ въ тоже время ([1]). Наконецъ, были иконы писанныя и китайскими живописцами, вѣроятно изъ католиковъ ([2]). Послѣднія показались приставу миссіи неприличными, такъ какъ были изображены въ китайскомъ костюмѣ ([3]). 4 января 1821 г. былъ пріемъ іером. Веніаминомъ изъ вѣденія прежней миссіи земель и домовъ, принадлежавшихъ миссіи ([4]). Изъ послѣднихъ четыре обветшавшихъ домика, по мнѣнію о. Іакинѳа, лучше было продать и купить на нихъ одинъ большой и крѣпкій. Вѣроятно, въ это-же время были выкуплены заложенныя церковныя и монастырскія вещи и запроданная колокольня. Но проданные колоколенные часы не вернулись назадъ ([5]). 26 января члены старой миссіи передали въ библіотеку миссіи свои книги, которыя не нашли нужнымъ взять съ собою ([6]).

Что касается общины албазинцевъ, находившейся въ безотрадномъ положеніи, то новый начальникъ миссіи почти съ перваго свиданія съ ними въ своихъ кельяхъ напомнилъ имъ первоначальное происхожденіе ихъ и ихъ предковъ. По разсказу очевидцевъ (о. Даніила Хоа, учительницы Маріи), своею проповѣдію въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ архим. Петръ произвелъ въ сердцахъ ихъ такое дѣйствіе, что всѣ

([1]) Тимковскій. II, 29. Мелетій. Древн. церковн. грамоты, стр. 68. Иркут. епарх. вѣдом. 1866 г. № 25, стр. 307.

([2]) Одна или двѣ иконы стараго письма (изъ числа 10) носятъ ясные слѣды католич. манеры живописанія. Онѣ хранятся на колокольнѣ Срѣтенск. церкви.

([3]) Тимковскій. II, 29.

([4]) Тимковскій. II, 182. 183.

([5]) Пановъ. Op laudat. стр. 37.

([6]) Этого факта не записано у Тимковскаго. Онъ отмѣченъ архим. Петромъ на пожертвованныхъ книгахъ.

изъ бывшихъ у него прежнихъ православныхъ христіанъ были растроганы и дали ему рѣшительное обѣщаніе оставить языческое идолопоклонство и воспріять вѣру своихъ предковъ. Дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени, нѣкоторые изъ нихъ выбросили изъ домовъ своихъ всѣхъ китайскихъ и манчжурскихъ болвановъ и на мѣсто ихъ водрузили россійскія св. иконы ([1]). Такое доброе настроеніе архим. Петръ поддерживалъ домашними совѣтами, ласковымъ обращеніемъ и особенно широкою благотворительностію: платилъ за албазинцевъ долги, выкупалъ ихъ платье, давалъ имъ новое ([2]). Такой же системы онъ заставлялъ держаться и іером. Веніамина, который переселился на жительство къ Успенской церкви. Послѣдній сталъ завѣдывать открытымъ училищемъ для албазинскихъ дѣтей, въ которое было собрано до 10 учениковъ. Чтобы пріохотить ихъ къ занятіямъ, миссія стала выдавать имъ по $1^1/_2$ (3 руб.) въ мѣсяцъ ([3]). Такая система продолжается до нынѣ, хотя въ меньшемъ размѣрѣ. Нельзя не считать ее обоюдоострой. Не рѣдко албазинцы злоупотребляли подобными субсидіями, которыя они закладывали наравнѣ съ прочимъ своимъ добромъ ([4]). Но несомнѣнно, что была и существенная польза отъ такого рода благотворительности. При архим. Петрѣ начались обращенія отпадшихъ отъ христіанства, хотя далеко не всѣ вернулись въ лоно церкви Христовой. Отпаденія продолжались и послѣ Петра и случаются нынѣ. Изъ некрещенныхъ алба-

---

([1]) О. Даніилъ. четвертк. 58. Шэнъ-ши-цзы-ле, церковная исторія архим. Гурія, стр. 28.

([2]) Шэнъ-ши-цзы-лё (церковн. истор.) архим. Гурія, стр. 28 на обор.

([3]) По разсказу ученика этого училища, албазинца Петра Хоа.

([4]) При Веніаминѣ (1831—1836) они даже разъ задумали всѣ силой вытребовать у миссіи нѣсколько сотъ ланъ серебра, грозя отпаденіемъ. Начальникъ миссіи отказалъ имъ, тогда они перестали ходить въ церковь и пускать въ школу учениковъ. Потомъ скоро одумались. Шэнъ-ши-цзы-лё, стр. 29.

зинцевъ ему удалось огласить и окрестить 53 человѣка (31 мужеска, 22 женска пола). Но свыше 40 человѣкъ, служившихъ въ русской ротѣ, такъ и остались язычниками, не смотря на всѣ убѣжденія новаго начальника миссіи. Изъ жителей Пекина и пригородныхъ мѣстъ было окрещено 11 мущинъ и 5 женщинъ (¹). Съ этого же времени и въ церковь стало больше являться албазинцевъ (²).

XI.

Выѣздъ старой миссіи въ Россію.

10 мая 1821 г. члены старой миссіи, во главѣ съ о. Іакинѳомъ, стали окончательно укладываться въ дорогу (³). За все пребываніе въ Пекинѣ пристава

(¹) Реестръ албазинцевъ и новокрещенныхъ изъ китайцевъ 1831 г. сдѣланный іером. Аввакумомъ.

(²) Тимковскій. II, 158. Съ 1831 года можно представить болѣе опредѣленныя статистическія данныя о количествѣ православныхъ христіанъ въ Пекинѣ. По записи іером. Аввакума въ 1831 г. значится всѣхъ христіанъ 73 человѣка обоего пола. Въ 1842 г. въ началѣ пріѣзда 12 й миссіи архим. Поликарпа, всѣхъ христіанъ было 92 въ 22 семействахъ человѣкъ. Въ 1850 г., при началѣ 13-й духовной миссіи архим. Палладія, христіанъ числилось уже 118 человѣкъ обоего пола. По пріѣздѣ въ Пекинъ 14-й миссіи архим. Гурія въ 1858 г. христіанъ насчитывалось 150 душъ. Во время прибытія 15-й миссіи архим. Палладія въ 1865 г. число всѣхъ православныхъ простиралось до 365 душъ. Къ концу 1875 г. потомковъ албазинцевъ показано 139 человѣкъ, христіанъ изъ китайцевъ и манчжуръ 319 человѣкъ, а всего 458 душъ. Затѣмъ въ 70-хъ годахъ при о. Палладіи ихъ много было вычеркнуто и оставлено только 400 человѣкъ. Этой цифры миссія держится и до нынѣ. По метрическимъ книгамъ значится, что съ 1820 по 1858-й г. умерло христіанъ 173 человѣка, въ 1858 г. состояло налицо 150 душъ; слѣд. въ теченіе 38 лѣтъ окрещено 323 человѣка. Съ 1859 г. по 1870 г. умерло 175 человѣкъ, въ 1870 г. было 458 христіанъ: значитъ, двумя миссіями въ теченіе 12 лѣтъ окрещено 483 человѣкъ. См. Замѣтки о. Исаіи отъ 24 іюня 1870 г. Таврич. епарх. вѣдом. 1883 г. № 3. стр. 118.

(³) Тимковскій. II, 285.

миссіи, г. Тимковскаго о. Іакинѳъ щедро снабжалъ его свѣдѣніями по разнымъ ученымъ вопросамъ ([1]), въ чемъ сознается и самъ г. Тимковскій, говоря, что онъ весьма былъ обязанъ глубокимъ и основательнымъ свѣдѣніямъ о. Іакинѳа относительно Китая ([2]). О. Іакинѳъ обязательно дѣлился ими съ приставомъ миссіи, потому что нуждался въ рекомендаціи и поддержкѣ его, какъ это скоро будетъ видно. Можно безошибочно сказать, что 2-я и 3-я части Путешествія г. Тимковскаго составлены при сильномъ вліяніи о. Іакинѳа и его произведеній ([3]). За время своего пребыванія въ Пекинѣ нашъ синологъ собралъ не мало рѣдкостей и антиковъ китайской индустріи. Взявъ ихъ съ собою, онъ удивлялъ потомъ ими публику въ Россіи ([4]). Главную часть тяжестей составила большая библіотека о. Іакинѳа ([5]), а также книги, закупленныя конечно не безъ его содѣйствія, для библіотекъ азіатскаго департамента и Императорской публичной въ С. Петербургѣ, а также для училища азіатскихъ языковъ въ Иркутскѣ ([6]). Эти тяжести вѣсили около 400 пудовъ, и за одну перевозку ихъ до Кяхты было заплачено подрядчику около 750 руб. сер. Ими было навьючено 15 верблюдовъ. „Смѣло можно сказать, записалъ въ своемъ дневникѣ Тимковскій, что во всѣ 8 перемѣнъ россійской Императорской миссіи въ Пекинѣ, бывшихъ въ теченіе 100 лѣтъ, не вывезено столь великаго числа полезныхъ сочиненій, какъ въ настоящую девятую перемѣну оной“ ([7]). Съ 11 мая начались прощаль-

---

([1]) Тимковскій. II, 192.

([2]) Тимковскій. II. 231.

([3]) Тимковскій. II, 4. 301.

([4]) Отечеств. Зап. 1839 г., т. VII, стр. 33.

([5]) Тимковскій II, 285.

([6]) Тимковскій. II, 381—386. 390—396.

([7]) Тимковскій. II, 285—286. Послѣ о. Іакинѳа много закупилъ

ные пріемы и визиты отъѣзжавшихъ въ Россію ([1]). Ихъ оказалось налицо 6 человѣкъ (вмѣсто 10). О студентахъ Громовѣ и Лавровскомъ достовѣрно извѣстно, что они скончались въ Пекинѣ, оба послѣ 1810 г. ([2]). Что касается іерод. Нектарія и церковника Пальмовскаго, то они или выѣхали раньше изъ Пекина, или же, что̀ вѣроятнѣе, послѣдовали примѣру первыхъ двухъ. Съ старой миссіей собрался въ обратный путь и членъ вновь прибывшей, іеродіаконъ Израиль ([3]); ему, избалованному невскимъ житіемъ, очевидно не понравилось положеніе нашей миссіи въ Пекинѣ. Обѣ миссіи пробыли вмѣстѣ 5½ мѣсяцевъ ([4]).

15-го мая 1821 г., въ 8 часовъ утра, архим. Петръ съ двумя іеромонахами совершилъ божественную литургію и по окончаніи оной молебствіе о дарованіи успѣха въ пути возвращавшимся въ отечество ([5]). Во 2-мъ часу, послѣ обѣденнаго стола, бывшаго у о. Петра, начали отправляться въ путь. Сперва выступилъ обозъ миссіи на 30 верблюдахъ и 5 телѣгахъ, въ сопровожденіи 5 казаковъ. Спустя часъ послѣ того отправилась и миссія въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхалъ казачій старшина, за нимъ 9 казаковъ по три въ рядъ; потомъ въ носилкахъ начальникъ прежней миссіи о. Іакинѳъ, также іеромонахи Серафимъ и Аркадій. У каждыхъ носилокъ находился казакъ верхомъ. За ними—казачій сотникъ, потомъ приставъ миссіи съ обознымъ, переводчикомъ, студентами Сипаковымъ, Зимайловымъ и церковникомъ Яфитскимъ. Шествіе заключали два казачьихъ урядника.

книгъ о. Аввакумъ по порученію Азіатскаго Д—та, а также В. П. Васильевъ (1839—1849).

([1]) Тимковскій. II, 287. 288.

([2]) См. замѣтку на описи 1794 г. стр. 27 и 28.

([3]) Тимковскій. II, 287.

([4]) Тимковскій. II, 289.

([5]) Тимковскій. III, 1.

Исключая трехъ духовныхъ особъ, всѣ прочіе ѣхали верхомъ, въ парадной одеждѣ. Сзади слѣдовали въ китайскихъ телѣгахъ архимандритъ Петръ и всѣ члены новой миссіи. Любопытные и знакомые изъ китайцевъ и манчжуръ въ большомъ числѣ собрались на русское подворье и провожали русскихъ до Альдинъмыньскихъ воротъ, а нѣкоторые даже до россійскаго кладбища. Зной былъ до 23° Реом. Пекинская полиція, по приказанію начальства, полила улицы и провожала ѣхавшихъ отъ квартала до квартала, для удержанія черни въ порядкѣ ([1]). „На короткое время, пишетъ о. Іакинѳъ въ своемъ дневникѣ, мы остановились у русскаго кладбища, лежащаго въ 2-хъ ли (1 верстѣ съ небольшимъ) отъ помянутыхъ воротъ къ сѣверо-западу, неподалеку отъ большой дороги влѣво. Здѣсь, на чертѣ между живыми и мертвыми, мы простились со всѣми членами миссіи, оставшейся въ Пекинѣ. Не для чего говорить о противоположности взаимныхъ нашихъ чувствованій: одни возвращались въ объятія отечества, послѣ долгаго временнаго отсутствія; другіе остались заступить ихъ мѣсто съ неизвѣстностію будущаго“ ([2]).

Обратный путь, особенно въ первые 7 ясныхъ дней, былъ спокоенъ и благополученъ. „Къ жарамъ мы привыкли, пишетъ о. Іакинѳъ; солнце не слишкомъ безпокоило насъ своими лучами. Ежедневно видѣли мы множество разнообразныхъ и всегда новыхъ предметовъ; спокойно могли обозрѣвать представлявшееся взорамъ, и дорога сія была для насъ самою пріятною сельскою прогулкою“ ([3]). На пути во всѣ воскресные и праздничные дни отправлялось богослуженіе со всенощными накануне ([4]). За Калганомъ до

([1]) Тимковскій. III, 2. 3.

([2]) Записки о Монголіи I, 2.

([3]) Записки о Монголіи, I, 27.

([4]) Тимковскій. I, 84.

Урги встрѣчалось неизбѣжное затрудненіе во вьючномъ скотѣ, устраненное китайскимъ приставомъ ([1]). Въ степи Гоби 5 іюня, вслѣдъ за дождемъ, сѣверный вѣтеръ заставилъ нашихъ путешественниковъ перемѣнить бѣлое шелковое платье изъ чечунчи на зимнее ([2]). Затѣмъ, по купеческому пути ([3]), начались безтравныя станціи, и съ 14 числа открылось „истинное царство смерти" ([4]), по выраженію о. Іакинѳа. „Не видно было ничего, имѣющаго жизнь и дыханіе. Изрѣдка желтѣлись сухіе стебли прошлогодней травы, а новая, по причинѣ засухи, еще не показывалась ([5]). Въ урочищѣ Гэцзыкынъ-чашунь стали попадаться юрты и виднѣлись ильмовыя деревья. На этой чертѣ кончились сунитскія земли и начались халхаскія. Монголы — суниты, послѣ вознагражденія ихъ подарками, передали путниковъ халхаскому Тусалакци—Идамъ-чжабу ([6]). Станціи бывали различны; то встрѣчалась трава отъ дождей и глинистой почвы; то подножные кормы были плохи. Затѣмъ начались каменныя горы, все выше и круче ([7]). Въ Курень или Ургу прибыли 15 іюля, но остановились не на ветхомъ подворьѣ, построенномъ еще въ 1807 г. ([8]), а въ душныхъ юртахъ, гдѣ путниковъ безпокоила сырость отъ упитанной дождемъ земли. Отъ Урги до Кяхты наши соотечественники поѣхали уже большой дорогой ([9]). 31 іюля на обширномъ горизонтѣ сѣвера путешественникамъ представились отече-

([1]) Записки о Монголіи. I, 64. 65.

([2]) Тимковскій. Ш, 49. Записки о Монголіи. I, 74.

([3]) Записки о Монголіи. I, 112.

([4]) Записки о Монголіи. I, 79. Тимковскій. III, 61.

([5]) Записки о Монголіи. I, 80.

([6]) Записки о Монголіи. I, 83—84. Тимковскій. III, 62. 85.

([7]) Записки о Монголіи. I, 85.

([8]) Записки о Монголіи. I, 102. Тимковскій. III, 112.

([9]) Записки о Монголіи. I, 112.

ственныя горы, а предъ ними кяхтинская церковь съ блистающимъ жестянымъ куполомъ. „Благословенный край, воскликнулъ о. Іакинѳъ въ радостномъ упоеніи чувствъ: ты первый привѣтствуешь меня послѣ долговременной разлуки съ отечествомъ" (1). Так. обр. въ 2½ мѣсяца путешественники наши проѣхали отъ Пекина до Кяхты 1375 верстъ (2).

1 августа по утру директоръ кяхтинской таможни г. Голяховскій съ прочими чиновниками, купечествомъ, бурятскими тайшами пріѣхали на станцію для встрѣчи миссіи. Члены послѣдней изъ Маймачена шли пѣшкомъ до пограничныхъ воротъ, у которыхъ кяхтинское духовенство встрѣтило миссію съ священною церемоніею. „Отсюда, пишетъ о. Іакинѳъ, всѣ пошли въ кяхтинскую церковь, гдѣ принесли благодареніе Богу, сохранившему насъ въ столь трудномъ пути, и симъ запечатлѣли конецъ долговременнаго нашего странствованія" (3). Дорога, какъ мы видѣли, не остановила ученыхъ занятій о. Іакинѳа. Онъ только разнообразилъ ихъ, соединяя полезное съ пріятнымъ. По разсказамъ старожиловъ (4), о. Іакинѳъ сошелся въ Кяхтѣ дружески со многими лицами. Эти добрыя отношенія онъ поддерживалъ и послѣ, напр. съ Н. М. Игумновымъ и др. (5). О. Іакинѳъ продолжалъ и въ Кяхтѣ свои научныя изысканія и нашелъ здѣсь одну монгольскую надпись, надѣлавшую потомъ не мало шуму въ Петербургѣ (6). Въ Кяхтѣ же онъ набросалъ эскизъ китайской грамматики, обработанной имъ послѣ въ серьезное руководство. Это подтверждается

---

(1) Записки о Монголіи. I, 122. Тимковскій. Ш. 143.

(2) Ковалевскій. I, 154—199. Тимковскій. Ш, 159 (онъ считаетъ круглымъ числомъ 1400 верстъ). Записки о Монголіи. I, 125.

(3) Записки о Монголіи. I, 125. Тимковскій. Ш, 145.

(4) А. А. Бѣлоголоваго.

(5) Н. М. Игумнову о. Іакинѳъ прислалъ съ надписью свое сочиненіе Китай, отправивъ его 20 янв. 1841 г.

(6) Отеч. Зап. 1839 г. т. VII, стр. 33.

имѣющимся въ библіотекѣ пекинской духовной миссіи экземпляромъ этой первоначальной работы о. Іакинѳа. Кто-то изъ членовъ новой 11-й миссіи (вѣроятно, іером. Ѳеофилактъ) списалъ ее для себя въ 6 дней (15—20 іюля 1830 г.) въ Троицкосавскѣ, предъ выѣздомъ въ Пекинъ, какъ значится на корешкѣ этой книги.

Грамматика эта имѣетъ нѣсколько иное расположеніе въ составныхъ частяхъ. Она также, какъ и послѣдующее руководство о. Іакинѳа, раздѣляется на двѣ части, но расположеніе параграфовъ или главъ иное. Первая часть, содержащая въ себѣ общія понятія о китайскомъ языкѣ и письмѣ, распадается на 8 главъ (вмѣсто 12 слѣдующей грамматики). Гл. 1-я трактуетъ о китайскомъ письмѣ и происхожденіи его, гл. 2-я о составленіи символическихъ (условныхъ) знаковъ (это 4-я гл. новой грамматики); гл. 3-я о начертаніи и почеркахъ символическихъ знаковъ (это 5-я гл. нов. грам.); гл. 4-я о правописаніи (гл. 7-я нов. грам.); гл. 5 о выговорахъ символич. знаковъ и различномъ произношеніи самыхъ выговоровъ (гл. 8 нов. грам.); гл. 6-я объ удареніяхъ (гл. 9-я нов.); гл. 7-я объясняетъ раздѣленіе символич. знаковъ (10 гл. нов.); гл. 8-я говоритъ объ азбучныхъ звукахъ въ китайскомъ языкѣ (нѣтъ въ новой). Затѣмъ слѣдуетъ таблица выговоровъ и удареній, помѣщенная въ срединѣ слѣдующей грамматикѣ (стр. 155 и дал.), и ключи.—Часть 2-я содержитъ въ себѣ правила китайскаго языка. Въ ней то же раздѣленіе, какъ и въ новой грамматикѣ. Послѣ введенія, гдѣ говорится объ измѣненіяхъ, свойственныхъ ему одному, слѣдуетъ гл. 1-я объ имени существительномъ, гл. 2-я о родѣ, гл. 3-я о числѣ, гл. 4-я объ имени прилагательномъ, гл. 5-я о сравнительныхъ степеняхъ, гл. 6-я объ именахъ числительныхъ, гл. 7-я о мѣстоименіяхъ, гл. 8-я о глаголахъ, гл. 9-я о причастіяхъ, гл. 10-я о нарѣчіяхъ, гл. 11-я о предлогахъ, гл. 12-я о союзахъ, гл. 13-я о междометіяхъ, гл. 14-я о дополни-

тельныхъ частицахъ. На этомъ прерывается абрисъ старой грамматики.

Это руководство поступило въ руки кяхтинскаго купечества, по просьбѣ котораго было составлено. Затѣмъ, черезъ 10 лѣтъ, оно было передано К. Г. Крымскому, воспитаннику петербургской духовной академіи, пробывшему въ Китаѣ 10 лѣтъ въ качествѣ студента 10-й миссіи (1821—1831) при архим. Петрѣ. На обратномъ пути въ Россію г. Крымскій остановился въ Кяхтѣ и, какъ знавшій китайскій и манчжурскій языкъ, по просьбѣ мѣстнаго купечества сдѣлался переводчикомъ (¹) и преподавателемъ китайскаго языка во вновь открытомъ въ 1831 г. кяхтинскомъ училищѣ (²). Эту должность онъ занималъ свыше 30 лѣтъ до своей смерти въ 1863 году. Итакъ, черезъ его руки прошло много поколѣній учениковъ, остававшихся въ теченіе двухъ или трехлѣтняго курса послушными адептами его системы преподаванія. До насъ не дошло свѣденій о методѣ г. Крымскаго въ первое время учительства. Но о послѣднемъ періодѣ его педагогической дѣятельности ученики его передаютъ не совсѣмъ утѣшительные разсказы, какъ напр. И. Р. Лебедевъ, проживающій нынѣ въ Хонькао. Г. Крымскій заставлялъ своихъ учениковъ, 12-15-лѣтнихъ мальчиковъ зубрить серьезное руководство о. Іакинѳа, занимающее въ новомъ исправленномъ видѣ 241 страницу въ большую четвертку. Ученики выучивали на память грамматику нашего синолога, не понимая ея, и выходили изъ школы безъ знанія и разговорнаго и письменнаго языка, потому что изъ за безтолковой долбни не успѣвали познакомиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. По разсказамъ И. Р. Лебедева, въ его время одинъ только М. Г. Шевелевъ справился съ головоломнымъ

(¹) Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, кн. IX и X. Иркутскъ 1867 г., стр. 618.

(²) О Іакинѳъ. Китайская грамматика. Спб. 1835 г. стр. XIX.

учебникомъ и въ 1863-мъ г. блестящимъ образомъ кончилъ курсъ ученія въ кяхтинской школѣ. Послѣдняя со смертію г. Крымскаго должна была закрыться.

Въ Кяхтѣ или въ Иркутскѣ о. Іакинѳъ запасся общепринятымъ духовнымъ костюмомъ, перемѣнивъ его на китайскій, который носилъ около 14 лѣтъ ([1]). Въ бытность свою въ Иркутскѣ, онъ началъ вести дневникъ своего путешествія по Сибири (см. ниже) и вѣроятно тоже по чьей либо просьбѣ, о. Іакинѳъ составилъ записку о посылкѣ въ Китай епископа, святителя Иннокентія. Въ этой запискѣ, оставшейся не напечатанной, онъ между прочимъ утверждалъ, что несправедливо думаютъ, будто въ Китаѣ потому не приняли святителя Иннокентія, что въ бумагѣ къ китайскому правительству онъ былъ названъ великимъ господиномъ. Такой де причины въ Китаѣ никто не слыхалъ и не знаетъ и въ китайскихъ документахъ этого не значится. Все упомянутое, по мнѣнію о. Іакинѳа, есть выдумка русскаго посланника, Саввы Владиславича, графа Рагузинскаго. О. Іакинѳъ полагалъ, что причиной отказа въ пропускѣ святителя Иннокентія были непріязненныя отношенія къ нему архим. Антонія Платковскаго ([2]). Какъ видно, о. Іакинѳу была извѣстна предыдущая судьба пекинской миссіи и исторія сношеній русскихъ съ Китаемъ ([3]). Жаль, что онъ не занялся спеціально этими важными вопросами. Тогда онъ не упустилъ бы изъ виду, что въ дѣлѣ святителя Иннокентія главную роль играли іезуиты и центръ тяжести при рѣшеніи

([1]) Такъ обыкновенно дѣлали наши миссіонеры, какъ видно изъ отношенія іером. Аввакума въ Азіатскій Д—тъ отъ 1 марта 1841 г. Въ документахъ, стр. 357.

([2]) Бланковое отношеніе редактора Иркут. епарх. вѣдом. архим. Модеста члену миссіи іером. Исаіи отъ 22 авг. 1871 г. № 409.

([3]) Статистическое описаніе китайской имперіи. II, 229. Описаніе Чжуньгаріи и восточнаго Туркестана, II, 157.

этого вопроса лежитъ въ ихъ оппозиціи пріѣзду русскаго епископа въ Китай. Оппозиція Антонія Платковскаго не имѣла такого значенія, какое придано ей о. Іакинѳомъ, хотя несомнѣнно она существовала.

XII.

Осужденіе девятой миссіи.

Съ выѣздомъ изъ Китая заканчивается второй періодъ въ жизни о. Іакинѳа и начинается третій. Онъ прибылъ въ С. Петербургъ въ январѣ 1822 г. во время усиленія внутри имперіи реакціонной политики, какая отмѣчается историками при обозрѣніи конца царствованія императора Александра I ([1]). Начальство приняло девятую миссію холодно ([2]). На основаніи рѣзкихъ доношеній Трескина и архим. Петра, не симпатизировавшаго о. Іакинѳу, вся девятая миссія, съ начальникомъ во главѣ, была предана суду за неисправное поведеніе свое въ Китаѣ и допущеніе безпорядковъ въ дѣлахъ миссіи. Главнымъ виновникомъ осужденія о. Іакинѳа съ братіею нужно считать архим. Петра. Говорятъ, что по пріѣздѣ въ Пекинъ послѣдній былъ пораженъ прежде всего запустѣніемъ церквей, о чемъ и не замедлилъ донести св. Синоду ([3]). Стоустная молва прибавляетъ, что о. Іакинѳъ очень нелюбезно принялъ новаго начальника миссіи, бросивъ ему на полъ церковные ключи со словами: „на, возьми“ ([4]). Главными пунктами обвиненія о. Іакинѳа была продажа (сомнительная для насъ) части посоль-

---

([1]) П. В. Знаменскій. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I. Прав. Собесѣд. 1885 г. янв., стр. 36.

([2]) Пановъ. Op. laudat. стр. 37.

([3]) Тамже.

([4]) По разсказу архим. Антонія, члена 14-й миссіи (1858—1865).

скаго двора, лежавшей къ востоку, или западу (¹), затѣмъ закладъ нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, оказавшихся впрочемъ на лицо при послѣдующихъ миссіяхъ, небрежное обращеніе съ церковною утварью, часть которой также была заложена, наконецъ, допущеніе открытія игорнаго дома въ зданіи принадлежавшемъ миссіи и отдаваемомъ въ наемъ (²). Трудно сказать, насколько справедливы подобныя обвиненія, при неимѣніи изданной переписки современниковъ о. Іакинѳа и его самого. Въ сочиненіи г. Тимковскаго нѣтъ никакихъ даже намековъ на подобные факты. Можетъ быть, изъ симпатіи къ о. Іакинѳу, онъ считалъ неудобнымъ огласить ихъ. За исключеніемъ выговора студентамъ иркутскаго губернатора, и въ миссіи нѣтъ никакихъ документовъ по этому вопросу, кромѣ неясной замѣтки о. Исаіи (отъ 1866 г.), думавшаго почему-то найти причину обвиненія о. Іакинѳа съ братіею въ отношеніяхъ миссію къ посланнику Головкину. При этомъ о. Исаія цитуетъ Вигеля.

При осужденіи о. Іакинѳа не было примѣнено извѣстное правило римскаго права: „audiatur et altera pars". Защитниковъ у него на этотъ разъ, кажется, не было, а самъ онъ, говорятъ, отказался дать какія-либо объясненія. Между тѣмъ онъ въ свое оправданіе могъ бы поставить на видъ, что на закладъ или продажу части церковныхъ земель и вещей и растрату нѣкоторой утвари онъ вынужденъ былъ вслѣдствіе

(¹) Обыкновенно указываютъ на продажу восточной части. Между тѣмъ въ Исторіи россійской іерархіи (II, 439) опредѣлительно сказано, что югозападная часть Срѣтенскаго монастыря, длиною въ 9 аршинъ, шириною въ 7, отошла въ улицу. Это могло случиться при архим. Софроніи.

(²) По разсказамъ А. А. Б — го и А. Д. С — ва. Ср. Паповъ. Op. laud. стр. 37. Можетъ быть, отголоскомъ первыхъ фактовъ можетъ служить запрещеніе Азіатскаго Д — та архим. Поликарпу продавать что-либо изъ казенныхъ имѣній, равно и покупать (какъ послѣднее сдѣлано было при архим. Петрѣ). См. Отношеніе Азіатскаго Д — та отъ 6 апр. 1840 г. № 733.

неполученія имъ содержанія для миссіи, въ теченіе болѣе 4-хъ лѣтъ, и вслѣдствіе неотступныхъ требованій у него денегъ членами миссіи. Ремонтировать церкви во вторую половину пребыванія его въ Пекинѣ, ему, очевидно, было не изъ чего, и поддерживать христіанство среди албазинцевъ безъ подачекъ имъ онъ не былъ въ состояніи. Нѣкоторые утверждаютъ (и, кажется, всего ближе къ истинѣ), что высшее духовное начальство строго отнеслось къ о. Іакинѳу и подвергло его наказанію главнымъ образомъ за противленіе власти, выразившееся въ его отказѣ дать какія-либо объясненія на обвиненія его въ разныхъ проступкахъ. При неимѣніи въ Пекинѣ по этому вопросу подлинныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ С. Петербурга, трудно рѣшить дѣло безпристрастно. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что о. Іакинѳъ, при живости своего характера и склонности къ крайнимъ выходкамъ, отчасти самъ виноватъ въ томъ, что навлекъ на себя судъ безъ милости. Непринимая на этотъ разъ во вниманіе его глубокаго знанія китайскаго языка и богатаго запаса свѣдѣній о Китаѣ, св. Синодъ нашелся вынужденнымъ лишить его священнаго сана и послать на заточеніе въ Валаамскій монастырь. Оба члена миссіи, Серафимъ и Аркадій, также подверглись запрещенію въ священнослуженіи, но безъ лишенія сана, церковникъ Яфитскій былъ оставленъ въ Невской Лаврѣ. Студенты миссіи Сипаковъ и Зимайловъ, не менѣе виновные въ своемъ поведеніи, не понесли накакого наказанія, потому что оказались нужными, и были зачислены переводчиками (1) китайскаго и манчжурскаго языковъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ (2).

О жизни о. Іакинѳа на Валаамѣ до насъ не дошло преданій. Подъ строгой эпитиміей онъ долженъ былъ прожить, вѣроятно, около 5 лѣтъ (съ 1822 по

(1) Тимковскій. II, 11 и 2—52; III, 2.
(2) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенскаго монастыря 51 четв. на обор.

1826 годъ) ([1]). Послѣ бойкой и свободной жизни въ Пекинѣ валаамское уединеніе не могло не быть тягостнымъ для живаго и дѣятельнаго о. Іакинѳа, несклоннаго къ строгоподвижнической созерцательной жизни. Очень можетъ быть, что теперь онъ сталъ искать поддержки у сильныхъ міра, или послѣдніе сами вспомнили о немъ. Одинъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ П. Л. Шиллингъ фонъ Канштадтъ, большой любитель восточныхъ языковъ и пріятель архим. Петра ([2]), предложилъ о. Іакинѳа въ 1826 г. Азіатскому Департаменту въ переводчики китайскаго языка съ достаточнымъ жалованьемъ. Вызванный въ Петербургъ, онъ былъ помѣщенъ на жительство въ Невскую Лавру и причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ ([3]). Вскорѣ среди петербургскаго высшаго общества и внѣ столицы ([4]) о. Іакинѳъ нашелъ себѣ много хорошихъ знакомыхъ и благожелателей, слѣдившихъ съ интересомъ за его ученою дѣятельностію. На это указываютъ посвященіе, сдѣланное имъ къ одному изъ первыхъ своихъ сочиненій о Тибетѣ (1828 г.) и изданіе книги Китай (1840 г.) ([5]). Особенно сильную поддержку себѣ о. Іакинѳъ нашелъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее цѣнило его, какъ глубокаго знатока китайскаго языка и его литературы, какъ синолога, которому не было тогда равнаго въ Россіи.

I. Н. А.

(Продолженіе будетъ).

([1]) Пановъ. Op. laudat., стр. 37. Первое сочиненіе о. Іакинѳа явилось въ свѣтъ въ 1827 г. Филаретъ Чернигов. Обзоръ русск. дух. литер. Спб. 1861 г. кн. 2, стр. 191.

([2]) Послѣднему баронъ подарилъ при отъѣздѣ въ Пекинъ въ 1819 г. исторію государства россійскаго Карамзина, перешедшую въ библіотеку миссіи.

([3]) О. Даніилъ. Описаніе Срѣтенск. монаст. 51 четв. на обор.

([4]) Статист. описаніе кит. имперіи, II, 321.

([5]) Ср. В. П. Васильевъ. Исторія и древности восточной части средней Азіи, стр. 3.

ОТЕЦЪ ІАКИНѲЪ БИЧУРИНЪ (*).

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

XIII.

Характеристика ученой дѣятельности о. Іакинѳа въ С.-Петербургѣ.

Съ поступленіемъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ начинается четвертый самый блестящій періодъ въ жизни о. Іакинѳа, время обработки и изданія имъ въ свѣтъ многочисленныхъ и разнообразныхъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пекинѣ. Этотъ періодъ, по собственнымъ словамъ его (1), обнимаетъ 25 (вѣрнѣе 26) лѣтъ, до 11 мая 1853 г.—дня смерти нашего синолога. Его произведенія пролили не мало свѣта на темную для насъ исторію Китая и составили эпоху въ наукѣ. Онѣ и до настоящаго времени сохраняютъ свое авторитетное значеніе, служа часто, наравнѣ съ первоисточниками, необходимыми пособіями при обсужденіи нашими историками монгольскаго періода русской исторіи (2), равно какъ при изслѣдованіи европейскими учеными вопросовъ по исторіи крайняго востока (3). Поэтому о. Іакинѳа можно по-

(*) См. Прав. Собес. 1886 г. май.

(1) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи. Спб. 1851 г., ч. 1, стр. 1.

(2) К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Спб. 1872, т. 1, стр. 269 и слѣд.

(3) Напр. барономъ D'Ohsson'омъ, Histoire des Mongols depuis Tchingis-Khan jusqu'à Timour Beg au Tamerlan. Haye et Amsterdam 1834/5, t. I—IV. Въ первыхъ двухъ томахъ этого сочиненія находится много ссылокъ на произведенія о. Іакинѳа: «Записки о Монголіи» и «Исторію первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова». Ср. также H. Cordier, Bibliotheca Sinica, Paris. 1881. t. I, p. 54. 56. 125. 674. 700. 768.

ставить на ряду съ знаменитыми учеными синологами того и настоящаго времени ([1]). Въ виду этого, современный, не менѣе о. Іакинѳа знаменитый синологъ, проф. В. П. Васильевъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Китая ([2]), считалъ дерзостью разбирать въ сочиненіяхъ о. Іакинѳа недостатки, „неизбѣжные во всякомъ изданіи о предметахъ, въ которыхъ не только публика, но даже и ученый свѣтъ принимаютъ такъ мало участія". Впрочемъ Васильевъ на слѣдующей же страницѣ говоритъ о крайней спеціальности сочиненій о. Іакинѳа и объ отсутствіи въ его произведеніяхъ картинности и схематическаго изложенія исторіи Китая, отчего сочиненія его, не лишаясь внутренняго достоинства, немало теряли во внѣшней привлекательности. Профессоръ восточныхъ языковъ въ Парижѣ Клапротъ, находившійся при россійскомъ посольствѣ графа Головкина и знавшій лично о. Іакинѳа ([3]), указывалъ на крайнюю довѣрчивость о. Іакинѳа къ ошибочнымъ часто показаніямъ китайскихъ источниковъ ([4]), а академикъ Шмидтъ даже прямо находилъ у о. Іакинѳа недостатокъ критики и отсутствіе европейско-ученаго образованія ([5]). Чуждый ученаго самомнѣнія, нашъ синологъ сознавалъ свои ошибки и старался исправлять ихъ ([6]). Отдавая полную дань уваженія русскому синологу, проф. Клапротъ признавалъ, что о. Іакинѳъ одинъ сдѣлалъ столько, сколько едва-ли въ силахъ было сдѣлать цѣлое общество ([7]). Съ такимъ же вниманіемъ и почтеніемъ отнеслись къ тру-

---

([1]) Иркутскія епарх. вѣдом. 1872 г. № 23, стр. 286.

([2]) Васильевъ. Исторія и древности восточной части Средней Азіи, СПб. 1857 г., стр. 1.

([3]) Тимковск. II, 225.

([4]) Nouveau journal asiatique, t. VI, p. 4. 8. 14.

([5]) О новомъ переводѣ монгольской надписи на извѣстномъ памятникѣ Чингисхана. Отеч. Зап. 1832 г., т. VII, стр. 29.

([6]) Записки о Монголіи, I, V. Монгольск. надпись временъ Мönкэ хана. Спб. 1846 г., стр. 15.

([7]) Андреева, Народы—старцы, Спб. 1874, стр. 88.

дамъ его нѣмцы, французы и англичане, переведшіе на свои языки нѣкоторыя изъ его произведеній ([1]).

О. Іакинѳъ быстро переработывалъ заготовленные имъ въ Пекинѣ переводы и писалъ новыя сочиненія, такъ что цензоры не успѣвали заканчивать одно произведеніе, какъ онъ имъ представлялъ слѣдующее. Сочиненія его были на столько содержательны, что цензорамъ, которыхъ въ 25-лѣтній періодъ дѣятельности о. Іакинѳа перемѣнилось до 10 человѣкъ, не всегда легко было справляться съ толстыми тетрадями трудовъ о. Іакинѳа. Но послѣ просмотра цензуры эти произведенія его иногда лежали по нѣскольку лѣтъ безъ движенія за неимѣніемъ у автора собственныхъ средствъ къ напечатанію ихъ ([2]). Къ счастію, онъ скоро находилъ поддержку въ симпатизировавшихъ ему лицахъ высшаго слоя общества и особенно въ Азіатскомъ Департаментѣ, а также въ Академіи Наукъ и редакціяхъ разныхъ русскихъ журналовъ. Въ чувствѣ благодарности за такую гуманную поддержку, о. Іакинѳъ свое сочиненіе о Тибетѣ посвятилъ княгинѣ З. А. Волконской, урожденной Бѣлосельской—Бѣлозерской, игравшей при императорѣ Александрѣ I большую роль ([3]). На книгѣ: „Китай, его жизнь, нравы, обычаи, просвѣщеніе" (1840 г.) онъ не написалъ имени автора, а вмѣсто его указалъ на издательницу, г-жу Мицикову. Но особенно благодаренъ былъ о. Іакинѳъ къ Азіатскому Департаменту

([1]) J. Dudgeon. Historical sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China, Peking 1872 p. 55 46. 21. S. Pauthier et Barin. Chine moderne, Paris 1853, p. 668. H. Cordier. Bibliotheca Sinica, p. 125. Объ англійскихъ переводахъ мы слышали отъ хорошаго библіофила А. А. Бѣлоголоваго.

([2]) Такъ «Исторія Тибета и Хухунора, представленная въ Академію Наукъ и одобренная секретаремъ ея П. Фусомъ 3 февр. 1830 г., могла быть напечатана лишь въ 1833 г. Сочиненіе «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи», представленное въ цензуру и разрѣшенное къ напечатанію 30 нояб. 1845 г., было издано только въ 1848 г.

([3]) Сборникъ русскаго историч. общества, Спб. 1868 г., т. 3, стр. 310, 315.

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Во введеніи къ своей грамматикѣ (1835 г.) онъ заявилъ, что А. Д-тъ, ревностно споспѣшествовавшій распространенію въ нашемъ отечествѣ восточной словесности и полезныхъ свѣдѣній объ Азіи, обратилъ на 7 первыхъ произведеній о. Іакинѳа Всемилостивѣйшее Монаршее вниманіе, поощрительное для занимающихся наукою. Эти произведенія, по словамъ автора, не были бы изданы въ свѣтъ безъ пособія со стороны правительства ([1]). Тоже самое высказалъ о. Іакинѳъ въ отношеніи къ Императорской Академіи наукъ. Во введеніи къ своему сочиненію: „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи“ ([2]) онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе по окончаніи прочихъ трудовъ привести это произведеніе въ историческій порядокъ и издать въ свѣтъ: такъ какъ для этого требовались издержки выше его силъ, то онъ обратился къ Академіи наукъ съ предложеніемъ принять этотъ трудъ подъ свое покровительство. Послѣдняя благосклонно обратила вниманіе на предложеніе о. Іакинѳа и дала программу, съ которою ему слѣдовало сообразоваться. По представленіи труда, Академія увѣнчала его Демидовскою преміею и отпечатала на свой счетъ.

Труды о. Іакинѳа коснулись исторіи, географіи и всѣхъ сторонъ быта китайцевъ и сосѣднихъ съ Китаемъ народовъ. Они въ большинствѣ представляютъ переводы или извлеченія изъ китайскихъ сочиненій, въ меньшинствѣ оригинальныя и самостоятельныя произведенія. Во введеніи къ статистическому описанію китайской имперіи нашъ синологъ объясняетъ планъ, какому онъ слѣдовалъ при своихъ работахъ. „Цѣль всѣхъ, доселѣ изданныхъ мною разныхъ переводовъ и сочиненій, говоритъ онъ, въ томъ состояла,

---

([1]) Китайская грамматика. Спб. 1835 г. стр. XIX. Департаментъ же безденежно выслалъ въ Пекинскую миссію напечатанныя потомъ сочиненія о. Іакинѳа: Описаніе Тибета, Записки о Монголіи, Исторію четырехъ хановъ и Троесловіе. См. замѣтку о. Аввакума въ документахъ миссіи, стр. 82.

([2]) Предувѣдомл., стр. I—II.

чтобы предварительно сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, чрезъ которыя лежатъ пути, ведущіе во внутренность Китая. Порядокъ требовалъ прежде осмотрѣть Тибетъ, Тюркистанъ и Монголію, т. е. тѣ страны, которыя издавна находятся въ тѣсныхъ связяхъ съ Китаемъ и чрезъ которыя самый Китай имѣетъ связи съ Индіею, Среднею Азіею и Россіею. Надлежало прежде обозрѣть географическое положеніе и политическое состояніе помянутыхъ странъ, и отсюда вывести политическіе виды Китая на оныя" (¹). Впрочемъ о. Іакинѳъ не вполнѣ строго держался намѣченнаго плана и отступалъ отъ него по требованію обстоятельствъ.

XIV.

Анализъ первой серіи сочиненій о. Іакинѳа.

Хронологическій порядокъ этой серіи сочиненій о. Іакинѳа былъ слѣдующій:

Первымъ по времени печатнымъ произведеніемъ нашего синолога указано въ „Обзорѣ русской духовной литературы":—„Отвѣты на вопросы о Китаѣ", Спб. 1827 г. (²). Это была небольшая брошюрка, страницъ въ 46, вошедшая потомъ въ качествѣ IX главы въ книгу о. Іакинѳа „Китай" (1840 г), которая представляетъ сборникъ его журнальныхъ статей (³). Здѣсь эта брошюра носитъ такое заглавіе: „Поясненіе отвѣтовъ г. Крузенштерна на вопросы, предложенные ему г. Вирстомъ касательно Китая". Г. Крузенштернъ предъ своимъ отправленіемъ въ путешествіе кругомъ свѣта получилъ отъ г. Вирста 27 вопросовъ, относящихся до Китая. Кратковременное пребываніе славнаго нашего мореплавателя въ Кантонѣ, безъ знанія китайскаго языка, не дозволило ему пріобрѣсть столько свѣдѣній о Китаѣ, чтобы онъ самъ по себѣ могъ соста-

(¹) Предисловіе, стр. III—IV.
(²) Филаретъ Черниг. Обзоръ русск. дух. литер., кн. 2, стр. 191.
(³) Стр. 332—378.

вить удовлетворительные отвѣты, и, вѣроятно, воспользовался для сего показаніемъ англичанъ, живущихъ подъ Кантономъ по торговымъ своимъ дѣламъ. Эти-то показанія г. Крузенштернъ помѣстилъ въ своемъ Путешествіи вокругъ свѣта. Но краткость, а болѣе неточность отвѣтовъ ясно показываютъ, что члены англійской факторіи въ Китаѣ мало имѣли свѣдѣній о внутреннемъ состояніи Китая. Многіе изъ вопросовъ г. Вирста не относятся къ статистикѣ Китая, между тѣмъ правильные отвѣты на нихъ могутъ прояснить весьма многое относительно частнаго быта китайцевъ. Вотъ единственная причина, которая, по объясненію о. Іакинѳа, побудила его взять на себя трудъ исправить и пояснить самые отвѣты г. Крузенштерна на данные ему вопросы. Далѣе слѣдуютъ 27 вопросовъ съ отвѣтами подъ каждымъ изъ нихъ: о процентахъ въ Китаѣ, о рабствѣ, о китайскихъ богачахъ, векселяхъ, мастеровыхъ, портахъ, почтахъ, дворянствѣ, фабрикахъ, мѣрахъ и вѣсахъ, банкротахъ, торговлѣ, процентахъ, бухгалтеріи, маклерахъ, перевозкѣ товаровъ, государственныхъ доходахъ, умерщвленій дѣтей и т. п. На этотъ калейдоскопъ вопросовъ о. Іакинѳъ далъ разнообразные отвѣты, показавшіе разносторонность и глубину его свѣдѣній о Китаѣ.

После этой, такъ сказать, пробы пера явилось въ свѣтъ второе произведеніе нашего синолога: „Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи" (Спб. 1828, XXVI, 223). Оно было разрѣшено къ печати цензоромъ А. Бируковымъ еще 29 апрѣля 1826 г. Это сочиненіе, какъ замѣчено выше, посвящено въ качествѣ усерднѣйшаго приношенія автора „Ея Сіятельству, княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской, урожденной княжнѣ Бѣлосельской—Бѣлозерской", и составляетъ переводъ сочиненія одного гражданскаго китайскаго чиновника, бывшаго въ Тибетѣ (1) по дѣламъ своей должности въ 1786 г. О. Іакинѳъ сдѣлалъ мало-

(1) В. П. Васильевъ. Очеркъ исторіи китайск. литературы, 1880 г., стр. 134.

значущія перемѣны въ самомъ расположеніи сочиненія. Мѣста, гдѣ встрѣчались или вещи малоизвѣстныя, или слова малопонятныя, онъ старался пояснить собственными примѣчаніями. Къ любопытнѣйшимъ статьямъ нашъ переводчикъ сдѣлалъ даже небольшія пополненія въ выноскахъ. Все, прибавленное о. Іакинѳомъ, онъ почерпнулъ изъ вѣрныхъ историческихъ источниковъ, или заимствовалъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему Тибетцами, которые пріѣзжали въ Пекинъ при своихъ посольствахъ, или Китайцами, которые жили въ Тибетѣ. Вмѣсто четырехъ отдѣленій, изъ которыхъ состоялъ подлинникъ, о. Іакинѳъ счелъ за лучшее раздѣлить свой переводъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой изложилъ все путешествіе сочинителя по Тибету, съ подробнымъ показаніемъ станцій, обозначенныхъ и на приложенной къ переводу картѣ; а во второй помѣстилъ статистическое описаніе китайцемъ—авторомъ Тибета. Въ виду краткости и неполноты свѣдѣній, сообщенныхъ послѣднимъ, о. Іакинѳъ высказалъ, что надѣется современемъ сообщить публикѣ болѣе подробную исторію Тибета, извлеченную изъ китайскихъ лѣтописей ([1]). Свое обѣщаніе онъ честно выполнилъ, какъ увидимъ скоро. Сочиненіе о Тибетѣ было переведено на французскій языкъ ([2]).

Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ о. Іакинѳъ выпустилъ въ свѣтъ въ томъ же 1828 году свои двухтомныя „Записки о Монголіи“ съ приложеніемъ карты Монголіи и разныхъ костюмовъ (Спб. 1828, XII, 230; VI, 339). Это сочиненіе было одобрено къ печати цензоромъ В. Анастасевичемъ ([3]), 20 декабря 1827 г. Въ Германіи и Франціи оно впослѣд-

([1]) Предувѣдомл. переводчика, стр. IX—XIII.

([2]) Dudgeon, Historical sketch, p. 46. Nouveau Journal asiatique 1829, t. IV, p. 81. 241 sq. Этотъ переводъ вышелъ въ свѣтъ въ 1831 г. См. замѣтку въ хронологич. каталогѣ пекинск. миссіи отъ 1841 г., стр. 127 наобор.

([3]) Онъ находился въ перепискѣ съ преосв. Евгеніемъ Болховитиновымъ. Русск. Вѣстн. 1885 г. май, стр. 167. 174.

ствіи было переведено на нѣмецкій и французскій языки ([1]). Записки о. Іакинѳа, какъ выше замѣчено, были ведены имъ въ качествѣ дневника при первомъ его путешествіи чрезъ Монголію. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Пекинѣ, онъ нашелъ въ нихъ много погрѣшностей, почему принужденъ былъ исключить изъ своего произведенія замѣчанія, основанныя на извѣстіяхъ не совсѣмъ вѣрныхъ, или на предположеніяхъ слишкомъ смѣлыхъ, и откинуть тѣ поверхностныя заключенія, которыя сдѣлалъ, разсматривая предметъ не съ той стороны, или судя о немъ по предубѣжденію. Отъ этихъ перемѣнъ дневникъ его, по собственному его сознанію, сдѣлался очень однообразнымъ и скучнымъ. Въ продолженіе послѣднихъ 8 лѣтъ пребыванія въ Пекинѣ о. Іакинѳъ пріобрѣлъ о Монголіи довольно свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ частію изъ китайской исторіи, частію изъ обращенія съ коренными жителями той страны. Это побудило его совершенно оставить прежній его дневникъ, а вмѣсто его, по возвращеніи въ Россію, изложить свѣдѣнія въ видѣ краткихъ записокъ о Монголіи, со включеніемъ въ нихъ и его путешествія чрезъ эту страну при возвращеніи изъ Пекина въ Кяхту въ 1821 г.

Все сочиненіе въ отношеніи къ главнымъ его предметамъ авторъ раздѣлилъ на 4 части. Въ 1-й помѣщенъ дневникъ поѣздки девятой миссіи отъ Пекина до россійской границы, гдѣ о. Іакинѳъ ведетъ за собой читателя отъ станціи до станціи, описывая дорогу и достопримѣчательности, встрѣчавшіяся на пути, но избѣгая общихъ замѣчаній на всю страну, хотя послѣднее могло бы сдѣлать дневникъ болѣе занимательнымъ. Авторъ нашелъ наиболѣе удобнымъ соединить всѣ статистическія свѣдѣнія во 2-й части. Часть 3-я содержитъ краткое историческое обозрѣніе монгольскаго народа. Этотъ отдѣлъ потребовалъ у автора большаго труда: ему привелось прежде составить пространную исторію монголовъ, чтобы получивъ

([1]) Dudgeon. Historical sketch, p. 46.

ясное и полное свѣдѣніе объ исторической судьбѣ ихъ, основательнѣе изложить ее въ сокращенномъ видѣ. Четвертую часть составляетъ монгольское уложеніе, по которому Китай управлялъ этимъ народомъ. Оно извлечено изъ уложенія китайской палаты внѣшнихъ сношеній, изданнаго въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ 1820 г. это уложеніе было вновь опубликовало безъ перемѣны коренныхъ основаній прежняго изданія, а въ 1828 году переведено съ маньчжурскаго на русскій языкъ бывшимъ студентомъ осьмой миссіи С. Липовцевымъ ([1]).

Четвертымъ произведеніемъ о. Іакинѳа, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1829 г., является „Описаніе Чжуньгаріи и восточнаго Туркестана въ древнѣйшемъ и нынѣшнемъ его состояніи“ (ч. 1 и 2, XLVI, 270). Оно было процензуровано статскимъ совѣтникомъ Анастасевичемъ, датировавшимъ разрѣшеніе цензуры 20 апр. 1828 г. Къ сочиненію приложено четыре раскрашенныхъ рисунка. Чжуньгарія и восточный Туркестанъ въ китайскомъ подлинникѣ названы общимъ именемъ— западный край (Си-юй-чжуань). Въ обширномъ смыслѣ подъ этимъ именемъ разумѣются всѣ владѣнія на западъ отъ Китая до морей Каспійскаго и Средиземнаго, а въ тѣсномъ—Чжуньгарія и восточный Туркестанъ. Въ переводѣ о. Іакинѳа западный край понимается въ послѣднемъ смыслѣ. Первую часть сочиненія составляетъ повѣствованіе о западномъ краѣ, извлеченное изъ исторіи старшей династіи Хань (Цянь-хань-шу), оканчивающейся 20-мъ годомъ по Р. Х. ([2]). Вторая часть есть описаніе западнаго края (Си-юй-вынь-цзянь-

---

([1]) Записки о Монголіи, т. I, ч. I, предувѣдом., стр. V—VIII. Историческое обозрѣніе Ойратовъ, стр. 138. С. Липовцевъ Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній, (Спб. 1828, т. 1 и 2, XVIII, 362 и 317). Въ предисловіи (стр. VII) г. Липовцевъ поставилъ сочиненіе о. Іакинѳа о Монголіи на ряду съ описаніями путешествій Муравьева, барона Мейендорфа и Тимковскаго, принятыхъ съ особеннымъ удовольствіемъ какъ соотечественниками, такъ и иностранцами, и принесшихъ честь россіянамъ, которые отличились и на этомъ поприщѣ. Ср. стр. XII.

([2]) Васильевъ, Очеркъ исторіи китайск. литературы, стр. 126.

лу), сочиненное однимъ манчжурскимъ чиновникомъ, жившимъ въ Туркестанѣ по должности, и изданное въ свѣтъ въ 1773 г., т. е. вскорѣ по послѣднемъ покореніи этой страны китайцами въ 1758 г. Въ обѣихъ частяхъ мимоходомъ упоминается и о прочихъ владѣніяхъ, лежащихъ далѣе къ западу отъ Чжуньгаріи и восточнаго Туркестана. Для яснаго распознанія топографическаго положенія древнихъ владѣній Китая, о. Іакинѳъ приложилъ извлеченное изъ государственной китайской географіи объясненіе древнихъ мѣстъ, гдѣ еще за 20 вѣковъ китайцами были ясно обозначены мѣстоположеніе и смежность владѣній. Для него остались неизвѣстными однѣ тогдашнія политическія границы, которыя, по причинѣ измѣненія, произведеннаго завоеваніями и раздѣленіями, не могли быть постоянными ([1]).

Пятымъ трудомъ о. Іакинѳа явилось въ 1829-мъ году „Описаніе Пекина" (IV, 130), допущенное къ печати цензоромъ В. Анастасевичемъ 25 сент. 1828 г. Это сочиненіе, переведенное на французскій и нѣмецкій языки ([2]), представляетъ съ своей стороны переводъ китайскаго подлинника, изданнаго въ 1788 г., но переводъ, провѣренный о. Іакинѳомъ, который приложилъ къ нему планъ Пекина, снятый имъ заново и со всевозможною тщательностію составленный въ 1817 г. Католическіе миссіонеры сняли впервые планъ Пекина и окрестностей его еще въ 1705 г. По желанію императора Канси, надъ этимъ трудомъ работали іезуиты Тома, Бувэ, Режисъ и Пареннёнъ и выполнили его въ 70 дней ([3]). О. Іакинѳъ работалъ одинъ и посвятилъ на свой трудъ цѣлый годъ, при чемъ измѣрилъ окружность всего Пекина, опредѣливъ ее въ 58 китайскихъ ли или 31 версту 222 сажени, и исходилъ

([1]) Предисл. отъ переводчика, стр. III—VII.

([2]) Cordier, Bibliotheca Sinica, t. 1; p. 125. Dudgeon, Historical sketch, p. 46.

([3]) Lettres édifiantes et curieuses, par Aimé Martin, Paris 1848, t. III, p. 157.

лично всѣ улицы и переулки. „Безъ сомнѣнія, пріятно будетъ каждому видѣть картину китайской столицы, писалъ о. Іакинѳъ въ предисловіи, столицы такъ извѣстной по слухамъ и описаніямъ путешественниковъ. Эта мысль, во все время моего пребыванія въ Пекинѣ, дѣлала меня внимательнымъ ко всѣмъ особенно достопримѣчательнымъ предметамъ сей столицы. Таже мысль была для меня побужденіемъ составить планъ и присовокупить къ нему описаніе онаго. Долговременное мое пребываніе въ Пекинѣ послужило мнѣ къ тому только, что я, бывъ самовидцемъ сего города, могъ сдѣлать точный переводъ и по собственнымъ замѣчаніямъ пополнить неясныя мѣста подлинника“ ([1]).

Шестымъ крупнымъ произведеніемъ о. Іакинѳа явилась въ томъ же 1829 г. „Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова“ (XVI, 440), выпущенная изъ цензуры Анастасевичемъ 12 окт. 1828 г. Она представляетъ извлеченіе изъ двухъ китайскихъ сочиненій, именно изъ собственной исторіи Чингисова дома (Юань-ми-ши) неизвѣстнаго автора ([2]) и изъ китайской всеобщей исторіи въ 8 томахъ, называемой Тунъ-цзянь-гань-му (или сокращенно Ганъ-му), произведенія знаменитаго Чжу-цзы'я, жившаго въ XII вѣкѣ ([3]). Первая, описывающая происхожденіе монгольскаго дома и оканчивающаяся 1231 г., послужила основаніемъ означеннаго сочиненія, а изъ второй нашимъ синологомъ заимствованы нѣкоторыя подробности къ объясненію того, что́ сказано уже въ первой ([4]). Сочиненіе заканчивается 1259-мъ годомъ.

([1]) Описаніе Пекина. Предувѣдомл., стр. I—IV.

([2]) Есть сочиненіе «Юань-ши», излагающее кратко дѣянія Чингиса. Ошибочностію своею оно уступаетъ Юань-ми-ши. О. Іакинѳу не могли не быть извѣстными грубость слога перваго сочиненія (Юань-ши), умолчаніе многихъ фактовъ изъ жизни Чингиса, или превратное изложеніе ихъ, разложеніе одного факта на два (повтореніе) и т. п. Изъ замѣтокъ о. Палладія.

([3]) Васильевъ, Очеркъ..., стр. 130. Тимковскій. II, 381.

([4]) Предислов. стр. III—IV.

Въ концѣ приложено „Показаніе древнихъ именъ и названій", исправленное въ историческомъ словарѣ династіи „Юань", и „Объясненіе древнихъ и новѣйшихъ названій мѣстъ, помѣщенныхъ въ этой исторіи". Къ сочиненію приложена большая карта для поясненія походовъ Чингисхана.

Разобранныя выше произведенія о. Іакинѳа возбудили большой интересъ не въ одномъ нашемъ отечествѣ, но и въ западной литературѣ. Кромѣ перевода на французскій и нѣмецкій языки, они вызвали обсужденія въ ученыхъ обществахъ, какъ напр. азіатскомъ въ Парижѣ (1), и журнальную критику, особенно проф. Клапрота. Послѣдній много разъ давалъ отчеты въ засѣданіяхъ азіатскаго общества по поводу выходившихъ въ свѣтъ произведеній о. Іакинѳа (2), и кажется перевелъ на французскій языкъ его Записки о Монголіи. Другое сочиненіе, о Тибетѣ, было переведено на франц. діалектъ неизвѣстнымъ лицомъ. Проф. Клапротъ не оставилъ этого сочиненія безъ солидныхъ критическихъ замѣчаній. Послѣднія состояли въ указаніи на неточный или слишкомъ буквальный переводъ о. Іакинѳомъ нѣкоторыхъ китайскихъ іероглифовъ. Эта неточность произошла отъ незнанія о. Іакинѳомъ тибетскаго языка (3). Въ отчетѣ объ описаніи и планѣ Пекина, изданномъ о. Іакинѳомъ, г. Эйріс (Eyries) (4) указалъ на предшественниковъ нашего синолога въ этой области, начиная съ XVII стол., особенно о трудахъ Сусье (Sousiet) 1729 г. и Гобиля 1752 г. Послѣдній послалъ даже въ Россію копію своего описанія Пекина, которая была переведена по русски Штриттеромъ (Stritter) и напечатана въ альманахѣ Академіи Наукъ 1781 г. Затѣмъ

---

(1) Nouveau Journal asiatique, t. IV, p. 397. Въ этомъ журналѣ публиковалось о выходѣ въ свѣтъ произведеній о. Іакиноа (Mai 1830, № 29 bis p. 68. 66.).

(2) Nouveu Journal asiatique, t. VI. p. 3.

(3) Ibid. t. IV p. 81 sqq. 241 sqq.

(4) Ibid. t. IV. p. 356 sqq.

въ означенномъ отчетѣ указанъ подлинникъ, бывшій подъ руками у о. Іакинѳа, съ котораго онъ сдѣлалъ свой переводъ, замѣчено, что изъ 1080 страницъ этого подлинника нашъ синологъ извлекъ лишь одну шестую часть—183 параграфа или отдѣла ([1]). Для докладчика отчета о произведеніи нашего синолога казалось страннымъ, что онъ, проживъ почти 14 лѣтъ въ Пекинѣ, не далъ въ своемъ описаніи общей картины этой столицы ([2]) и ограничился простымъ извлеченіемъ изъ китайскаго оригинала. Въ концѣ доклада указано нѣсколько ошибокъ въ переводѣ на планѣ (напр. вмѣсто „сада" переведено „озеро").

Въ слѣдующемъ своемъ отчетѣ о двухъ сочиненіяхъ о. Іакинѳа—Запискахъ о Монголіи и его Исторіи первыхъ четырехъ хановъ, проф. Клапротъ въ 1830 г. ([3]) указалъ на предшественниковъ о. Іакинѳа въ этой области, католическихъ миссіонеровъ Виделу, Гобиля, Дегиля и Майля, которыхъ о. Іакинѳъ имѣлъ подъ руками при своихъ изслѣдованіяхъ ([4]). Клапроту казалось, что послѣ трудовъ означенныхъ ученыхъ въ двухъ указанныхъ сочиненіяхъ о. Іакинѳа нѣтъ богатой жатвы новыхъ фактовъ; напротивъ, при всей тщательности и точности въ переводѣ, замѣчается отсутствіе критики, отчего имъ допущено не мало ошибокъ въ означенныхъ произведеніяхъ ([5]). Эти

([1]) Это скорѣе нужно отнести къ достоинству переводчика, съумѣвшаго разобраться въ китайскомъ хламѣ и выбравшаго существенное.

([2]) Этотъ недостатокъ о. Іакинѳъ восполнилъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ о Китаѣ (изд. 1840 и 1848 г). По его мнѣнію, свидѣтельство кореннаго жителя въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, должно заслуживать большую довѣренность предъ свидѣтельствомъ временнаго иноземнаго пришельца (Описаніе Пекина, стр. II).

([3]) Nouveau Journal asiatique, t. VI, p. 3 sq.

([4]) На это указываетъ и самъ о. Іакинѳъ въ своемъ Статистич. описаніи китайск. имперіи, ч. 1, стр. V; ч. II, стр. 169.

([5]) Въ этихъ ошибкахъ сознавался послѣ и самъ авторъ сочиненій, подвергшихся критикѣ. См. Статист. опис. китайск. имп. II, 172. Ср. замѣчанія проф. Васильева въ его статьѣ Объ отношеніи китайскаго языка

ошибки, по мнѣнію Клапрота, вкрались именно отъ слишкомъ слѣпаго довѣрія нашего синолога къ испорченному китайскому оригиналу, изданному въ 1763 г., при императорѣ Цянь-лунѣ (1736—1796), историческимъ комитетомъ изъ монгольскихъ ламъ и китайскихъ ученыхъ. Эти мудрецы произвели путаницу въ исторіи произвольнымъ возстановленіемъ иноземныхъ собственныхъ названій ([1]). Указавъ причину ошибокъ, Клапротъ въ заключеніи отдалъ честь усердію о. Іакинѳа, тщательности и точности его перевода. Съ своей стороны, послѣдній не преминулъ указать и на ошибки Клапрота ([2]), какъ и Эйріе ([3]), и исправлялъ показанія проф. Фишера въ его сибирской исторіи ([4]).

Седьмымъ трудомъ о. Іакинѳа былъ переводъ „Троесловія“ (Сань-цзы-цзинь) ([5]), съ литографированнымъ китайскимъ текстомъ en-regard (Спб. 1829 г., in 4°, 82 стр.) Этотъ трудъ былъ одобренъ цензоромъ О. Сеньковскимъ 5 марта 1829 г. Троесловіе или священная книга, состоящая изъ фразъ въ три іероглифа, есть краткая дѣтская энциклопедія, сочиненная китайскимъ ученымъ Ванъ-бо-хэу, который жилъ въ концѣ династіи Сунъ (въ XIII стол). Китайскій авторъ, начавъ поясненіемъ пяти стихій и четырехъ временъ года, въ обращеніи неба, говоритъ далѣе о трехъ связяхъ и пяти добродѣтеляхъ въ человѣче-

---

къ среднеазіатскимъ. Отд. брошюра изъ Журн. М—ва. Нар Пр., стр. 115 и 118.

([1]) Архим. Палладій. Дорожныя замѣтки, Спб. 1872 г., стр. 59.

([2]) Записки о Монголіи 1, 225. 226. Статистич. описаніе китайской имперіи 1, XXII. Ср. Ковалевск. 1, 122.

([3]) Китай, изд. 1840 г., стр. 394.

([4]) Историч. обозрѣніе Ойратовъ, стр. 29. 53. 142.

([5]) Cordier, t. 1, p. 674. Предшественникомъ его въ этомъ переводѣ былъ студентъ четвертой миссіи А. Леонтьевъ, переведшій Троесловіе безъ китайскаго текста и тяжелымъ языкомъ въ 1779 г. (Спб. in 8°).

скихъ поступкахъ и со всею полнотою излагаетъ порядокъ династій, слѣдовавшихъ одна за другою, происхожденіе священныхъ китайскихъ книгъ и исторіи, способы къ воспитанію юношества, постепенность въ высшихъ успѣхахъ, изящныя правила, достойныя вниманія, и наконецъ представляетъ похвальные примѣры, достойные подраженія. Слогъ въ китайскомъ сочиненіи кратокъ, но смыслъ содержателенъ; выраженія просты, но мысли глубоки. По мнѣнію о. Іакинѳа, эта книжка заслуживала того, чтобы ее изучало юношество, такъ какъ въ ней изложены всѣ философскія умозрѣнія китайцевъ съ объясненіемъ для европейцевъ китайскихъ понятій и выраженій. Переводчикъ при этомъ рекомендовалъ ее въ качествѣ руководства къ чтенію переводовъ съ китайскаго языка, для чего она и была издана. Что касается китайскаго текста, то буквы въ книгѣ были вылитографированы такъ чисто и правильно, что, по мнѣнію о. Іакинѳа, ни мало не уступали стереотипу пекинской придворной типографіи. Этимъ нашъ синологъ былъ одолженъ изобрѣтательному уму его благожелателя, барона П. Л. Шиллинга фонъ Каппітата (См. предисл. къ Троесловію).

Въ осьмомъ произведеніи (въ 2-хъ частяхъ) о. Іакинѳъ разсмотрѣлъ исторію Тибета и Хухунора съ 2282 г. до Р. Х. и до 1227 г. по Р. Х. (1) (Спб. 1833, XXXI, 258; IX, 259). Къ этому сочиненію онъ приложилъ карту на разные періоды этой исторіи и двѣ виньетки, изображащія дворецъ и храмъ въ Хлассѣ, столицѣ Тибета. Новая книга была напечатана съ одобренія Императорской Академіи Наукъ и носитъ подпись непремѣннаго секретаря Академіи, П. Фуса (отъ 3 февр. 1830 г.). Это сочиненіе извлечено

(1) Въ связи съ этимъ произведеніемъ можетъ быть поставленъ «Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ», іерод. Иларіона (члена 13-й миссіи). Этотъ очеркъ помѣщенъ во 2-мъ томѣ Трудовъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, Спб. 1853 г., стр. 415—491.

о. Іакинѳомъ изъ прибавленій о заграничныхъ народахъ, прибавленій, которыя помѣщены въ полномъ собраніи отдѣльныхъ исторій на каждую китайскую династію (Нянь-сань-ши) и находятся во всеобщей исторіи Китая (Тунъ-цзянь-чань-му). Чего не было въ первыхъ, дополнено изъ послѣдней [1]. Желая передать ученому свѣту точный текстъ подлинника, о. Іакинѳъ, по собственнымъ словамъ, не смѣлъ дѣлать прибавленій къ нему, ни даже измѣненій въ словахъ, хотя это, по его замѣчанію, было необходимо, какъ для связи въ происшествіяхъ, такъ и для плавности рѣчи. Происшествія въ китайскомъ подлинникѣ вообще описаны слогомъ краткимъ. Доклады, указы и названія достоинствъ и чиновъ, жалованныхъ отъ китайскаго двора иностраннымъ владѣтелямъ, наводятъ скуку на читателя, по сознанію переводчика. Но эта скучная исторія составляетъ драгоцѣнный памятникъ глубокой древности, потому что восходитъ къ началу древнихъ народовъ. Къ возвышенію ея достоинства нашъ синологъ прибавляетъ замѣчаніе, что китайскіе историки, при описаніи сосѣднихъ народовъ, имѣвшихъ непосредственныя связи съ Китаемъ, основывались на фактахъ, которые были записаны во время самыхъ событій.

Переводъ исторіи, восходящей къ самой глубокой древности, требовалъ отъ переводчика строгой отчетливости. Въ случаѣ ссылокъ, небольшое прибавленіе или измѣненіе могли подать поводъ къ сомнѣнію или ложнымъ заключеніямъ. Что касается карты, приложенной въ концѣ книги, то она представляетъ

---

(1) По замѣчанію проф. Васильева, о. Іакинѳъ передалъ въ этомъ сочиненіи исторію царства Ся, но оставилъ безъ вниманія исторію Киданей и смѣнившихъ ихъ Маньчжуровъ Чжурчженей, по той вѣроятно причинѣ, что это не было уже дополненіе, а полная самостоятельная исторія, для перевода которой требовалось бы много труда и мѣста. Еще на 15 подобныхъ книгъ едва ли бы онъ нашелъ средства къ изданію (Исторія и древности восточной части Средней Азіи, стр. 3).

только сѣверовосточную часть Тибета съ Хухуноромъ и западные предѣлы Китая, потому что въ этихъ мѣстахъ случилась бо́льшая часть событій, описанныхъ въ этой исторіи. Названія странъ и мѣстъ, встрѣчающіяся въ ней, удержаны древнія, а на картѣ показаны новѣйшія. Желавшихъ знать нынѣшнее положеніе древнихъ мѣстъ переводчикъ отсылаетъ къ алфавитному прибавленію, приложенному въ концѣ книги, по указаніямъ котораго искомыя мѣста легко пріискивать на картѣ. Это прибавленіе было извлечено нашимъ синологомъ изъ землеописанія китайской имперіи (И-тунъ-чжи). Для желавшихъ знать китайское лѣтоисчисленіе, мѣры, вѣсы и монеты, онъ присовокупилъ въ концѣ 2-й части (стр. 165—178) двѣ статьи: о китайскомъ лѣтоисчисленіи и о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ китайцевъ (Предисл. III—V. X. XI).

Девятымъ произведеніемъ о. Іакинѳа явилось въ 1834 г. „Историческое обозрѣніе Ойратовъ или калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени" (253 стр.), процензурованное А. Крыловымъ въ томъ же году и разрѣшенное къ печати 19 сент. 1834 г. При этомъ сочиненіи находится карта Монголіи, съ показаніемъ дороги отъ Пекина до Кяхты (1833 г). Историческое обозрѣніе калмыковъ въ прямомъ смыслѣ представляетъ собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи калмыцкаго народа; поэтому оно не получило отъ автора раздѣленія на періоды и главы. Всѣ событія здѣсь расположены по годамъ, показаннымъ вдвойнѣ. Для избѣжанія затрудненій въ концѣ сочиненія приложены: содержаніе книги, и въ алфавитномъ порядкѣ представлены собственныя имена, вошедшія въ книгу (Предисловіе).

Десятымъ произведеніемъ о. Іакинѳа явилась въ 1835 г. „Китайская грамматика" (in 4°. XXII, 241), напечатанная по Высочайшему повелѣнію. Цензуровалъ ее оріенталистъ Ф. Шармуа, разрѣшивъ къ печати 17 сент. 1834 г. (1). Это произведеніе назнача-

(1) Cordier (Bibliotheca sinica t. 1, p. 768) напрасно упрекаетъ

лось для вновь открытаго въ 1831 г. училища китайскаго языка въ Кяхтѣ ([1]). Авторъ снабдилъ свой трудъ обширнымъ введеніемъ, гдѣ очертилъ исторію китайской письменности и критически разсмотрѣлъ произведенія своихъ предшественниковъ въ этой области, католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ и ученыхъ, каковы Варо, Маршманъ, Премаръ, Моррисонъ и Гонзальвесъ, а также Байеръ, Фурмонъ и и Абель-Ремюза. О. Іакинѳъ отдалъ предпочтеніе грамматикамъ Премара, Абель-Ремюза и Гонзальвеса, гдѣ, по его убѣжденію, содержится все, что только нужно къ основательному познанію китайскаго языка и письма ([2]). По этому нашему синологу при сочиненіи грамматики оставалось только пополнить недостатокъ правилъ и дать самому руководству такое расположеніе, какого требуетъ совершенное обособленіе китайскаго языка въ своихъ свойствахъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ.

Авторъ новой китайской грамматики раздѣлилъ свой трудъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой изложилъ основныя понятія о китайскомъ языкѣ и письмѣ, понятія, необходимыя, по его мнѣнію, каждому, приступающему къ изученію этого языка; во второй помѣстилъ одни правила китайскаго словосочиненія вмѣстѣ и для книжнаго и общенароднаго языка. Основныя понятія заимствованы были имъ изъ словарей и учебныхъ китайскихъ книгъ, а правила словосочиненія обоснованы на практическихъ свѣдѣніяхъ автора въ китайскомъ языкѣ. При изложеніи послѣднихъ онъ наиболѣе старался объяснить, какимъ образомъ, при многомъ количествѣ и вмѣстѣ неизмѣняемости словъ въ языкѣ, можно различать части рѣчи

Целлера за то, что онъ вѣрно выставилъ 1835-й годъ изданія. Въ оставшихся экземплярахъ грамматики кто-то переправилъ цифру 5 на 8, можетъ быть ради того, чтобы книга казалась новѣе.

([1]) Предислов., стр. XIX.

([2]) Тамже, стр. III—XVII.

и умственныя ихъ измѣненія, которыхъ необходимо требуютъ взаимное отношеніе предметовъ, представленіе ихъ качествъ, дѣйствія, состоянія, времени и самой связи между словами. Желая, при обученіи грамматикѣ, съ одной стороны, не развлекать вниманіе юношества, а съ другой, сосредоточить правила какъ можно ближе другъ къ другу, авторъ употребилъ для этого слѣдующій пріемъ: пространные примѣры напечаталъ въ особенныхъ таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ книги, а правила обоихъ языковъ, и книжнаго и общенароднаго, поставилъ одно за другимъ вмѣстѣ, чтобы чрезъ противоположность разительнѣе оттѣнить, въ чемъ состоитъ различіе между этими языками. Сверхъ правилъ, нашъ синологъ помѣстилъ въ концѣ своего руководства два прибавленія на русскомъ и китайскомъ языкахъ, которыя требовались мѣстными обстоятельствами; таблицу неодинаковыхъ китайскихъ выговоровъ французами, португальцами и англичанами, и названіе кяхтинскихъ отпускныхъ и ввозныхъ товаровъ, часто обозначаемыхъ китайцами ошибочными буквами (Предисл., стр. XX—XXII) ([1]).

XV.

Серія журнальныхъ статей о. Іакинѳа и анализъ ея.

Разсмотрѣнная серія трудовъ о. Іакинѳа носитъ преимущественно характеръ заимствованія изъ китайской литературы фактическихъ данныхъ по исторіи и географіи странъ крайняго востока. Онъ показалъ здѣсь глубокое и обширное знаніе имъ китайскаго

([1]) Неизвѣстно, кому принадлежитъ переводъ съ французскаго сочиненія О китайскомъ шелководствѣ (1840 г.), которое было извлечено изъ подлинныхъ китайскихъ сочиненій. Судя по ошибкамъ переводчика въ произношеніи китайскихъ знаковъ (стр. 18. 95) и въ фактическихъ данныхъ, переводъ не могъ принадлежать о. Іакинѳу.

языка и письменныхъ его памятниковъ, равно какъ умѣнье справляться при переводахъ съ трудностями этого оригинальнаго и замысловатаго языка. Но здѣсь же для него являлся ощутительнымъ недостатокъ знанія тибетскаго и монгольскаго языковъ, отчего онъ впадалъ въ ошибки, указанныя ему критикой и сознанныя имъ самимъ. Кромѣ того, въ произведеніяхъ переводнаго характера онъ мало писалъ о Китаѣ и бо̀льшею частію побочнымъ образомъ, т. е. въ тѣхъ его отношеніяхъ, по которымъ это государство соприкасалось съ событіями сосѣдственныхъ ему народовъ: тибетцевъ, монголовъ, туркестанцевъ и др. Нашему синологу, при начертанномъ имъ планѣ, тогда еще не было времени и возможности начать спеціальное разсмотрѣніе Китая во всѣхъ сторонахъ его быта. Тѣмъ не менѣе онъ и раньше далъ нѣкоторыя понятія о мѣстныхъ обычаяхъ, о китайскомъ дворѣ и политикѣ его, о тамошнемъ правительствѣ и законахъ его (1).

Въ область самостоятельныхъ и оригинальныхъ изслѣдованій о Китаѣ о. Іакинѳъ вошелъ не раньше, какъ послѣ искуса въ журнальной дѣятельности и полемикѣ, которыя, какъ переходныя ступени, подготовили его самостоятельные труды. Въ двухъ новыхъ серіяхъ своихъ трудовъ—журнальной и серіи крупныхъ оригинальныхъ произведеній — о. Іакинѳъ всецѣло вступаетъ въ Китай и обращаетъ на него исключительно свое ученое вниманіе. Здѣсь уже ему не встрѣтилось такихъ затрудненій, какія онъ нашелъ на пути обработки прежнихъ произведеній изъ за незнанія имъ тибетскаго и монгольскаго языковъ. Въ рядѣ новыхъ своихъ произведеній онъ опытной рукой и въ цѣлостномъ видѣ представилъ обозрѣніе полнаго состава китайской имперіи во всѣхъ географическихъ, политическихъ, историческихъ и этногра-

---

(1) Статистич. описаніе китайск. имперіи, 1, III.

фическихъ ея изгибахъ ([1]). Так. обр. новыя нижеразсматриваемыя серіи произведеній о. Іакинѳа отличаются исключительно ему принадлежащимъ характеромъ, гдѣ нашъ синологъ показалъ всю силу своего ума въ критической работѣ надъ труднымъ матеріаломъ, предлежавшимъ ему, отрѣшеніе отъ подлинника литературы дохристіанскаго типа и строя ([2]) и творчество свѣжей европейской мысли при выполненіи ученыхъ задачъ на почвѣ фактическихъ данныхъ, какія заключаются въ самобытной китайской литературѣ. Неудивительно поэтому, что сочиненія о. Іакинѳа заинтересовали ученый міръ Россіи и Европы и, вмѣстѣ съ оппозиціей нѣкоторыхъ (впрочемъ немногихъ) щепетильныхъ особъ, встрѣтили поддержку въ ученыхъ корпораціяхъ, каковы: парижское азіатское общество, россійская Императорская Академія Наукъ, а также редакціи русскихъ журналовъ—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Русскаго Вѣстника, Москвитянина, Русской Бесѣды, Сына Отечества и др.

Парижское азіатское общество первое почтило русскаго синолога званіемъ члена. 7 марта 1831 г. онъ былъ представленъ въ азіатскомъ обществѣ въ качествѣ иностраннаго члена, о трудахъ котораго прочитали рефераты члены того общества, синологъ Абель — Ремюза, Ластейри и Бюрнуфъ—отецъ ([3]). Затѣмъ онъ былъ избранъ въ члены россійской Императорской Академіи Наукъ ([4]) и 6 окт. 1837 г. представилъ на французскомъ языкѣ свой рефератъ по статистикѣ Китая (18 стр.), отпечатанный въ Bulletin'ѣ Академіи Наукъ ([5]). Съ этого же времени начи-

---

([1]) Статистич. описаніе кит. имперіи, стр. IV.

([2]) В. П. Васильевъ. Очеркъ исторіи китайск. литературы, стр. 1.

([3]) Nouveau journal asiatique, Paris 1831 t. VII, p. 317.

([4]) Филаретъ Черниг. Обзоръ русск. духовн. литературы, кн. 2, стр. 191.

([5]) «Renseignements scientifiques sur la Chine», tiré du Bulletin scienteifique publié par l'Acad. Imp. des sciences de s.-Petersbourg, t. III, № 19.

нается участіе нашего синолога въ русскихъ журналахъ, которое шло въ параллель съ обработкой имъ и изданіемъ въ свѣтъ крупныхъ его произведеній. Журнальныя статьи о. Іакинѳа въ большинствѣ ихъ представляютъ отрывки изъ его сочиненій, вошедшіе въ послѣдующіе труды его. Такъ въ 1834 г. онъ помѣстилъ въ журналѣ М-ва Внутр. Дѣлъ статью о живописи въ Китаѣ и выдѣлкѣ тамъ красокъ [1]. Будучи самъ живописцемъ, о. Іакинѳъ долженъ былъ интересоваться этимъ предметомъ и основательно изучилъ его. Затѣмъ въ журналѣ М—ва Нар. Просв. за 1838-й г. (т. XVIII, №№ 5 и 6) была напечатана статья о. Іакинѳа: „Взглядъ на просвѣщеніе въ Китаѣ" (73 стр.) Въ Русской Бесѣдѣ 1841 года (ч. 2-я) онъ помѣстилъ свою статью: „Пекинское дворцовое управленіе", вошедшую потомъ отчасти въ его Статистическ. описаніе китайской имперіи (ч. 1, стр. 256). Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1841-й же годъ встрѣчаются его статьи: „О буддійской миѳологіи" и „Статистическое обозрѣніе Чжунгаріи" [2]. Въ Сынѣ Отечества за 1842-й годъ напечатанъ рядъ статей о практическомъ земледѣліи въ Китаѣ, изданныхъ потомъ отдѣльной книгой въ 1842 и въ 1844-мъ годахъ [3]. Въ Москвитянинѣ за 1845 г. (№ 4-й) онъ помѣстилъ „Замѣчанія на исторію Устрялова о покореніи Руси монголами" и въ томъ же изданіи за 1850 г. (№ 24) статью „Кто таковы были монголы" [4] Къ подобнаго же рода журнальнымъ работамъ принад-

---

(1) О. Палладій. «Китайская живопись», въ Запискахъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географич. общества 1867 г. Иркутскъ. стр. 596.

(2) Филаретъ Черн. Обзоръ русской духовной литературы, кн. 2, стр. 191.

(3) См. показаніе самого о. Іакинѳа въ Статист. описаніи китайск. имперіи, I, 117. Этимъ разъясняется неясность относительно этого сочиненія у французскаго синолога Кордье (Bibliotheca Sinica, t. 1, p. 700). Содержаніе этихъ статей см. ниже.

(4) Филаретъ Черн. Обзоръ русск. духовн. литер., кн. 2, стр. 191.

лежатъ слѣдующія статьи его: отрывки изъ путешествія по Сибири, о шаманствѣ, о мѣрахъ народнаго продовольствія въ Китаѣ, объ общественной и частной жизни китайцевъ (1).

Что касается полемики, какую вызвали мнѣнія и сочиненія о. Іакинѳа; то отъ журнальной перебранки онъ вообще уклонялся. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ разрѣшенія истины, онъ волей неволей долженъ былъ отвѣчать на дѣлаемыя ему возраженія. Такъ, на рѣзкія замѣчанія академика Шмидта (въ Петербургскихъ вѣдом. 1839 г. № 224) онъ сначала не далъ заслуженнаго отвѣта. Шмидтъ вскорѣ, по поводу монгольской надписи на извѣстномъ памятникѣ Чингисхана, заподозрилъ нашего синолога въ тайномъ желаніи уронить его ученую славу и потому напалъ на о. Іакинѳа съ разными обвиненіями, стараясь унизить его указаніями на якобы присущіе русскому синологу недостатки—некритичность въ сочиненіяхъ и отсутствіе европейскаго ученаго образованія (2). Тогда за о. Іакинѳа вступились другіе (3), и онъ самъ, по настоянію многихъ почтенныхъ особъ, отвѣчалъ нѣсколькими строками. Въ своемъ отвѣтѣ онъ скромно сознался въ своемъ незнакомствѣ съ монгольскимъ и тибетскимъ языками, но поставилъ на видъ, что и академикъ Шмидтъ не знаетъ китайскаго языка. При этомъ онъ заявилъ, что своимъ переводомъ означенной надписи, найденной имъ въ Кяхтѣ, за 20 почти лѣтъ раньше, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія скрытно дѣйствовать въ ущербъ славы нѣмецкаго академика, пріобрѣтенной имъ въ Европѣ за свои ученыя произведенія (4).

(1) Этихъ статей не было у насъ подъ руками; но судя по заглавіямъ, большая часть нхъ вошла въ книгу о. Іакинѳа «Китай», изд. 1840 г.

(2) Отеч. зап. 1839 г. т. VII, стр. 28 – 32.

(3) Тамже, стр. 32. 33.

(4) Процессъ о монгольской надписи на памятникѣ Чингисхана. Отеч. зап. 1832 г., т. VII, стр. 32.

Точно также скромно заявилъ о. Іакинѳъ свой авторитетный голосъ въ спорѣ, начавшемся въ 1846 году по поводу монгольской надписи временъ Мункэ-хана (XIII в.). Эта надпись была найдена въ восточной Сибири и поступила въ азіатскій музей при Академіи Наукъ. Разобралъ ее переводчикъ Минист. Ин. Дѣлъ архим. Аввакумъ, бывшій начальникомъ миссіи послѣ іеромонаха Веніамина (съ 1836 до 1840 г.) и вернувшійся изъ Китая въ С. Петербургъ въ 1841 г. [1]. Какъ знатоку китайскаго, маньчжурскаго, монгольскаго, тибетскаго и корейскаго языковъ, ему не трудно было въ одинъ вечеръ дешифрировать эту надпись, написанную на монгольскомъ языкѣ особенными квадратными буквами, которыя были изобрѣтены, какъ онъ думалъ сначала, тибетскимъ отшельникомъ Пагбаламою при Хубилаѣ, пятомъ богдыханѣ изъ дома Чингисова. На сторону о. Аввакума сталъ о. Іакинѳъ. Но академикъ Шмидтъ заявилъ претензію на иное чтеніе этой надписи. Тогда за нашихъ синологовъ вступился извѣстный тогда оріенталистъ проф. Григорьевъ и вѣско отвѣчалъ Шмидту, обнаруживъ невѣрность выводовъ этого академика, относившаго надпись ко временамъ послѣ Мункэ-хана. Но въ тоже время онъ поставилъ на видъ и поспѣшность выводовъ нашихъ синологовъ на счетъ квадратнаго письма, которое онъ назвалъ тангутскимъ (XI в.). Шмидтъ отвѣчалъ проф. Григорьеву, настаивая на своемъ мнѣніи. Вопросъ оставался нерѣшеннымъ до замѣтки о. Іакинѳа въ 1847 г. [2], гдѣ онъ справедливо доказалъ незнаніе Шмидтомъ китайскаго языка и на исторической почвѣ китайскихъ источниковъ доказалъ вѣрность чтенія о. Аввакума и время происхожденія

(1) О. Іакинѳъ. Замѣчанія по поводу спора о монгольск. надписи временъ Мункэ-хана, стр. 1 (вѣроятно въ Журналѣ Министерства Внутр. Дѣлъ или Москвитянинѣ).

(2) Вѣроятно въ журн. М—ва Внут. Дѣлъ или Москвитянинѣ стр. 1 — 6. См. пред. цитат.

надписи, опредѣленное проф. Григорьевымъ. Это подтвердилъ потомъ и послѣдній (¹).

Нѣкоторыя изъ указанныхъ выше журнальныхъ статей о. Іакинѳъ собралъ вмѣстѣ и составилъ изъ нихъ въ 1840 г. отдѣльное (одиннадцатое) сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе“ (VIII, 442). Цензура, въ лицѣ А. Никитенко, пропустила книгу 20 дек. 1840 г., и она была издана г-жей Мициковой. Статьи, помѣщенныя въ этой книгѣ, не имѣютъ большой связи между собою, и потому не могли пояснять другъ друга, по собственному сознанію ихъ автора (²). Цѣлью составленія ихъ было простое обозрѣніе Китая въ нѣкоторыхъ сторонахъ его жизни. Предисловіе автора, гдѣ онъ критикуетъ самъ себя, объединяетъ ихъ замѣчаніями, указывающими отношеніе его трудовъ къ предыдущимъ произведеніямъ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, даетъ оцѣнку послѣднимъ и намѣчаетъ программу дальнѣйшихъ работъ сочинителя (³).

„Все, чтó только написано мною общаго касательно нравовъ, обычаевъ и просвѣщенія въ Китаѣ, говоритъ о. Іакинѳъ, при всей краткости своей, достаточно подать вѣрное и ясное понятіе о граждан-

---

(¹) Григорьевъ. Второй отвѣтъ академику Шмидту на новыя замѣчанія о монгол. надписи временъ Мöнгкэ-хана, тамже стр. 7 — 20.

(²) За исключеніемъ статьи о буддійской миѳологіи (Русск. Вѣстн. 1841), отрывковъ изъ путешествія по Сибири и статей въ Москвитянинѣ; но съ прибавленіемъ новыхъ главъ о китайск. языкѣ и письмѣ (гл. 1), объ уголовномъ законодательствѣ Китая (гл. 6-я) о китайск. газетѣ (гл. 8), о нравахъ (гл. 10), о системѣ міробытія (гл. 11). Здѣсь же въ 9-й гл. помѣщено поясненіе отвѣтовъ г. Крузенштерна на вопросы, предложенные ему Вирстомъ (гл. 9). Всѣхъ главъ въ книгѣ 12. Cordier (Bibliotheca, p. 54) отмѣчаетъ въ ней гл. 4-ю, гдѣ описывается общественная и частная жизнь китайцевъ и между прочимъ дворцовые церемоніалы.

(³) Китай въ гражданск. и нравствен. отношеніи, 1848, предисл., стр. VI.

скомъ образованіи китайскаго государства. Въ Европѣ до сего времени ставили Китай въ Азіи не по одному географическому положенію, но и въ отношеніи къ гражданскому образованію, разумѣя подъ образованіемъ одно варварство и невѣжество; но сами не могли примѣтить своего заблужденія по сему предмету. Первые католическіе миссіонеры, при своемъ вступленіи въ Китай, превосходно описали естественное и гражданское состояніе сего государства, но немногіе изъ нихъ, и тѣ только слегка, касались нравовъ и обычаевъ народа. Впослѣдствіи другіе католическіе же миссіонеры, увлекаемые ревностію къ христіанству, описали языческую нравственность китайцевъ довольно черными красками (1), и это столь польстило умной Европѣ, что лучшіе писатели ея, касавшіеся Китая, одинъ передъ другимъ старались вполнѣ выказать свое краснорѣчіе, чтобы усилить черноту красокъ, какъ будто отъ этого преимущество христіанскихъ народовъ выказывалось въ краскахъ свѣтлѣе обыкновенныхъ. Въ новѣйшее время Моррисонъ и Давидъ (протестантскіе миссіонеры) сообщили истинное понятіе о Китаѣ; но они ограничились чрезвычайно краткими очерками, которыми могли возбудить одно изумленіе и потомъ оставить въ недоумѣніи. Надлежало глубоко вникнуть (какъ сдѣлалъ о. Іакинѳъ) въ законодательство и дѣйствія правительства, чтобы постигнуть духъ законовъ, политику управленія, а потомъ опредѣлить степень просвѣщенія" (2).

„Путешественники, проѣзжавшіе почти черезъ весь Китай, продолжаетъ о. Іакинѳъ въ другомъ сочиненіи (3), имѣли случай видѣть многое собственными глазами и при всемъ томъ впадали въ погрѣшности: они облекали встрѣчавшіеся предметы въ формы

(1) Тамже, ч. II, стр. 11, Ср. Китай изд. 1841 г., стр. 302.

(2) Китай, изд. 1840 г., стр. III — IV.

(3) Статист. описаніе китайск. имперіи, предисл., стр. IX. Ср. Китай изд. 1848 г. ч. 1, стр. III — V.

европейскія и составляли себѣ ложныя о нихъ понятія, или при вѣрномъ взглядѣ на вещи дѣлали ошибочные выводы. Подобныя погрѣшности вкрались въ путешествія въ Китай Макартнея и Дюмонъ—Дюрвиля ([3]). Въ сочиненіяхъ оріенталистовъ замѣтны, по взгляду о. Іакинѳа, поверхностныя свѣдѣнія въ китайскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе эти ученые пробовали объяснять все имъ неизвѣстное по собственнымъ умствованіямъ, или пополнять догадками и, конечно, дѣлали невѣрные выводы. Въ виду всего этого, нашъ синологъ счелъ своею обязанностію посовѣтовать читателямъ при выборѣ сочинителей, писавшихъ о Китаѣ, осторожно пользоваться журнальною европейскою критикою, хорошо ему извѣстною. „Нынѣ, замѣчаетъ онъ, пишутъ критики съ различною цѣлію и нерѣдко такіе люди, которые совершенно не знаютъ обсуживаемаго предмета, а потому и самая критика ихъ по большей части бываетъ ошибочна. И въ русскихъ журналахъ, подражателяхъ всего европейскаго, прибавляетъ нашъ синологъ, отдалось эхо иностранныхъ (періодическихъ изданій)“.

Послѣднее замѣчаніе о. Іакинѳа вызвано было двумя рецензіями на его книгу „Китай“ (изд. 1840 г.) и вполнѣ оправдало взглядъ его на современную критику. Одна изъ этихъ рецензій была помѣщена въ Отечеств. Запискахъ, а другая въ Библіотекѣ для Чтенія за 1841 годъ. Къ удивленію многихъ, даже внѣ столицы, онъ ни слова не отвѣчалъ тогда на эти рецензіи и сдѣлалъ это, по собственнымъ словамъ, въ силу самой основательной причины: обѣ критическія статьи не заслуживали отвѣта. Въ первой, по выраженію его, была показана дѣтская логика съ забавными выходками на китайскіе обычаи и по этому одному онъ легко угадалъ, что статья была на-

([1]) Макартней. Путешествіе во внутренность Китая и Татаріи. Перев съ франц. Москва, 180⅘ г. ч. I — IV. Дюмонъ—Дюрвиль. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта. Перев. съ франц. М. 1836 г., ч. 1 — IV.

писана для соблюденія формы журнала. Вторая статья явилась въ свѣтъ позднѣе и была составлена обдуманно. Тѣмъ не менѣе, по словамъ нашего синолога, и она обнаружила совершенное незнаніе предметовъ, о которыхъ сочинитель судилъ съ видомъ самоувѣренности, свойственной многознающему ученому, недостатокъ свѣдѣній искусно замаскировавъ смѣлымъ изложеніемъ несправедливыхъ мнѣній о Китаѣ. Подобнымъ же сужденіямъ русскихъ журналистовъ о книгахъ по синологіи г. Соколовскій обязанъ былъ, по мнѣнію о. Іакинѳа, сбивчивыми и ложными понятіями о Китаѣ, изъ которыхъ составлена почти вся статья О китайской имперіи, помѣщенная въ то время въ его учебникѣ географіи ([1]).

XVI.

Анализъ третьей и послѣдней серіи ученыхъ произведеній о. Іакинѳа.

Въ 1842 г. нашъ синологъ предсталъ предъ ученымъ свѣтомъ Россіи и Европы съ новымъ (двѣнадцатымъ) капитальнымъ своимъ произведеніемъ, окончательно упрочившимъ за нимъ славу знаменитаго синолога. Это было его „Статистическое описаніе китайской имперіи“, въ двухъ частяхъ, съ приложеніемъ карты на 5 листахъ (Спб. 1842, XXXII, 178 и 348). Цензоръ А. Никитенко далъ разрѣшеніе на отпечатаніе этого сочиненія 14 и 16 окт. 1841 г. Статистическое описаніе китайской имперіи представляетъ наиболѣе самостоятельный и оригинальный трудъ о. Іакинѳа, гдѣ онъ, по замѣчанію о. Палладія, принятому французскимъ синологомъ Кордье ([2]), показалъ

([1]) Статист. описаніе китайск. имперіи, II, 321—322.

([2]) Въ его Китайской библіотекѣ (t. 1, p. 56) Свѣдѣнія о трудахъ членовъ нашей миссіи, и въ томъ числѣ о. Іакинѳа, доставлены были ему, по собственнымъ его словамъ, о. Палладіемъ и д-ромъ Бретшнейдеромъ, врачемъ миссіи (ibid. p. IX).

всю широту своего ученаго масштаба и глубину знанія, давъ массу новыхъ и точныхъ свѣдѣній о Китаѣ, которыя онъ почерпнулъ изъ китайскихъ источниковъ. Поэтому такія компетентныя лица, какъ о. Палладій, считали этотъ трудъ лучшимъ произведеніемъ о. Іакинѳа ([1]). Онъ постарался помѣстить здѣсь все, что казалось ему сообразнымъ съ оригинальнымъ планомъ и обширностію его сочиненія. Разнообразное содержаніе для сочиненія дали ему извѣстные уже выше подлинники, изданные китайскимъ правительствомъ. Авторъ предъидущей ученой дѣятельностію переработалъ бывшій у него подъ руками огромный матеріалъ, выбралъ изъ него нужныя ему данныя, расположилъ ихъ стройно, по рубрикамъ, и связалъ одного идеею.

Раздѣливъ свой трудъ на двѣ части, авторъ въ первой всесторонне разсмотрѣлъ собственно китайское государство, а во второй — подвластныя ему страны: Маньчжурію, Монголію, восточный Туркестанъ и Тибетъ. Въ частности каждая изъ двухъ книгъ распадается по содержанію на географическій, историческій и политическій отдѣлы. Въ руководство по географическому отдѣлу нашимъ синологомъ была принята топографія, изданная китайскимъ правительствомъ въ 18 большихъ томахъ (см. выше), которою пользовались и католическіе миссіонеры при составленіи атласа китайской имперіи, извѣстнаго подъ именемъ Дегинева. Если топографическое описаніе какого-либо мѣста противорѣчило картѣ, въ такомъ случаѣ нашъ синологъ бралъ въ соображеніе описаніе смеж-

---

([1]) Предшествовавшая этому произведенію работа Ал. Леонтьева, далеко уступаетъ въ разнообразіи содержанія труду нашего синолога. Она носитъ такое заглавіе: «Кратчайшее описаніе городамъ, доходамъ и протчему Китайскаго государства, а притомъ и всѣмъ государствамъ, королевствамъ и княжествамъ, кои китайцамъ свѣдомы, выбранное изъ китайской государственной географіи, коя напечатана въ Пекинѣ на китайскомъ языкѣ при нынѣшнемъ ханѣ Кянъ Лунѣ» (Спб. 1778 г. 8°, 332 стр).

ныхъ мѣстъ. Подобныхъ ошибочныхъ мѣстъ открылось нѣсколько на юго-западныхъ предѣлахъ Китая и въ восточной Монголіи. Что касается западной Монголіи и частію восточнаго Туркестана, то автору привелось во многомъ измѣнить почти 10-ю часть названій. При этомъ (въ приложеніи ко 2-й части) онъ опредѣлилъ долготу и широту нѣкоторыхъ мѣстъ въ Монголіи и Сибири. Погрѣшности на картахъ относились наиболѣе къ озерамъ и рѣкамъ. При составленіи карты китайскаго государства, для избѣжанія излишней пестроты, о. Іакинѳъ держался правила наносить названія тѣхъ только мѣстъ, которыя по значительности своей вошли въ составъ географическаго описанія, т. е. провинціальныхъ городовъ и крѣпостей, направленія горныхъ кряжей, большихъ озеръ, источниковъ, теченія и устья судоходныхъ рѣкъ. При составленіи карты Маньчжуріи, Монголіи и восточнаго Туркестана авторъ внесъ мѣста замѣчательныя по историческимъ преданіямъ. При обработкѣ карты Тибета, которая была ошибочно составлена въ 1712 г. монгольскими ламами, нѣсколько знакомыми съ европейскою астрономіею, нашъ синологъ держался карты восточной Азіи Риттера. Въ опредѣленіи географической широты и долготы о. Іакинѳъ слѣдовалъ астрономическимъ съемкамъ, составленнымъ вѣропроповѣдниками, а при черченіи русской границы исключительно довѣрялъ картѣ (отъ 1832 г.) члена Академіи наукъ г. Фуса, бывшаго въ Пекинѣ въ 1830 г. въ качествѣ почетнаго члена миссіи ([1]). Границы монгольскихъ владѣній съ Китаемъ положены на основаніи частныхъ топографическихъ картъ, помѣщенныхъ въ изложеніи китайскаго законодательства, которое было издано въ 1812 г. ([2]).

При изслѣдованіи историческихъ данныхъ, въ которыя вошелъ и политическій отдѣлъ, о. Іакинѳъ неуклонно слѣдовалъ китайской исторіи въ 8 большихъ

([1]) Архим. Даніилъ. Описаніе Срѣтен. мон. четвер. 61.
([2]) Предислов., стр. XXI — XXIV.

томахъ (см. выше), очищенной критикой ученыхъ китайскихъ комитетовъ. При начертаніи политическаго существованія разныхъ народовъ, обитающихъ въ китайской имперіи, авторъ руководствовался изложеніемъ китайскаго законодательства, о которомъ было упомянуто выше. „Наши умствованія, замѣчаетъ онъ при этомъ, извѣстныя подъ блестящимъ названіемъ *собственнаго взгляда*, совершенно неумѣстны въ этомъ случаѣ, что къ сожалѣнію доказали нѣкоторые изъ ученѣйшихъ мужей настоящаго времени, писавшіе о Китаѣ (Абель-Ремюза, Клапротъ, Алтмейеръ, Гутенбергъ и Гегель). Стараясь изложить каждый предметъ со всею подробностію, нашъ авторъ встрѣтилъ нѣсколько вопросовъ, которые не столько по новости, сколько по своей извѣстности требовали особеннаго описанія. Это выполнено имъ въ 15 главахъ, помѣщенныхъ въ качествѣ прибавленій на концѣ 2-й части, гдѣ онъ касается вопросовъ о великой китайской стѣнѣ, о чайномъ растеніи, о водяныхъ сообщеніяхъ, объ инородцахъ Китая (1), о рѣкѣ Амурѣ, о монгольскихъ законахъ и т. п. При описаніи мѣстныхъ естественныхъ произведеній онъ отмѣчалъ въ примѣчаніяхъ дерева и растенія, ввезенныя въ Китай изъ за границы. Прибавленія, съ описаніемъ древнихъ городовъ, существовавшихъ нѣкогда въ Маньчжуріи и Монголіи, а также старыя китайскія названія горъ и рѣкъ въ тѣхъ же странахъ сдѣланы были имъ для облегченія членовъ нашей пекинской миссіи. Собственныя имена, переиначенныя или испорченныя европейскими историками и географами, замѣнены авторомъ подлинными нынѣшними названіями, или исправлены по произношенію съ языка того народа, кото-

(1) Живущихъ на югѣ инородцевъ о. Іакинѳъ считаетъ первобытными жителями Китая. Этотъ вопросъ не успѣлъ разработать о. Палладій, а онъ очень интересенъ, потому что напр. интересно отыскать въ Сычуанской провинціи потомковъ русскихъ, которыхъ, по преданіямъ албазинцевъ, очень много тамъ. Не были ли переселены туда плѣнники монголовъ изъ Россіи въ XIII стол?

рому они принадлежатъ (¹). Въ концѣ первой части находится табель годовыхъ государственныхъ расходовъ по провинціямъ. Къ обѣимъ частямъ сочиненія приложены подробныя оглавленія и азбучный указатель собственныхъ именъ и предметовъ.

Въ 1844 г. о. Іакинѳъ представилъ русской публикѣ свое тринадцатое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Земледѣліе въ Китаѣ" съ 72 чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій (Спб. 1844 г., XII, 100) (²). Эту книгу цензуровалъ А. Никитенко и далъ разрѣшеніе на печатаніе ея 5 ноября 1843 г. Въ предисловіи (стр. IV—VI) авторъ говоритъ, что предложенныя имъ въ книгѣ свѣдѣнія онъ заимствовалъ изъ сочиненія, изданнаго въ Китаѣ въ 1742 г. подъ заглавіемъ: Шэ-ши-тунъ-хао. Оно было составлено ученою комиссіею и напечатано подъ непосредственною редакціею самого богдыхана въ 4-хъ большихъ томахъ, съ изображеніемъ всѣхъ извѣстныхъ въ Китаѣ плодовыхъ деревъ, хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, также съ чертежами всего шелковаго, хлопчато-бумажнаго и полеваго производства. Подобное руководство издавалось уже не въ первый разъ: съ давнихъ временъ каждая новая династія, вступая на престолъ, издавала ихъ для поддержанія въ народѣ правилъ раціональнаго земледѣлія. Правительство издавна озабочивалось вкоренить въ народѣ, посредствомъ особо назначенныхъ для того надзирателей, правила: какъ и когда должно производить разныя земледѣльческія работы. Въ переводѣ о. Іакинѳа сохраненъ наставительный тонъ подлинника, представляющаго вѣрную и полную картину практическаго земледѣлія въ Китаѣ.

(¹) Предисловіе, стр. XXI — XXIV.

(²) Cordier (Bibliotheca Sinica, t. 1 p. 700) отличаетъ отъ этой книги журнальную статью о. Іакинѳа, помѣщенную подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1842 г. въ Сынѣ Отечества и изданную отдѣльной брошюрой въ томъ же году.

Если вѣрить преданіямъ, говоритъ о. Іакинѳъ, основаніе земледѣлію въ Китаѣ положено за 2700 лѣтъ до Р. Х. Государь Янь-ди первый научилъ народъ сѣять хлѣбъ (просо) и садить овощи (особенно бобы и горохъ). Въ то время еще не знали ни одного изъ нынѣшнихъ земледѣльческихъ орудій: землю копали деревянными заступами, хлѣбныя зерна очищали въ глиняной ямѣ деревяннымъ пестомъ. Правительство назначало народу время паханія, указывало средства удобренія и способы посѣванія и уборки. Въ эпоху Р. Х. Китайцы имѣли уже плугъ и разныя земледѣльческія орудія. Въ продолженіе послѣднихъ 2000 лѣтъ опыты постепенно довели земледѣліе до современнаго состоянія. По отношенію количества обработываемыхъ въ Китаѣ земель къ народонаселенію свыше 360 милліоновъ ([1]), пространство земли, равное десятинѣ, должно прокармливать отъ 7 до 9 человѣкъ. Этимъ объясняется удивительная тщательность китайцевъ въ обработкѣ каждаго уголка земли. Въ Китаѣ никогда не существовало трехпольнаго раздѣленія земель. Въ древности давали тощимъ землямъ отдыхъ на одинъ и на два года, смотря по качеству почвы. Но съ того времени, какъ народонаселеніе стало превышать количество удобренной земли, необходимой для пропитанія, мало по малу начали вводить плодоперемѣнный посѣвъ, продолжаемый ежегодно на одной и той же землѣ. Впослѣдствіи, начиная за 2 вѣка до Р. Х., когда опыты довели до совершенства удобреніе земель экскрементами, одну и туже землю стали засѣвать вдвойнѣ и притомъ въ одно и тоже время. Такимъ образомъ въ сѣверномъ Китаѣ сѣютъ пшеницу и просо чрезбороздно (Предисл. III. IV. VII. VIII). Что касается, въ частности, современнаго земледѣлія, то въ означенномъ сочиненіи

([1]) Китай, изд. 1840 г., стр. 18 и 374. Ср. И. Захарова «Поземельная собственность Китая» въ Трудахъ членовъ Пекин. миссіи, т. 2, стр. 96.

о. Іакинѳъ разсматриваетъ этотъ предметъ въ девяти главахъ или параграфахъ, гдѣ трактуется объ устройствѣ пашенъ, о паханіи, о бороньбѣ, о посѣвѣ, о приготовленіи и употребленіи навоза, о пропалываніи и опучиваніи, о поливаніи, объ уборкѣ хлѣбовъ и объ обработываніи хлѣбныхъ злаковъ ([1]).

Послѣ изданія Статистическаго описанія китайской имперіи о. Іакинѳъ, въ виду разнорѣчивыхъ понятій о срединномъ государствѣ, счелъ нужнымъ снова описать „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ его состояніи" въ 4-хъ частяхъ (VI, 137; VII, 128, 10; 152, 2; 177, 2). Подъ этимъ заглавіемъ онъ представилъ въ цензуру свой четырнадцатый трудъ съ рисунками, который былъ одобренъ къ печати цензоромъ А. Крыловымъ 30 ноября 1845 г. и изданъ Ѳ. В. Базуновымъ въ 1848 г. Это сочиненіе имѣло цѣлью расширить кругъ существенныхъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи китайскаго государства. Оно, при нѣкоторомъ сходствѣ, отличалось отъ предыдущаго, одинаковаго по заглавію, произведенія о. Іакинѳа, вышедшаго въ свѣтъ въ 1840 г., которое обозрѣвало Китай не вполнѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ его. Во вновь изданномъ трудѣ авторъ слѣдовалъ другому порядку при описаніи предметовъ, вошедшихъ въ составъ его. Въ немъ первая часть содержитъ въ себѣ очеркъ государственнаго управленія, о чемъ о. Іакинѳъ трактовалъ и прежде (въ Статистич. описаніи китайск. имперіи (1. гл. X, XV и XVII. стр. 127—134; 220—230; и въ соч. „Китай", изд. 1840 г., стр. 118—145), но въ сокращенномъ видѣ. Здѣсь же это управленіе представлено въ трехъ видахъ, какъ государственныя учрежденія, хозяйство и судоустройство.

([1]) Въ связи съ этимъ произведеніемъ о. Іакинѳа можно поставить упомянутую статью И. И. Захарова, члена 12-й миссіи въ Пекинѣ: «Поземельная собственность въ Китаѣ». Эта статья была помѣщена въ Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. 2, стр. 1—95.

Автору, вѣроятно, былъ предложенъ рядъ вопросовъ (числомъ 122), на которые онъ и даетъ отвѣты. Во введеніи говорится о лѣточисленіи, времясчисленіи, мѣрахъ, вѣсахъ, монетахъ, пекинскомъ дворцѣ и домахъ. Вторую часть (во 159-ти пунктахъ) занимаетъ уголовное право Китая—предметъ тогда совершенно новый для русскихъ правовѣдовъ. Оно представлено здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существуетъ нынѣ въ Китаѣ, безъ произвольныхъ толкованій и поясненій, которыми нашъ синологъ боялся затемнить, или даже измѣнить смыслъ китайскаго подлинника [1]. Третья часть трактуетъ о просвѣщеніи въ Китаѣ—учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ, о гражданскихъ учрежденіяхъ по хозяйственной части, и о мѣрахъ народнаго продовольствія въ Китаѣ. Четвертая часть изображаетъ общественную и частную жизнь китайцевъ. Эта часть заключаетъ въ себѣ главные придворные церемоніалы и общіе народные обычаи, за исключеніемъ религіозныхъ обрядовъ, которые, въ глазахъ о. Іакинѳа, по внутренней своей важности, достойны были занять особенное мѣсто. Въ послѣднихъ двухъ частяхъ многое заимствовано изъ предыдущихъ сочиненій о. Іакинѳа [2]. Но повтореніе и

---

(1) Объ уголовномъ законодательствѣ о. Іакинѳъ трактовалъ въ сочиненіи «Китай», изд. 1840 г., стр. 295—315 и въ Статист. описаніи китайской имперіи, ч. I, гл. XVIII, стр. 231—247. Въ русской литературѣ до нынѣ имѣется только «Краткій историческій очеркъ уголовнаго законодательства Китая» (Спб. 1880 г., 59 стр.), произведеніе П. С. Попова, перваго драгомана россійской дипломатической миссіи въ Китаѣ. Но этотъ очеркъ ограничивается разсмотрѣніемъ китайскаго уголовнаго законодательства только до половины X в. по Р. X. Въ иностранной литературѣ переведенъ Сталтономъ одинъ краткій кодексъ уголовныхъ законовъ нынѣ царствующей династіи и есть нѣсколько общихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ о Китаѣ (П. С. Поповъ, op. laudat., стр. 3). Такимъ образомъ изслѣдованія о. Іакинѳа въ этой области до нынѣ сохраняютъ свое значеніе.

(2) О просвѣщеніи въ сочиненіи «Китай», изд. 1840 г. стр. 30—112, о гражданскихъ учрежденіяхъ по хозяйственной части въ Статистич. описаніи китайской имперіи I, 144; о мѣрахъ народнаго продо-

пополненіе предметовъ, по мысли автора, было необходимо для того, чтобы представить тѣже вопросы, но въ болѣе ясномъ освѣщеніи (Предисловіе, стр. VI—VII).

Послѣднимъ (пятнадцатымъ) произведеніемъ о. Іакинѳа было его трехтомное „Собраніе свѣдeній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена“ (Спб. 1851 г., XXXIV, I—III, I—VII, 481; I—II, I—IV, 179; I—V, 273, 1—115). Въ этомъ грандіозномъ трудѣ о. Іакинѳъ снова возвращается къ прежнему своему методу буквальнаго перевода съ китайскаго языка данныхъ исторіи. Свое сочиненіе онъ снабдилъ картою на 3-хъ большихъ листахъ. Первую и третью части одобрилъ къ печати цензоръ Н. Елагинъ, вторую И. Срезневскій, географическій указатель мѣстъ на картѣ—Ю. Шидловскій, всѣ 16 окт. 1849 г. Это сочиненіе было написано по программѣ, данной о. Іакинѳу Императорской Академіей Наукъ и было удостоено Демидовской преміи. Оно представляетъ точный буквальный переводъ съ китайскаго языка историческихъ записокъ разныхъ династій отъ начала II в. до Р. Х. до 907 г. по Р. Х. Показанія этихъ документовъ, по мнѣнію нашего синолога, не подлежатъ сомнѣнію, потому что они извлечены изъ актовъ китайскаго правительства, современныхъ событіямъ. Въ первой части содержится исторія древнихъ средне-азіатскихъ народовъ, издавна обитавшихъ въ смежности съ Китаемъ съ сѣвера и принадлежавшихъ къ одному монгольскому племени Хуниу, вторая разсказываетъ о восточныхъ иноземцахъ тунгускаго племени, а третья трактуетъ о западномъ краѣ [1].

„Ученые западной Европы, говоритъ о. Іакинѳъ въ объясненіе своей работы, давно уже начали заниматься изслѣдованіемъ средне-азійскихъ народовъ; но

вольствія въ книгѣ «Китай» (1840 г.), стр. 281; объ общественной и частной жизни китайцевъ въ томъ же сочиненіи, стр. 113—281.

[1] Предувѣдомл. стр. I. II. IV.

ихъ мнѣнія по этому предмету несогласны съ китайскими извѣстіями. И это не покажется удивительнымъ, когда основательно вникнемъ въ образъ ихъ изслѣдованія. Обозрѣвая отдаленный и малоизвѣстный имъ предметъ, они шли двоякимъ путемъ. Первоначально они руководствовались греческими историками и географами; а съ того времени, какъ познакомились съ Китаемъ, начали разработывать и китайскіе источники. И этотъ двоякій путь естественно долженъ былъ произвести несходство между сказаніями западно-европейскихъ ученыхъ. Древніе греческіе писатели не все описываемое ими могли сами видѣть, а если и видѣли что, то мимоходомъ. Вѣроятнѣе, что они многое заимствовали отъ странствующихъ торгашей, которые обыкновенно даютъ новымъ для нихъ народамъ и странамъ названія произвольныя, или и точныя, но искаженныя произношеніемъ, часто сообщаютъ извѣстія сбивчивыя, невѣрныя, и передаютъ народныя басни за истину. Положимъ, что тогдашнія свѣдѣнія грековъ о народахъ средней Азіи въ свое время были довольно вѣрны. Но впослѣдствіи война, смѣшеніе народовъ, время и разныя другія обстоятельства, раздробляя составъ древнихъ государствъ и мало по малу разобщая единство племенъ и языковъ, обычаевъ и законовъ, не могли не измѣнить самую сущность современныхъ извѣстій, и такимъ образомъ и ясное потемнить для послѣдующихъ вѣковъ.

Въ средней Азіи искони господствовала удѣльная система правленія, т. е. государство дѣлилось на мелкія владѣнія, которыя въ свою очередь то сливались, то снова дробились и переобразовывались въ новыя государства. Монгольскій народъ сверхъ того получалъ народное названіе отъ господствующаго дома. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же народъ подъ домомъ Гунну (сунну) назывался гуннами, подъ домомъ Дулча —дулчащами, подъ домомъ Монголъ назвался монголами, и носитъ это названіе до тѣхъ поръ, пока вновь усилившійся какой-либо домъ покоритъ его и сообщитъ

ему свое собственное, народное названіе. Эти два обстоятельства не были извѣстны грекамъ. Ученые западной Европы упустили изъ виду первое и не обратили вниманіе на послѣднее, и потому напали на ложныя понятія о народныхъ именахъ. Принимая части за цѣлое, или одинъ народъ за другой, они видѣли какой-то непонятный для нихъ приливъ и отливъ народовъ. Усиливаясь согласить древнихъ греческихъ писателей съ китайскою исторіею, они прибѣгли къ догадкамъ, основываемымъ на созвучіи словъ, правдоподобіи и вѣроятности, и выводимыми отсюда заключеніями, вмѣсто поясненія, еще болѣе затемнили ихъ. Точно такимъ же образомъ они поступили и съ китайскими источниками. При сбивчивыхъ понятіяхъ о древнихъ народахъ въ средней Азіи, представляя себѣ вещи въ превратномъ видѣ, они находили въ китайской исторіи много темноты и странностей тамъ, гдѣ все было ясно и естественно, и наконецъ единогласно заключили, что китайцы, по своему невѣжеству, перепутали древнюю исторію средней Азіи.

Читая китайскую исторію въ подлинникѣ, притомъ безъ предубѣжденія противъ азіатскаго невѣжества, ясно видишь, какъ современные очерки средне-азійскихъ государствъ, уцѣлѣвшіе на скрижаляхъ китайской исторіи (въ древности—на бамбуковыхъ таблицахъ), оттѣняютъ одинъ народъ отъ другаго и указываютъ ихъ мѣстопребываніе, нерѣдко даже съ опредѣленіемъ разстоянія однихъ мѣстъ отъ другихъ. Поэтому не безъ основанія можно заключить, что таковыя свѣдѣнія могутъ даже до извѣстной степени пояснять древнихъ греческихъ историковъ и географовъ" (1). Въ этихъ видахъ нашъ синологъ собралъ въ

(1) «Какъ для древнихъ, такъ и новыхъ временъ, только китайскія записи и странствованія могутъ разъяснить исторію и географію всей восточной Азіи. Если мы знаемъ нынѣ Маньчжурію, Монголію, Тибетъ и западныя окраины Азіи, то обязаны этимъ не малочисленнымъ евро-

одно китайскія данныя, изложилъ въ точномъ переводѣ текста и пополнилъ примѣчаніями съ указаніемъ на обычаи и установленія Китая.

Китай искони имѣлъ въ сосѣдствѣ народы другаго происхожденія съ нимъ, подъ китайскими названіями: *Манъ, И, Ди, Жунъ*. Названіе *Манъ* дано было разнымъ поколѣніямъ индійскаго происхожденія, обитавшимъ въ нынѣшнихъ губерняхъ Ху-бэй и Хунань. Потомки ихъ и до нынѣ живутъ на древнихъ земляхъ ([1]). Названіе *И* китайская исторія усвоила тунгускимъ племенамъ, населявшимъ Корею и южную Маньчжурію. *Ди* было общее названіе разнымъ поколѣніямъ монгольскаго происхожденія, кочевавшимъ на сѣверѣ Китая, въ нынѣшней южной Монголіи. Названіе *Жунъ* принадлежало тангутамъ, обитавшимъ отъ Хухэнора на востокъ, отъ Китая на западъ. Тунгусы и тангуты искони находились подъ зависимостью Китая. Но Китай въ глубокой древности не имѣлъ близкихъ связей съ сопредѣльными народами, и посему исторія изрѣдка и притомъ вскользь упоминаетъ о нихъ. Съ X в. до Р. X. нападенія монголовъ и тангутовъ на Китай становятся значительнѣе. Въ смутное время разноцарствія Лѣ-го, т. е. въ продолженіе междоусобія между удѣльными владѣтелями (722 — 480 до Р. X.), они утвердились въ разныхъ мѣстахъ внутри сѣвернаго Китая. Въ періодъ брани царствъ, чжинь-го (480—223 до Р. X., по Васильеву 481 — 221) ([2]), когда Китай преобразовался въ семь сильныхъ царствъ, монголы и тангуты не могли удержаться въ завоеванныхъ земляхъ и оставили Китай. Монголы удалились въ Халху, тангуты — къ Хухэнору. Цинь - Шы-хуанъ, утвер-

---

Ойскимъ путешественникамъ, а китайскимъ географіямъ» (Васильевъ. Очеркъ исторіи китайской литературы, стр. 134).

([1]) См. выше замѣтку о китайскихъ инородцахъ, въ которыхъ о. Іакинѳъ видѣлъ аборигеновъ Китая.

([2]) См. его литографированныя примѣчанія и дополненія къ первому выпуску китайской христоматіи отъ 1868 г., стр. 118.

дивъ (въ 221 г.) единодержавіе въ имперіи, отдѣлился отъ нихъ великою стѣною. Но домъ Цинь во второмъ колѣнѣ погибъ отъ внутреннихъ неустройствъ (247 г. до Р. X). Домъ Хань заступилъ мѣсто его (247 до Р. X. —25 по Р. X.) Въ это время пришедшіе хунны (сюнну) наложили дань на Китай. Императоръ У-ди (140 — 87) прогналъ хунновъ. Съ того времени китайцы овладѣли восточнымъ Туркестаномъ, ходили въ Коканъ и въ 108 до Р. X. подчинили Корею (1). Вотъ какимъ обстоятельствамъ мы обязаны китайскими извѣстіями о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена. Изъ этихъ извѣстій, не смотря на краткость ихъ, открывается, что на всей полосѣ средней Азіи, отъ Восточнаго океана на западъ до Каспійскаго моря, искони обитали тѣ же самые народы, которые и нынѣ населяютъ эту страну; вели тотъ же самый образъ жизни, какой ведутъ потомки по прошествіи 2,000 лѣтъ; находились въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ послѣдніе и нынѣ живутъ, съ небольшимъ измѣненіемъ въ пространствѣ. Здѣсь важно замѣтить, что Китай, со времени открытія монголовъ, тунгусовъ и тюрковъ, донынѣ всегда находился въ политическихъ связяхъ съ помянутыми народами и всегда отличалъ одинъ народъ отъ другаго (2).

XVII.

Сношенія о. Іакинѳа съ членами пекинской миссіи и съ знакомыми въ обществѣ. Кончина.

Описаннымъ трудомъ заканчивается ученая и литературная дѣятельность о. Іакинѳа, трудолюбіемъ и плодовитостью приводившаго въ изумленіе своихъ современниковъ, которые дорожили его произведе-

(1) Тамже, стр. 123.

(2) Собраніе свѣденій о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи, ч. I, предувѣдомл., стр. VI и VII.

ніями (¹). Одинъ за многихъ членовъ пекинской духовной миссіи онъ доказалъ пользу ея существованія, помимо политическихъ и дипломатическихъ цѣлей. Въ послѣднихъ трудахъ о. Іакинѳъ отвѣтилъ на многіе вопросы ученыхъ программъ, данныхъ Азіатскимъ Департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ 12-й миссіи архим. Поликарпа, отправившейся въ Пекинъ въ 1840 г. Что было раздѣлено на 7 или 8 членовъ миссіи, то выполнилъ одинъ бывшій начальникъ ея. Современникамъ, занимавшимся въ одной съ нимъ области было уже легче идти по пробитому о. Іакинѳомъ пути при помощи его сочиненій. И мы видимъ это движеніе впередъ прежде всего на о. Аввакумѣ, членѣ 11-й миссіи и потомъ начальникѣ ея. Это была личность замѣчательная не менѣе о. Іакинѳа по добрѣйшему характеру и удивительной учености. Можетъ быть, онъ уступалъ о. Іакинѳу въ знаніи китайскаго языка, но за то онъ изучилъ еще языки маньчжурскій, монгольскій, тибетскій (²), корейскій, кромѣ европейскихъ и классическихъ языковъ. Жаль, что онъ унесъ съ собой въ могилу свою ученость и мало дѣлился ею въ литературѣ (³). Сочиненія о. Іакинѳа были изучаемы имъ еще въ Пекинѣ (⁴). По возвра-

(¹) Труды о. Іакинѳа современниками цѣнились довольно дорого. По бюллетеню книгопродавца Ѳ. В. Базунова, приложенному ко 2-й части упомянутаго сейчасъ сочиненія, видно, что Записки о Монголіи стоили 4 руб. сер., Китай (1848 г.) — 4 руб., Описаніе Тибета 2 р. 50 к., Статистич. описаніе 10 руб., Исторія первыхъ четырехъ хановъ 3 руб., Описаніе Чжуньгаріи 2 руб., Китайская грамматика 7 руб., Описаніе Пекина съ планомъ 7 руб. Въ настоящее время эти сочиненія сдѣлались библіографическою рѣдкостью и цѣнятся очень дорого.

(²) См. Замѣчанія о. Іакинѳа по поводу спора о монгольской надписи временъ Мункэ-хана, въ журналѣ М—ва Внутр. Дѣлъ или Москвитянинѣ за 1847 г., стр. 1. См. выше.

(³) См. характеристику его у Гончарова, «Фрегатъ Паллада», изд. 1884 г. въ полномъ собраніи сочиненій т. 7-й, стр. 566—569.

(⁴) Въ документахъ миссіи: реестръ книгъ, вновь привезенныхъ и принятыхъ о. Аввакумомъ, стр. 82.

щеніи изъ Китая въ С. Петербургъ въ 1841 г., онъ былъ, подобно о. Іакинѳу, причисленъ переводчикомъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался до своей кончины 10 марта 1865 г. До 1853 г. онъ находился въ живомъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ своей доброй души съ о. Іакинѳомъ.

Что касается другихъ членовъ миссіи, то нашему синологу удалось лично принести пользу о. Палладію, В. В. Горскому, В. П. Васильеву и И. И. Захарову, членамъ самой блестящей по составу 12-й миссіи. Передъ отъѣздомъ своимъ въ Пекинъ въ 1840 г. они получили отъ нашего синолога не только полезные совѣты и указанія, но и прямые уроки въ китайской словесности. Поэтому, если ихъ нельзя назвать учениками его, то безспорно можно считать продолжателями его трудовъ и энтузіастами, для которыхъ сочиненія о. Іакинѳа были исходнымъ пунктомъ въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. По прибытіи въ Пекинъ, одинъ изъ членовъ миссіи (вѣроятно В. В. Горскій) внесъ въ хронологическій каталогъ сочиненія о. Іакинѳа, поступившія въ библіотеку миссіи до 1840 (1). О. Палладій, прочитавшій всѣ тѣ первоисточники, какими пользовался о. Іакинѳъ, оставилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадяхъ также выписки изъ сочиненій нашего синолога и въ своихъ печатныхъ трудахъ дѣлаетъ ссылки на о. Іакинѳа (2). Онъ же, вѣроятно, сдѣлалъ замѣчанія и поправки на поляхъ двухъ сочиненій о. Іакинѳа о Тибетѣ и описанія Чжуньгаріи (3). О. Палладій по уче-

---

(1) См. въ документахъ миссіи, стр. 127—129.

(2) Напр. въ статьѣ «О китайской живописи», помѣщенной въ Запискахъ сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества за 1867 г. кн. IX и X, стр. 596.

(3) Судя по почерку, эти замѣтки скорѣе принадлежатъ о. Аввакуму. Въ сочиненіи: Описаніе Тибета (1828) на стр. XVI, 15, 16, 18 и 20 строки перевода о. Іакинѳа исправлены были точно; на стр. 60 слово: Срунъ Цьзялъ-Кябу исправлено на Сронъ-цзань Гамбо. На стр. 94, 96—98 вмѣсто слова поколѣнія—удѣлы. На стр. 96 и 103 слово Гябу

ности не уступалъ о. Іакинѳу, а въ характерѣ даже превосходилъ его. Апологія проф. Васильева, считавшаго дерзостью разбирать сочиненія о. Іакинѳа, ука-

—Чжялъ-бо. На стр. 208 вмѣсто слова Сангѣ — «Санъ цзѣ» буквально значитъ: по пробужденіи сдѣлавшійся извѣстнымъ: Вмѣсто брахманской-буддистской. На стр. 209 большая замѣтка «Религія Будды проникла въ Тибетъ въ 407 г. по Р. X., но до половины VII в. оставалась забытою. Знаменитый государь Тибета Сронцзань Гамбо около половины VII в. ввелъ письмена и распространилъ религію». По поводу словъ *Эсерванъ* и *Хормаста* на той же стр. замѣтка: «Это разныя существа и вовсе не суть лица одного божества. Эсерванъ или Эсрунъ, по индійски *Брама*, есть первый изъ духовъ небесныхъ, а Хормуста есть первый изъ 32 духовъ, обитающихъ на горѣ Сюмирѣ, и по достоинству оба ниже Буддъ, а сихъ послѣднихъ также множество. Съ конца 209 стр. слова: въ яйцѣ заключеннаго, и дал. на 210 стр. три строки зачеркнуты, а вмѣсто нихъ замѣчено: «это двоюродный братъ Шигемунія и не считается ни въ числѣ Буддъ, ни въ числѣ духовъ». Въ концѣ той же стр., послѣ словъ: «Тибетской исторіи» прибавлено: «на тибетскій языкъ начали переводить ихъ Таньми Самбода при государѣ Сронъцзань Гамбо въ половинѣ VII в. по Р. X.» На стр. 212 слово *Гэндунъ* объяснено: желающій счастія». На стр. 213 слово: «монгольское» зачеркнуто дважды. На стр. 214 объясненіе слова *Лама*; оно не монгольское, какъ думалъ о. Іакинѳъ, а тибетское. «Лама, по буквальному значенію: такой, выше котораго нѣтъ никого". На стр. 216: объясненіе слова Хутухту исправлено на *святой*. На стр. 223 слова у *самыхъ дверей* зачеркнуты и замѣнены словами: въ передней части. Слова: «имѣя лицо обращенное къ божествамъ» — вовсе зачеркнуты.

Въ сочиненіи: Описаніе Чжуньгаріи и восточнаго Туркистана» есть также замѣтки. На стр. XVII къ слову шеньду прибавлено: «т. е. Индія». На стр. XIX слово Чжейгунь переведено точнѣе: Чжигунъ. На стр. XXI къ слову Гуй-хо замѣчено: «это Oxus рѣка». На стр. XLI къ слову Ойратъ объясненіе: «союзники». На стр. XLIII къ слову Чжибиль прибавлено: «Корhена». На стр. 127 къ послѣднему зачеркнутому внизу слову: «пустая» приписано большое замѣчаніе: «противоположная сторона имѣетъ китайскую надпись изъ четырехъ буквъ, расположенныхъ крестообразно около отверстія: первыя двѣ, т. е. верхняя и нижняя, составляютъ *названіе правленія* китайскаго императора, а другія двѣ, т. е. правая и лѣвая, составляютъ общее имя монеты (тунъ-бао)». На стр. 186 объяснено слово *Оцъзиръ*: «по кит. Эцзилэ». Въ Историч. обозрѣніи Ойратовъ о. Іакинѳъ назвалъ это мѣсто *Эгилъ*. Симъ именемъ калмыки называютъ Волгу. Правильнѣе: Эчжиль».

Эти замѣчанія драгоцѣнны по основательности ихъ и потому, что принадлежатъ личностямъ, слишкомъ мало оставившимъ печатныхъ произведеній.

зана выше. И онъ, подобно о. Палладію, отдаетъ дань уваженія нашему синологу, на сочиненія котораго дѣлаетъ нерѣдко ссылки въ своихъ трудахъ (1). Тоже, конечно, можно сказать и объ И. И. Захаровѣ.

Въ свою очередь и о. Іакинѳъ симпатизировалъ молодежи, отправившейся въ Пекинъ. Онъ не забывалъ ее при писаніи своего лучшаго сочиненія по статистикѣ Китая (2), переписывался съ нею и считалъ долгомъ посылать туда свои печатные труды. Такъ, экземпляръ Историч. обозрѣнія Ойратовъ онъ пожертвовалъ „Въ библіотеку россійской миссіи въ Пекинѣ 5 дек. 1835 г“., съ собственноручной надписью. Въ 1843 г. онъ чрезъ азіатскій департаментъ послалъ въ Пекинъ два своихъ сочиненія: Китай (1840 г) и Статистич. описаніе китайской имперіи. Книгу о земледѣліи въ Китаѣ онъ 8 февр. 1844 г. отправилъ въ Пекинъ начальнику миссіи архим. Поликарпу съ собственноручною надписью: „От издателя“. На экземплярѣ книги „Китай“ 1848 г. о. Іакинѳъ написалъ: „Архимандриту Поликарпу въ знакъ истиннаго уваженія сочинителя. Генв. 8, 1848 г.“. Живя въ Петербургѣ, онъ являлся холатаемъ за интересы пекинской миссіи предъ Азіатскимъ Департаментомъ и Академіей Наукъ. Такъ въ 1846 г. онъ писалъ въ Пекинъ, что Академія Наукъ поручила ему разсмотрѣть статьи членовъ пекинской духовной миссіи и сказать свое мнѣніе. По его словамъ, онъ прочиталъ эти статьи съ величайшимъ удовольствіемъ и отозвался въ весьма лестныхъ выра-

(1) Такъ въ своемъ сочиненіи: «Исторія и древности восточной части средней Азіи» онъ, по собственнымъ словамъ, руководился «Исторіей Тибета и Хухенора» о. Іакинѳа и его же «Исторіей четырехъ хановъ» (стр. 88. 89. 148). Кромѣ того онъ дѣлаетъ неоднократныя ссылки на сочиненіе о. Іакинѳа: Исторія древнихъ народовъ средней Азіи (стр. 2. 7. 12. 30. 31. 34. 136). Ср. также замѣтки его въ статьѣ Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азіатскимъ (стр. 115. 118) и въ Очеркахъ исторіи китайской литературы (стр. 134).

(2) Статистич. описаніе китайск. имперіи, I, XXIII.

женіяхъ. Но академики не всѣ были согласны касательно напечатанія статей. Въ утѣшеніе авторовъ о. Іакинѳъ прибавлялъ, что если статьи вернутъ, то онъ употребитъ все отъ него зависящее и непремѣнно упроситъ Азіатскій Департаментъ напечатать ихъ въ Москвитянинѣ. Но, замѣчаетъ одинъ членъ тогдашней миссіи, обиженный въ авторскомъ своемъ самолюбіи, статьи не были напечатаны именно потому, что о. Іакинѳъ упрашивалъ и надоѣлъ своими просьбами такъ, что ему, а вмѣстѣ съ нимъ и авторамъ статей, отказали до времени, когда послѣдніе лично защитятъ содержаніе статей (1). Эти статьи были отпечатаны впослѣдствіи въ Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ (т. 1 и 2-й Спб. 185 2/3 г). Въ 1847 г. о. Іакинѳъ оплакалъ утрату самаго даровитаго члена этой миссіи, Вл. В. Горскаго, стоявшаго, по сознанію В. П. Васильева, цѣлою головою выше всѣхъ своихъ также способныхъ и даровитыхъ товарищей (2), изучившаго въ совершенствѣ языки: китайскій, монгольскій, маньчжурскій и тангутскій (3). Онъ скончался въ Пекинѣ отъ чахотки 14 апрѣля 1847 г. (4). Вліяніе о. Іакинѳа за-

---

(1) Письма іером. Гурія къ преосв. Іакову въ Таврич. епарх. вѣдом. 1883 г., № 4, стр. 165

(2) В. П. Васильевъ называетъ покойнаго Горскаго своимъ другомъ «Буддизмъ, его догматъ, исторія и литература», Спб. 1857, ч 1, стр. 260. Горскій былъ моложе всѣхъ товарищей, онъ кончилъ курсъ 20 лѣтъ, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, случайно сохранившемся въ миссіи. Азіатскій департаментъ очень жалѣлъ о преждевременной кончинѣ Горскаго. Въ отношеніи Д—та отъ 3 сент. 1847 г. № 2736, къ архим. Поликарпу было написано: «Потеря его тѣмъ для насъ была чувствительнѣе, что г. Горскій, какъ видно изъ всѣхъ о немъ отзывовъ, подавалъ самыя блистательныя надежды и исполненъ былъ истиннаго таланта, соединеннаго съ примѣрнымъ труболюбіемъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ и опыты представленныхъ сюда ученыхъ его трудовъ».

(3) По замѣчанію о. Исаіи въ росписи миссій.

(4) Какъ значится въ метрикахъ за этотъ годъ. Ср. Дневникъ А. В. Горскаго, 1847 г. 30 авг.: «братца не стало». (Твор. св. Отц. М. 1884 г. кн. IV, стр. 308.

мѣтно и на членахъ послѣдующихъ миссій, напр. о. іерод. Иларіонѣ Оводовѣ, который руководствовался трудами о. Іакинѳа въ своемъ Очеркѣ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ (1).

Съ начала пятидесятыхъ годовъ силы нашего многоплоднаго синолога стали ослабѣвать. Онъ чаще сталъ нуждаться въ отдыхѣ и послѣ 1850 г., кажется, уже ничего не писалъ.

Какъ духовное лицо, о. Іакинѳъ, безъ сомнѣнія, искалъ и находилъ нравственную поддержку и подкрѣпленіе въ религіи. Замѣчательно, что онъ, по лишеніи сана, остался во всю жизнь въ смиренномъ образѣ „монаха Іакинѳа", какъ подписывался подъ своими сочиненіями. Званіе переводчика не только не мѣшало, даже давало ему средства и возможность покупать книги. 11 мая 1853 г. о. Іакинѳъ скончался.

І. Н. А.

Пекинъ.
3 авг. 1885 г.

(1) Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ въ Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи, Спб. 1853 г., т. II, стр. 456. 476.